

# БОРИС СУДАРУШКИН

## Волжский роман



## Исчезнувшее свидетельство

Волжский роман

Борис Сударушкин

**Исчезнувшее свидетельство**

«ВЕЧЕ»

2020

**Сударушкин Б. М.**

Исчезнувшее свидетельство / Б. М. Сударушкин — «ВЕЧЕ»,  
2020 — (Волжский роман)

ISBN 978-5-4484-8220-5

Повесть «Исчезнувшее свидетельство» продолжает задуманную писателем серию исторических детективов. Она раскрывает историю находки и гибели древнего списка «Слова о полку Игореве». Помимо фактических, порой неожиданных сведений о «Слове», повесть интересна увлекательным историческим сюжетом, который переносит читателя из современного Ярославля в древний Ростов Великий, из горящей Москвы 1812 года в усадьбу графа А.И. Мусина-Пушкина в Иловне, из уютной городской квартиры в монастырское книгохранилище. Продолжением этой истории стала повесть «Находится в розыске», посвященная поискам легендарной библиотеки Ивана Грозного.

ISBN 978-5-4484-8220-5

© Сударушкин Б. М., 2020

© ВЕЧЕ, 2020

## Содержание

Исчезнувшее свидетельство	6
Часть первая. Очевидцы свидетельствуют	6
Глава первая. Заказ на расследование	6
Глава вторая. В древней книгохранильнице	13
Глава третья. Вызов брошен!	19
Глава четвертая. Информация к размышлению	24
Глава пятая. Акварель с секретом	29
Глава шестая. Допрос сиятельного графа	35
Глава седьмая. Очевидцы свидетельствуют...	40
Часть вторая. Убийство в графской усадьбе	46
Глава первая. Соблюдая конспирацию	46
Глава вторая. Загадки монастырских описей	52
Глава третья. Таинственный архимандрит	58
Глава четвертая. Мне угрожают	63
Глава пятая. А был ли мистификатор?	70
Глава шестая. Убийство в графской усадьбе	77
Часть третья. Забытая версия	84
Глава первая. Пропавшие письма	84
Глава вторая. Преславный град Ростов	90
Конец ознакомительного фрагмента.	92

# **Борис Михайлович Сударушкин**

## **Исчезнувшее свидетельство**

© Сударушкин Б.М., 2020

© ООО «Издательство «Вече», 2020

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2020

## Исчезнувшее свидетельство

### Часть первая. Очевидцы свидетельствуют

– Какая беда случилась на сей раз? – спросил я префекта. – Надеюсь, это не еще одно убийство?

– О нет! Ничего подобного. Собственно говоря, дело это чрезвычайно простое, и я не сомневаюсь, что мы с ним и сами превосходно справимся, но мне пришло в голову, что Дюпену, пожалуй, будет любопытно выслушать его подробности – ведь оно такое причудливое.

– Простое и причудливое, – сказал Дюпен.

– Э... да. Впрочем, не совсем. Собственно говоря, мы все в большом недоумении, потому что дело это на редкость просто, и тем не менее оно ставит нас в совершенный тупик... Мне было сообщено из весьма высоких сфер, что из королевских апартаментов был похищен некий документ величайшей важности. Похититель известен. Тут не может быть ни малейшего сомнения: видели, как он брал документ. Кроме того, известно, что документ все еще находится у него.

– Откуда это известно? – спросил Дюпен.

– Это вытекает, – ответил префект, – из самой природы документа и из отсутствия неких последствий, которые неминуемо возникли бы, если бы он больше не находился у похитителя – то есть если бы похититель воспользовался им так, как он, несомненно, намерен им в конце концов воспользоваться...

*Эдгар Аллан По. Похищенное письмо*

### Глава первая. Заказ на расследование

Пожалуй, еще никогда я не получал более странных и загадочных писем. Во-первых, оно было анонимным, и там, где обычно ставится подпись, аккуратным, изящным почерком с завитками было крупно выведено: «Ваш читатель». Во-вторых, меня не могло не поразить само содержание письма: мне предлагалось ни мало ни много, как провести расследование, причем в письмо был вложен и своеобразный «гонорар» за согласие участвовать в этом расследовании. Наконец, третье, не менее необычное обстоятельство: письмо пришло не по почте, а было доставлено мне курьером, который тоже пожелал остаться неизвестным.

Однако будет лучше, если я начну излагать события по порядку, не забегая вперед, как делают, чтобы заинтриговать читателя, некоторые авторы детективных произведений. В данном случае это совершенно ни к чему, поскольку события, положенные в основу предлагаемого повествования, развивались с такой скоростью и с такими крутыми поворотами, что мне достаточно лишь проследить за их очередностью, ничего не прибавляя и не убавляя.

Был жаркий летний полдень. Солнечные лучи врывались в окно моей однокомнатной угловой квартиры на пятом этаже с такой силой, словно намеревались ее поджечь. Не прохладнее было и на кухне, где я чистил картошку к обеду, уже в который раз за последнее время задумываясь о том, что личная свобода, конечно, вещь хорошая, но не пора ли поступиться ею и упорядочить свой холостяцкий быт?

Мои рассуждения о плюсах и минусах семейной жизни прервал звонок в дверь. Подумав, что это кто-то из соседей, я открыл ее, сжимая в свободной руке кухонный нож.

Взлохмаченный, в незастегнутой рубашке навыпуск, в шлепанцах на босу ногу и с холодным оружием в руке я, наверное, в тот момент походил на приехавшего на побывку морского

пирата. Поэтому неудивительно, что девушка, позвонившая в дверь, увидев меня в таком расхристанном виде, сделала шаг назад и растерянно пролепетала:

– Простите... Я, наверное, ошиблась дверью.

– Очень сожалею, что вы ошиблись, – наспех пытался я сострить, оторопело рассматривая незнакомку.

При этом я был совершенно искренен – девушка мне действительно с первого взгляда понравилась: высокая, голубоглазая, белая кофточка и короткая черная юбка подчеркивали безупречность ее стройной фигуры; длинные пушистые волосы золотистым нимбом обрамляли чистое, красивое лицо.

Было ей, по моему предположению, чуть больше двадцати лет; через плечо перекинута простенькая сумка на длинном ремешке, на загорелых ногах – белые босоножки.

Люди с такой внешностью сразу внушают доверие к себе, что я и испытал в ту минуту, пока разглядывал девушку. Однако мой внешний вид, вероятно, вызвал у нее совсем другое чувство – в глазах незнакомки тенью мелькнул испуг.

Я спрятал нож за спину и спросил как можно вежливей, пятерней пригладив растрепанные волосы:

– Если не секрет, кого вы разыскиваете? Я в нашем подъезде всех знаю, так что могу вам помочь.

И тут девушка робко назвала мою фамилию, что меня одновременно и обрадовало и удивило – еще никогда мою квартиру не посещали такие симпатичные гости.

Я как можно шире открыл дверь и, стараясь выглядеть солидным, сдержанно произнес:

– Тогда проходите. На мое счастье, вы не ошиблись: я – тот самый человек, которого вы разыскиваете.

Однако девушка не тронулась с места и по-прежнему смотрела настороженно, недоверчиво.

– А вы меня не разыгрываете?

– С чего вы решили?

– Мне сказали, что человек, которого я должна найти, писатель.

– Понятно, – иронически протянул я. – Видимо, вы представляли себе, что писатель выйдет к вам непременно с пишущей машинкой на шее или с гусиным пером за ухом?

– Нет, конечно, – еще больше смутилась девушка. – Просто я думала, писатель должен выглядеть гораздо старше...

– И солидней?

Девушка промолчала, однако по ее лицу я понял, что именно это она и хотела сказать, но постеснялась.

– Значит, чтобы выглядеть настоящим писателем, я еще слишком молод? Серьезный недостаток. Одно утешение, что со временем он исчезнет сам собой, без всяких усилий с моей стороны...

Я хотел произнести эту фразу без улыбки, с видом оскорбленного достоинства, но не получилось, губы девушки тоже тронула улыбка.

– Так вы зайдете в квартиру или мы так и будем продолжать этот содержательный разговор через порог? Говорят, плохая примета. Чтобы у вас не осталось сомнений, тот ли я человек, за кого выдаю себя, я покажу паспорт.

– Зачем же?! Я вам и так верю...

Только теперь я вспомнил о незастегнутой рубашке и, сунув ножик в карман брюк, торопливо застегнулся, посторонившись, пропустил девушку в прихожую. Она переступила порог, вынула из сумки большой, нестандартный, явно самодельный конверт из плотной желтой бумаги.

– Мне поручили передать вам это письмо.

– Кто поручил?

– Вы все поймете из письма. – Девушка протянула конверт, намереваясь тут же уйти, что меня вовсе не устраивало. И я напустил на себя такую строгость, словно речь шла о вручении важного дипломатического послания:

– Извините, однако прежде чем вы уйдете, я должен обязательно ознакомиться с содержанием письма.

– Но я спешу.

– Это не займет много времени, – настаивал я на своем условии. – В противном случае я просто не возьму письмо и вам не удастся выполнить поручение.

Девушка, взглянув на часы, покорно вздохнула и, пройдя в комнату, присела на стул возле самой двери.

Догадливые читатели, наверное, уже поняли, что весь этот спор я затеял, чтобы подольше задержать незнакомку у себя в квартире. Девушка интересовала меня больше, чем содержание письма, поэтому, оттягивая время, я поудобней устроился в кресле возле журнального столика, с обеих сторон внимательно разглядел конверт, на котором крупными буквами был написан мой адрес и фамилия с инициалами, и только после этого вскрыл его.

Первым я извлек из конверта толстый лист картона, тщательно завернутый в папиросную бумагу. Развернув ее, увидел акварель с изображением какого-то старинного трехэтажного особняка на берегу реки и церквушки рядом. Хотя я совершенно не разбираюсь в живописи, но тут сразу догадался, что акварели не один десяток лет и создана она настоящим художником. Это заставило меня уже с интересом развернуть сопроводительное письмо, написанное, как я уже говорил, очень аккуратным, даже изысканным почерком с такими замысловатыми завитками, которые раньше мне приходилось видеть только на фотокопиях писем и документов прошлого века.

Таков же, под старину, был и стиль письма, но еще больше меня удивило его содержание. Поскольку это письмо положило начало всем последующим событиям, привожу его полностью, без сокращений:

«Милостивый государь!

Вероятно, мое письмо Вас удивит, но постарайтесь отнестись к нему со всей серьезностью. Просьба, с которой я намереваюсь обратиться к Вам, – это не розыгрыш и не прихоть пожилого человека, не знающего, чем занять отмеренное ему Богом время земной жизни. Все гораздо сложнее, чем может представиться на первый взгляд, и в силу ряда обстоятельств, которые когда-нибудь я изложу Вам, крайне важно для меня. Пока же скажу одно: от Вашего решения – принять или не принять мое предложение – зависит если не моя жизнь, то, по крайней мере, мое душевное состояние, а в преклонном возрасте, в котором нахожусь я, это, согласитесь, немало. Только не подумайте, ради бога, что я хочу Вас разжалобить! Просто мне очень нужно, чтобы с самого начала Вы поверили в мою искренность и горячую заинтересованность в результатах того расследования, которое я предлагаю Вам провести.

Естественно, у Вас возникнет вопрос, почему со своей странной, необычной просьбой я обращаюсь именно к Вам. Признаюсь откровенно: главную роль тут сыграл случай. Дело в том, что я не большой любитель беллетристики, тем более приключенческой литературы, но так получилось, что недавно мне довелось прочитать одну за другой Ваши повести “Секрет опричника” и “Преступление в Слободе”. После этого я опять-таки случайно узнал, что в основу повестей положены реальные события, а принимавшие в них участие Историк и Краевед – реально существующие люди, Ваши хорошие знакомые Окладин и Пташников. С их помощью Вы провели в первом случае расследование по делу о пропавших новгородских сокровищах, во втором – по делу об убийстве в Александровой слободе царевича Ивана. В обоих расследованиях Вам помогал и непосредственно участвовал в событиях Ваш школьный приятель, ныне работающий в отделе Министерства внутренних дел, который занимается поиском сокровищ,

представляющих собой большую государственную ценность. В конце повести “Преступление в Слободе” было высказано замечание, что следующая Ваша книга будет посвящена загадке библиотеки Ивана Грозного. Это обстоятельство и натолкнуло меня на мысль, что именно Вы с Вашими друзьями могли бы провести то расследование, которое мне сейчас уже не под силу, но мысли о необходимости проведения которого не оставляют меня. Я имею в виду расследование обстоятельств находки графом Алексеем Ивановичем Мусиным-Пушкиным списка “Слова о полку Игореве” и последующей гибели этого уникального списка во время взятия Москвы Наполеоном. Пока я не имею возможности объяснить Вам, почему именно эта загадка отечественной истории так заинтересовала меня, но поверьте, этот интерес имеет под собой очень серьезные и веские основания, ради праздного любопытства я не стал бы Вас беспокоить. Вместе с тем я уверен, что при Вашей энергии и с помощью таких опытных специалистов, как историк Окладин, краевед Пташников и криминалист Лапин, загадку находки и гибели этого бесценного сокровища русской культуры можно по крайней мере приоткрыть, если не раскрыть ее полностью и окончательно. Тем более что в придачу к Вашей энергии и познаниям Ваших друзей у меня имеются такие вещественные свидетельства, которые значительно дополняют и облегчают это расследование. В качестве доказательства тому одновременно с письмом высылаю Вам акварель с изображением усадьбы Мусиных-Пушкиных в селе Иловна Мологского уезда, которая ныне затоплена водами Рыбинского моря. Акварель написана талантливым крепостным художником при жизни Алексея Ивановича Мусина-Пушкина и, вероятно, по его заказу. Вы можете оставить эту акварель как гонорар за будущую работу у себя или же передать ее в Ярославский музей, где существует отдел, посвященный истории находки и гибели списка “Слова о полку Игореве”. Там, как мне известно, хранится только копия. Таким образом, данная акварель представляет собой очень большую ценность. Вероятно, появление оригинала вызовет в музее вопросы, как он оказался у Вас. Я был бы весьма благодарен Вам, если бы Вы ответили на них без упоминания моего письма. Также я попросил бы Вас не говорить об этом письме и Вашим друзьям, которых, как я надеюсь, Вы сможете привлечь к предлагаемому мною расследованию. Потом, со временем, я разрешу Вам рассказать все без утайки, но пусть это будет не в самом начале расследования. Думаю, у Вас хватит и других убедительных доводов в пользу его проведения. Что же касается Ваших планов в отношении повести о библиотеке Ивана Грозного, то мне кажется, после окончания расследования по делу о “Слове о полку Игореве” переход к этой теме будет еще более естественен и закономерен. Со своей стороны я обещаю дополнить Ваше расследование по делу о “Слове” такими материалами, которых Вы не найдете нигде, кроме как у меня. После того как следствие будет закончено, я объясню и причины, заставившие меня обратиться к Вам анонимно и с такой необычной просьбой.

Конечно, мне интересно наблюдать за ходом расследования с самого начала, но как это сделать? Сперва я хотел просить Вас высылать копии его протоколов мне “до востребования”, но тут я узнал, что прежде чем вышла книга “Секрет опричника”, Вы печатали очерки о поисках новгородских сокровищ в местной молодежной газете. Нельзя ли поступить таким же образом и в данном случае? Это был бы наилучший вариант и для Вас – пишущего человека, и для меня. Надеюсь, Вам не составит большого труда договориться с редактором о такой публикации в нескольких номерах его газеты. Так получилось, что подавляющее большинство материалов о “Слове о полку Игореве” носят научный, специальный характер и широкому кругу читателей они малодоступны. Ваши очерки в какой-то мере восполняют этот пробел, а главное – благодаря этому расследованию, возможно, будет разгадана одна из темных и таинственных страниц отечественной истории. В любом случае (обязательно скажите об этом редактору) его газета первой опубликует сообщение о “Слове”, которое произведет настоящую сенсацию.

И еще одна, последняя просьба. Возможно, Вы захотите узнать обо мне у девушки, которая принесет Вам это письмо. Пожалуйста, не ставьте ее своими вопросами в трудное положение – я попросил не говорить Вам, кто я такой. Всему свое время. Если Вы прочитаете письмо

в ее присутствии и сразу же примете решение, согласны или нет провести предлагаемое мною расследование, то, пожалуйста, скажите ей об этом – так я узнаю о Вашем решении гораздо быстрее, чем по другому имеющемуся у меня каналу.

*С искренним уважением и с надеждой на понимание – Ваш читатель».*

Вникая в суть этого пространного письма, я несколько раз поднимал глаза на девушку. Она сидела на краешке стула неподвижно, словно статуя, и задумчивым, отсутствующим взглядом смотрела в окно. А я, хотя анонимное послание и произвело на меня впечатление, так же неотрывно готов был глядеть на нее.

Но стоило мне положить прочитанные страницы на журнальный столик, как девушка тут же поднялась.

– Теперь я могу идти? Извините, я, честное слово, опаздываю.

Я лихорадочно думал, как задержать ее хотя бы на минуту.

– Вы учитесь?

– Да.

– В институте?

Девушка молча кивнула.

– В каком?

– Мне не хотелось бы отвечать на этот вопрос. – Она отвела глаза в сторону.

Я посмотрел в ее открытое, миловидное лицо, вспомнил предупреждение анонимного автора письма – и мне стало стыдно.

– Ладно, если не хотите – не говорите, – милостиво разрешил я. – Но свое имя вы можете назвать?

Девушка в затруднении прикусила верхнюю губку, но все-таки сказала:

– Наташа.

– Наташа? Это имя к вам очень идет. Кстати, у многих русских писателей жен звали Наташами, – совсем не к месту, лишь бы только протянуть разговор, заметил я.

– Наверное, писатели любили их не только за имя. – Губы девушки опять дрогнули в улыбке.

– Да, конечно, – с удовольствием подхватил я. – При этом сыграли свою роль и другие внешние и внутренние факторы...

Наташа еще раз нетерпеливо взглянула на часы, и мне пришлось прервать свои рассуждения не по делу.

– Вы знаете, о чем письмо? – резко сменил я тон.

– В общих чертах – да.

– В таком случае передайте вашему знакомому, что я согласен принять участие в предлагаемом им расследовании. Постараюсь привлечь к нему своих друзей, которых он упоминает в письме. Если все сложится удачно, недели через две-три опубликую в молодежной газете первый очерк о начале этого расследования. Акварель с видом усадьбы Мусина-Пушкина я завтра же передам в музей – это слишком ценная вещь, чтобы хранить ее дома.

– Спасибо, – неожиданно сказала девушка.

– За что?

– За то, что вы пошли навстречу... этому человеку. До свидания.

– Значит, мы еще встретимся?

– Вполне возможно, – улыбнулась Наташа на прощание.

Прежде чем перечитать письмо, отдельные фразы которого показались мне непонятными и даже странными, я подошел к окну и дождался, когда моя гостья вышла из подъезда. На углу возле продовольственного магазина она замедлила шаги, видимо, забыв обратную дорогу. Тут ей навстречу попался мой сосед Юрий – его квартира была напротив моей и мы с ним часто

коротали вечера за шахматной доской. Наташа что-то спросила его, он ответил, махнув рукой в сторону троллейбусной остановки. Перед тем как завернуть за угол, она обернулась и, как мне почудилось, посмотрела на мое окно.

Я ругнул себя, что не вызвался ее проводить, и вышел на лестничную площадку, где дождался Юрия.

– Сейчас на улице к тебе подходила девушка. О чем она спрашивала?

– Твоя знакомая, что ли? Очень милая и симпатичная. Из таких жены хорошие получаются. Ты об этом не задумывался?

– У меня сейчас не тем голова забита, – ответил я Юрию, хотя мысленно согласился с ним.

– А зря, пора бы уже и задуматься. – Увидев, что я не расположен развивать эту тему, Юрий сказал: – Она спросила, как лучше доехать до Спасского монастыря – троллейбусом или автобусом. Я посоветовал троллейбусом – остановка ближе, и они чаще ходят...

Я вернулся в комнату, опять сел в кресло и взял с журнального столика письмо. Прочитал несколько строк, но так и не смог сосредоточиться – перед глазами стояла Наташа, вспоминался каждый ее жест, каждое слово. Она призналась, что учится в институте. Чтобы попасть в политехнический институт, надо выйти через две остановки. Но девушка спрашивала Юрия, как доехать до Спасского монастыря. Рядом с монастырем, через трамвайную остановку, находится один институт – педагогический. Однако оставались сомнения. Чуть дальше Спасского монастыря – театральный институт. Не могла ли Наташа учиться там? Но вспомнив скромность своей гостью и ее облик, я тут же усомнился в этом предположении – студентки театрального института представлялись мне иначе: броскими на вид и более уверенными в себе. Но тут же приходила другая мысль: а может, Наташа так талантлива, что запросто разыграла передо мной роль скромной и застенчивой студентки? Хотя этот вариант и казался мне нереальным, но и его нельзя было полностью сбрасывать со счета.

Я рассуждал дальше. В Спасском монастыре находится историко-архитектурный музей-заповедник, один из отделов которого посвящен «Слову о полку Игореве». В создании этого отдела, как мне было известно, активное участие принимал краевед Пташников. Не решил ли он вместе с музейными работниками разыграть меня? Не в музее ли работает Наташа? Но какова цель этого розыгрыша? Как ни ломал голову, я не мог найти на этот вопрос вразумительного ответа. Да и не похоже на Пташникова, целиком увлеченного своими краеведческими изысканиями, принимать участие в таких розыгрышах.

Значит, Наташа учится в педагогическом институте. Но там преподает историк Окладин. Не мог ли он устроить этот розыгрыш, попросив Наташу принять участие в нем? Однако возникал тот же вопрос: с какой целью? И тут мне вспомнились события, связанные с поисками новгородских сокровищ, когда я долго безосновательно подозревал Окладина в причастности к делу чернобородого авантюриста Отто Бэра. Не решил ли Окладин подшутить надо мной в отместку за тот случай?

Однако и это предположение выглядело неубедительно. И я еще раз медленно перечитал письмо, останавливая внимание на тех фразах, которые насторожили меня при первом прочтении.

Откуда автор письма мог знать, что краевед и историк в моих повестях – не вымышленные герои, а реальные люди? Догадаться можно было только в том случае, если этот человек хорошо знаком с Пташни-кавым и Окладиним. Тогда напрашивался вывод, что и они хорошо знают его. Но существует ли он в действительности? Не выступил ли в роли анонима Окладин, которому прекрасно известны обстоятельства появления на свет этих повестей?

Автор письма пытался убедить меня, что к истории списка «Слова о полку Игореве» у него имеется какой-то особый, личный интерес. Но не наивно ли звучит это объяснение? Ведь

со дня находки списка «Слова» Мусиным-Пушкиным прошло двести лет! О каком личном интересе может идти речь?

Каким образом у человека, написавшего мне письмо, могла оказаться старинная акварель с видом усадьбы Мусина-Пушкина? Почему он уверен, что я легко договорюсь с редактором молодежной газеты о публикации результатов расследования? О наших с ним дружеских отношениях знали Пташников и Окладин, но откуда о них известно постороннему человеку?

Размышляя таким образом, я все больше склонялся к подозрению, что автор письма или краевед, или историк. В этом меня убеждала и проскользнувшая в письме фраза, что о моем решении участвовать или не участвовать в расследовании он может узнать не только через курьера, но и по другому имеющемуся у него каналу. Ясно, если я подключу к расследованию Пташникова и Окладина, то они узнают о моем решении в первую очередь.

Казалось бы, все эти факты должны были окончательно убедить меня в верности моего подозрения, но я опять и опять вспоминал честное, открытое лицо Наташи – и не мог поверить, что она могла принять хотя бы косвенное участие в розыгрыше, что ее короткое «спасибо», сказанное после того, как я дал согласие участвовать в расследовании, было неискренним, наигранным. Или она сама не знала истинной подоплеку всей этой истории с анонимным письмом, потому и держалась так естественно?

Весь день размышлял я над случившимся, склоняясь то к одному предположению, то к другому, но так и не решил, которое из них ближе к истине. В конце концов, подумалось мне, я ничего не теряю, если соглашусь с просьбой анонима не говорить о письме Пташникову и Окладину, но сделаю все возможное, чтобы привлечь их к расследованию. А заодно понаблюдаю, как они прореагируют на это.

Хотя я и не понял, на что намекал автор письма, вскользь заметив, что после окончания расследования по делу о «Слове» переход к расследованию судьбы библиотеки Ивана Грозного «будет еще более естественен и закономерен», но и не видел особых причин отказываться от предложенного мне плана. При этом я вспомнил, как еще во время поисков новгородских сокровищ, знакомясь с описями ризницы Спасо-Преображенского собора, мы с Пташниковым уже касались тайны «Слова о полку Игореве». Его древний список упоминал на допросе и арестованный в Ростове Великом авантюрист Отто Бэр, доказывавший, что «Слово» попало в Ярославль после Новгородского погрома. Таким образом, мой интерес к исчезнувшему древнему списку тоже был вполне закономерен и обоснован предыдущими событиями.

Придя к такому выводу, я в тот же вечер позвонил Пташникову. Он удивительно быстро согласился с моим предложением попытаться расследовать судьбу «Слова о полку Игореве»:

– Не знаю, чем вы руководствуетесь, решив сначала разобраться со «Словом», а уж потом вплотную заняться библиотекой Грозного, но я вижу в этом определенный смысл. Пожалуй, в таком порядке эти две тайны отечественной истории рассматривать даже логичней.

Когда я попросил объяснить, в чем он видит тут логику, Пташников ушел от ответа:

– Не будем забегать вперед. С чего предлагаете начать?

– С посещения музейной экспозиции, посвященной истории древнего списка «Слова о полку Игореве». Хотя я видел ее раньше, но теперь, если мы приняли такое решение, под вашим руководством мне надо изучить ее как следует, досконально.

– Что ж, решение абсолютно правильное. Завтра в десять часов жду вас возле музея...

Что мне всегда нравилось в краеведе, так это его способность моментально загораться новой идеей и, осуществляя ее, сразу же брать быка за рога. Но совсем другим человеком – более здравым и рассудительным – был Окладин. Поэтому я и сейчас, после разговора с Пташниковым, не был уверен, что историк согласится принять участие в расследовании по делу о «Слове». Если, конечно, он не причастен к анонимному письму – это подозрение все еще не покидало меня. Вспомнилось, с каким скептицизмом Окладин отнесся к утверждению краеведа, что библиотека Ивана Грозного – историческая реальность. Не решил ли он с помощью

анонимного послания отвадить меня от намерения провести расследование по делу о загадочной библиотеке?

## Глава вторая. В древней книгохранильнице

«Ироическая песнь о походе на половцев удельного князя Новгорода Северского Игоря Святославича, писанная старинным русским языком в исходе XII столетия с переложением на употребляемое ныне наречие» – под таким велеречивым и пространным, в духе времени, названием ярославский помещик, бывший обер-прокурор Святейшего синода, действительный тайный советник и кавалер граф Алексей Иванович Мусин-Пушкин в самом конце 1800 года, на рубеже двух веков, выпустил в Москве первое печатное издание «Слова о полку Игореве».

В страшном пожаре 1812 года, после взятия Москвы армией Наполеона, список «Слова», хранившийся в Собрании российских древностей Мусина-Пушкина, сгорел. А вместе со списком – почти весь тираж первого издания. И начались споры, которые не умолкают и по сей день: где сиятельный граф нашел рукопись «Слова», не была ли она литературной мистификацией и кто мог быть ее автором, как получилось, что в огне пожара погиб уникальный список?

Я давно интересовался этими вопросами, но никогда не думал, что вплотную заняться историей «Слова о полку Игореве» меня заставит странное анонимное письмо, врученное мне симпатичным курьером.

С мыслью о Наташе я заснул – и с мыслью о ней проснулся на следующий день.

Еще не зная, как объясню Пташникову появление у меня акварели с видом усадьбы Мусина-Пушкина, я, отправляясь в музей, тщательно завернул ее и взял с собой.

Несмотря на утреннее время, солнце так прогрело воздух, что нечем было дышать. В такую жару даже Пташников изменил себе и пришел не в костюме, в котором я привык его видеть, а в рубашке с короткими рукавами, заправленной в старенькие, с пузырями на коленях брюки; на голове горбилась старомодная соломенная шляпа.

Однако жара совершенно не отразилась на темпераменте краеведа – без лишних слов, только коротко поздоровавшись, он повел меня по территории Спасского монастыря с такой скоростью, что я едва поспевал за ним и не заметил, как мы подошли к Спасо-Преображенскому собору.

Здесь, в древней книгохранильнице собора, как утверждал Мусин-Пушкин, и хранился древний список «Слова о полку Игореве» – пожалуй, не только самого талантливого произведения начальной русской литературы, но и самого загадочного, с судьбой таинственной и необычной.

Как я уже говорил, Пташников принимал деятельное участие в создании экспозиции, посвященной истории находки, изучения и публикации «Слова», поэтому вряд ли кто в Ярославле мог лучше его рассказать об экспозиции и удивительной судьбе уникального списка.

Над собором, сложенным из белого камня, богатырскими шлемами посверкивали на солнце золоченые купола. Мне невольно вспомнилась картина Васнецова «Три богатыря»: в центре – Илья Муромец, по сторонам – Добрыня Никитич и Алеша Попович. А в ушах торжественно звучала «Богатырская симфония» Бородина. Архитектура, живопись и музыка слились здесь воедино. И казалось естественным, что «Слово о полку Игореве», повествующее о героизме и верности, было найдено именно здесь, в этом древнем соборе.

О том же, возбужденно размахивая не по росту длинными руками, рассказывал и краевед:

– Обратите внимание, как история «Слова» переплелась с историей Спасо-Преображенского собора и Спасского монастыря, на территории которого он находится. Первый собор на этом месте заложил ростовский князь Константин – старший сын Всеволода Большое Гнездо,

по-доброму упомянутого безвестным автором «Слова». Именно здесь, в Спасском монастыре, Константин открыл первое на северо-востоке Руси духовное училище с богатой библиотекой, которое позднее было переведено князем в Ростов Великий. Возможно, строительство собора и открытие училища произошли еще при жизни автора «Слова». Этот сохранившийся собор был построен при Василии Третьем, а с ним связана еще одна загадка древней русской истории – судьба библиотеки московских государей, в которой хранились латинские, греческие и, конечно, древнерусские рукописи...

Пташников хотел продолжить начатую мысль, но неожиданно замолчал и о чем-то глубоко задумался, потирая пальцами виски. Любуясь собором, я не обратил на эту заминку особого внимания, а между тем вроде бы случайное упоминание библиотеки московских государей, более известной как библиотека Ивана Грозного, будет иметь последствия, непосредственно связанные с расследованием по делу о «Слове». Но это произойдет позднее, а пока краевед все дальше перелистывал древние страницы истории Спасского монастыря и Спасо-Преображенского собора:

– В середине шестнадцатого века монастырь огорожился каменными стенами, здесь хранилась «Государева казна» – факт немаловажный, поскольку раньше под казной подразумевались не только деньги, но и документы, рукописи. Можно предположить, что находилась казна здесь же, в Спасо-Преображенском соборе. В Спасском монастыре скрывался от Девлет-Гирея вместе со всем своим двором и казной Иван Грозный. Кто знает, может, именно тогда в древнюю книгохранильницу попало «Слово о полку Игореве». Какую ниточку из истории «Слова» не потянешь, конец ее может оказаться здесь, в Ярославле...

Сделав это небольшое, но страстное вступление, Пташников повел меня в ризницу собора, где размещалась посвященная «Слову» экспозиция. По лестнице из белых каменных плит мы поднялись на галерею собора. На стенах и сводах галереи в некоторых местах сохранились остатки древних фресок, представившиеся мне сейчас окнами в далекое прошлое.

Пташников пригнулся перед низким проемом в стене, медленно, с усилием открыл деревянную, обитую железными полосами дверь – и мы переступили из века двадцатого в век восемнадцатый, сразу через два столетия.

Пташников представлял собой редкий тип экскурсовода, который не столько старается поведать о предмете все, что ему известно, и может вызвать интерес слушателей, как лишний раз поделиться неясными предположениями, еще неоформившимися мыслями. Поэтому я не стану повторять его рассказ полностью – он получился бы очень длинным и сумбурным. Тем более что судьба «Слова о полку Игореве» будет в центре дальнейшего повествования.

Сразу, только войдя в ризницу, я начал искать глазами копию с изображением усадьбы Мусина-Пушкина в селе Иловна. Оригинал акварели (если поверить автору анонимного письма) я неразвернутым держал в руке, ломая голову, как незаметно от краеведа передать его сотрудникам музея. Вместе с тем меня и сейчас не оставляли сомнения в подлинности рисунка, но разрешить их мне хотелось самому, а не с помощью музейных работников. А для этого акварель надо было сравнить с копией.

Однако в первом помещении копии не оказалось, а демонстрировались подлинные предметы из коллекции ризницы: чарки, потиры, поручи, орарь, покровец, панагия, книги из монастырской библиотеки...

Акварель, которую я разыскивал, висела во втором помещении ризницы, отделенном от переднего массивной стеной с двумя узкими сводчатыми проемами. И с первого же взгляда на акварель я понял: в руке у меня действительно находится подлинник, большая музейная ценность, копия выглядела жалкой, непрофессионально исполненной подделкой.

Я подумал, что работники музея, убедившись в подлинности моей акварели, наверняка потребуют объяснений, как она очутилась у меня. А что я могу сказать? Что мне прислал

ее человек, пожелавший остаться неизвестным? Но удовлетворит ли такой ответ музейных работников?

Здесь я вспомнил, что именно в этом отделе, посвященном «Слову о полку Игореве», работала Лидия Сергеевна Строева, с которой я познакомился во время поисков новгородских сокровищ. И сразу пришло решение – передать акварель именно ей и, по возможности, без свидетелей. Но как быть с Пташниковым? При его любознательном и настырном характере он будет вытягивать из меня историю акварели щипцами, а мне не хотелось сразу же, еще до начала расследования, нарушать условие, поставленное передо мною автором анонимного письма. Оставалось одно – после экскурсии каким-то образом на время избавиться от Пташникова.

Понадеявшись на случай, я не стал торопить события.

Затянувшаяся жара больше располагала к посещению пляжей, чем музеев, поэтому посетителей было мало: две серьезные несимпатичные студентки, что-то записывающие в блокноты, пара шушукающихся влюбленных, женщина с дочкой-школьницей и мужчина в черных очках. Старушка-смотрительница дремала на стуле, не поднимая головы, видимо, мало волнуясь за сохранность вверенных ей экспонатов.

Виновником многих тайн и загадок «Слова о полку Игореве» стал тот, кто отыскал древний список, – известный коллекционер и меценат Алексей Иванович Мусин-Пушкин. В Эрмитаже хранился портрет графа, сделанный художником Ламни в 1794 году, то есть примерно в то самое время, когда Мусин-Пушкин нашел «Слово» и приступил к его изучению. На портрете было буквально все, что стандартно изображалось тогда на парадных портретах: мифологический фон, заданная, неестественная поза, звезды на пурпуре, на столе предметы, характеризующие род деятельности графа: старинный фолиант, чернильница с гусиным пером.

В экспозиции была представлена уменьшенная, по пояс, копия портрета, сделанная неизвестным художником и когда-то находившаяся в Ярославской Екатерининской гимназии.

Я долго вглядывался в простоватое лицо Мусина-Пушкина, пытаюсь как бы проникнуть в его душу. Кем же ты был, сиятельный граф? Легкомысленным, удачливым коллекционером, любителем шумной славы, способным ради нее даже на обман, или серьезным исследователем, для которого поиски русских редкостей были не просто прихотью богатого и влиятельного человека, а важнейшим делом всей жизни?

Конечно, портрет не мог ответить на эти вопросы, потому с таким вниманием я слушал объяснения Пташникова, рассматривал вещи из ярославской усадьбы графа в селе Иловна: стулья, шкаф, настольные часы, ломберный столик, бронзовый канделябр на пять свеч.

Если бы вещи могли говорить!

Возможно, в этом шкафу побывал список «Слова о полку Игореве», когда Мусин-Пушкин переезжал из Петербурга в Москву. У затайливого канделябра граф с трепетом и восторгом рассматривал страницы древней рукописи, а настольные часы отстукивали минуты, проведенные за безуспешными попытками самостоятельно разобраться в неразборчивом древнерусском письме. За ломберным столиком в перерыве карточной игры граф доверительно рассказывал самым близким друзьям, где и каким образом он приобрел бесценный список.

Я внимательно изучал портреты «самовидцев» – тех, кто видел список «Слова о полку Игореве» и помогал графу в издании древнего произведения, но и они ничем не могли помочь разгадать тайну появления списка в Собрании российских древностей Мусина-Пушкина. Друзья графа Карамзин, Малиновский, Бантыш-Каменский смотрели на меня бесстрастно, и только в простодушных глазах самого владельца «Слова» мне на какое-то мгновение почудилась лукавая, загадочная усмешка, словно он приглашал меня раскрыть его тайну и в то же время был уверен, что никому и никогда не разгадать ее...

Спустившись с галереи Спасо-Преображенского собора, мы сели на ближайшую скамейку, Пташников – заядлый курильщик – тут же задымил папирсой. Торопливо шелкая

фотоаппаратами, мимо прошла группа туристов. Со звонницы слепо смотрели на город циферблаты сломанных часов.

Первые куранты – «боевые часы» – появились в монастыре еще в начале семнадцатого века – расторопные ярославские купцы приобрели их в Москве, где до этого они украшали Спасскую башню Московского Кремля. Купили выгодно – на вес, как металлолом, но местные умельцы смогли оживить смолкнувшие куранты. Сначала их установили на дозорной башне монастыря, потом перенесли на звонницу, где много лет они служили ярославцам верой и правдой.

В июле восемнадцатого года, когда в Ярославле вспыхнул мятеж, в бессмысленном пламени которого сгорело полгорода, часы были повреждены артиллерийским снарядом. Но и на этот раз нашлись умелые руки, и над древним Спасо-Ярославским монастырем зазвучал «Интернационал». Однако недолго исполнял старый, изношенный механизм непривычную для него мелодию, и со временем, кроме циферблатов, почти ничего не осталось от курантов.

Список «Слова о полку Игореве» из Ярославля попал в Москву, а московские куранты оказались в Ярославле – в том самом монастыре, где нашли старинный список. От «Слова» осталось только несколько экземпляров первого издания, от курантов – одни циферблаты. Схожие, прихотливые судьбы, но что стоит за ними – русское небрежение или тернистость русской истории? А может, то и другое вместе?

И еще подумалось мне, что усилием воли и фантазии время можно не только остановить, как оно остановилось на этих старинных курантах, но и вернуть. Это необычное ощущение я испытал только что – в древней книгохранильнице Спасо-Ярославского монастыря.

Пташников словно угадал мои мысли и, жадно затянувшись папиросой, сказал:

– Люблю музеи – переходишь из зала в зал, как из столетия в столетие. Каждый экспонат – будто лесенка в глубину прошлого. И с каждым шагом все больше возникает загадок, версий. Взять «Слово о полку Игореве». С какой стороны ни посмотришь на его историю – сплошные вопросы: кто был автором, почему не находятся другие списки, каким образом «Слово» оказалось в Ярославле, как случилось, что в огне погиб единственный список? И что ни вопрос, то лишняя пища для скептиков, которые договорились до того, что объявили «Слово о полку Игореве» мистификацией, литературной подделкой. И больше всего достается Мусину-Пушкину, который нашел древний список. Вместо того чтобы воздать ему должное за все, что он сделал для русской культуры, в чем только его не обвиняют...

Бросив окурок в стоящую рядом урну, краевед раздраженно повторил:

– Надо же до чего договориться – объявить «Слово о полку Игореве» литературной мистификацией!.. Между прочим, наш старый знакомый Михаил Николаевич Окладин вроде бы разделяет это абсурдное предположение.

Последнее замечание краеведа удивило меня – за время знакомства с историком Окладным я убедился, что обычно он защищает общепринятое, установившееся мнение. Пташников же, наоборот, – был больше склонен к неожиданным версиям, к ломке привычных взглядов на исторические события и даже на те исторические факты, которые ни у кого не вызывали сомнений. Выходило, что в случае со «Словом о полку Игореве» Окладин с Пташниковым как бы поменялись ролями.

Обрадовавшись, что краевед сам начал разговор об историке, я спросил, давно ли они виделись.

– Как-то он позвонил мне по одному краеведческому вопросу. Кстати, разговор коснулся «Слова», мы заспорили. Но разве это телефонный разговор?

Вспомнив только что увиденную экспозицию и все, что узнал от краеведа о необычной судьбе «Слова о полку Игореве», я согласился с ним. Вместе с тем тут же ожили прежние подозрения: не причастен ли Окладин к анонимному письму? С чего это вдруг он тоже заинтересовался «Словом»? Не слишком ли много совпадений?

– Если вы всерьез решили заняться историей «Слова о полку Игореве», надо обязательно встретиться с Окладиным, – сказал Пташников. – Мне давно хотелось, как говорится, скрестить с ним шпаги. Он придерживается одних взглядов на «Слово», я – других, вы беспристрастно зафиксируете их. Вот и посмотрим потом, чьи доводы убедительнее.

Конечно, я сразу же согласился с краеведом – ведь именно на это и нацелил меня автор анонимного письма. Кроме того, мне представилось заманчивым написать об истории находки и гибели списка «Слова» не просто повесть, а повесть-расследование. Участие в расследовании запутанной судьбы древнего списка краеведа Пташникова и не согласного с ним историка Окладина как нельзя лучше отвечало поставленной задаче – еще до начала расследования между ними уже наметилась конфликтная ситуация. А посещение книгохранилища Спасо-Ярославского монастыря еще раз убедило меня, что история «Слова о полку Игореве» полна тайн и загадок.

В этот день трудно было догадаться, что не менее таинственными окажутся события, которые будут сопровождать наше расследование от начала до самого его конца.

Мне не терпелось как можно быстрее приступить к делу, и я предложил краеведу сегодня же навестить Окладина. Но тут меня ожидало разочарование.

– К сожалению, на этой неделе Михаил Николаевич, как он сказал, будет очень занят. Давайтеждемся субботы. Вы сейчас домой?... А я загляну в библиотеку музея, там обещали подобрать для меня кое-какие материалы...

Случай, на который я понадеялся, действительно помог мне.

Дождавшись, когда краевед скрылся в дверях библиотеки – одноэтажного здания, прижавшегося к монастырской стене, – я поднялся по лестнице в церковь Ярославских чудотворцев, пристроенную к Спасо-Преображенскому собору. Здесь был оборудован актовый зал, а за ним находился маленький, как клетушка, кабинет, где и работала Лидия Сергеевна. Каким-то чудом сюда втиснули четыре письменных стола, но мне повезло – кроме Лидии Сергеевны сейчас тут никого не было.

Еще при первой встрече с этой хрупкой худощавой женщиной я обратил внимание на постоянную задумчивость в ее глазах – словно она все время прислушивалась к своему внутреннему голосу. Как я заметил, такая отрешенность часто бывает у людей, увлеченных любимым делом и не забывающих о нем ни на минуту. Именно к такому типу людей и относилась Лидия Сергеевна.

Когда я напомнил ей, при каких обстоятельствах мы познакомились, а это случилось, как я уже говорил, во время поисков новгородских сокровищ, она улыбнулась и, пригласив меня сесть, сказала:

– Вероятно, вместе с неутомимым Иваном Алексеевичем вы опять пытаетесь разгадать какую-нибудь историческую загадку? А где же он?

– У него какие-то дела в музейной библиотеке. До этого мы вместе с ним осматривали вашу экспозицию. Но в данном случае, явившись к вам, я действую самостоятельно. Больше того, у меня к вам убедительная просьба не говорить Ивану Алексеевичу о причине моего визита.

– Весьма неожиданное вступление. Видимо, вы готовите Ивану Алексеевичу какой-то сюрприз?

– Не совсем так, хотя речь действительно идет о сюрпризе. Но этот сюрприз, если его можно так назвать, предназначен вашему музею, а точнее – вашей экспозиции, посвященной «Слову о полку Игореве»...

Я развернул оберточную бумагу и положил на стол перед Лидией Сергеевной акварель с видом усадьбы Мусина-Пушкина в Иловне. Реакция женщины была такой, какую, признаться, я и ожидал увидеть.

– Господи! – воскликнула она, не отводя от акварели восторженных глаз. – Откуда у вас эта прелесть?!

– Вы считаете, подлинник? – все-таки уточнил я, хотя и не сомневался в ответе.

– Конечно, ее надо показать более сведущим специалистам, но я убеждена – они подтвердят ее подлинность. Ведь вы, наверное, знаете – в нашем музее хранится лишь копия акварели, которую местный художник перерисовал с гравюры, напечатанной в одном старинном журнале. В статье, которую иллюстрировала гравюра, сообщалось, что акварель находится в имении Мусиных-Пушкиных в селе Иловна Мологского уезда Ярославской губернии. Выяснить, что стало с этой акварелью после революции, нам не удалось, и мы решили, что кто-нибудь из рода Мусиных-Пушкиных увез ее за границу. Слава богу, этого не случилось! – Лидия Сергеевна торопливо вынула из стола листок бумаги и приготовилась писать. – Ну, рассказывайте, каким образом она попала к вам.

– А рассказывать, собственно, нечего.

– Как нечего?!

– Эту акварель прислал мне какой-то старик, пожелавший остаться неизвестным, и попросил передать ее в музей. Вот и вся история.

Женщина смотрела на меня недоверчиво.

– Вы говорите, акварель прислал вам какой-то старик? А откуда вы знаете возраст этого человека?

– Я понял из письма: он жалуется на болезни, думает о скорой смерти. Да и весь стиль письма, вплоть до почерка, убедил меня, что его писал пожилой человек. А почему вы вдруг заинтересовались его возрастом?

Лидия Сергеевна ответила не сразу:

– Вспомнила одного посетителя музея, который как-то осматривал нашу экспозицию. В тот день я вела экскурсию. Когда закончила ее, он подвел меня к копии акварели с видом усадьбы Мусина-Пушкина в Иловне и спросил, известно ли нам, где находится ее оригинал. Когда я рассказала то, что сейчас сообщила вам, он поинтересовался, за какую цену музей купил бы оригинал акварели, если бы он вдруг нашелся. Я прикинула наши возможности и назвала приблизительную цену. Услышав мой ответ, тот человек был явно разочарован. Помню, он усмехнулся и сказал, что в таком случае вряд ли оригинал появится в нашем музее.

– Вы можете описать этого человека?

– Ему около сорока лет, рост – выше среднего: разговаривая с ним, мне приходилось заирать голову. Темные, глубоко посаженные глаза. Тонкие, нервные губы... Вот, пожалуй, и все, что запомнилось.

– Давно он был в музее?

– Месяца два назад. Я бы и вовсе его не вспомнила, если бы не акварель, которую вы принесли. Конечно, мы привлечем специалистов и они как следует проверят ее подлинность, но я не сомневаюсь – это не подделка. Но вот что странно. Если она принадлежала старику, который переслал ее вам, то при чем тут человек, разговаривавший со мной? Ведь он спрашивал меня о цене акварели таким тоном, словно она была у него в кармане. Может, этот старик ее похитил?

Я пожал плечами – такая мысль не приходила мне в голову.

– А почему он прислал акварель именно вам? Почему, если решил сделать такой щедрый подарок, не отправил ее сразу в музей? – Лидия Сергеевна подняла глаза на меня.

Трудно говорить неправду, когда тебе смотрят прямо в лицо, но мне ничего не оставалось, как схитрить:

– Этого я и сам не могу понять. Одно обещаю: как только хоть что-то прояснится, сразу вам сообщу.

Спускаясь с галереи собора, я увидел мужчину, который до этого вместе с нами осматривал посвященную «Слову» экспозицию. Сейчас миниатюрным фотоаппаратом он снимал позолоченные главы Спасо-Преображенского собора, при этом, что удивило меня, оставаясь в черных очках. Но тут же мои мысли опять вернулись к разговору с Лидией Сергеевной. Связанный по рукам просьбой автора анонимного письма, я не мог рассказать ей все начистоту, поэтому чувствовал себя неловко.

### Глава третья. Вызов брошен!

Правильно говорят: «Ждать да догонять – хуже некуда». Меткость этой пословицы я в полной мере испытал на себе, дожидаясь встречи с Пташниковым и Окладиным. О том, что встреча состоится, краевед по телефону уведомил меня еще в тот день, когда мы с ним побывали в музее. На мой вопрос, сказал ли он Окладину, что мы решили расследовать историю находки и гибели списка «Слова о полку Игореве», Пташников заявил:

– Ваша идея, сами и объясняйте, почему она у вас вдруг возникла. По правде говоря, я этого до сих пор не понял, но чувствую, ваш интерес к «Слову» вызван какими-то конкретными обстоятельствами, о которых вы не нашли нужным сообщить. Но меня, повторяю, это предложение вполне устраивает. Думаю, и Михаил Николаевич не откажется принять участие в расследовании такого рода.

Разговор с Пташниковым с одной стороны успокоил меня, что задуманное расследование состоится, а с другой – насторожил: уж если доверчивый краевед подозревает, что мой интерес к «Слову» вызван какими-то особыми обстоятельствами, то рассудительный Окладин и подавно догадается об этом. Если, конечно, не сам он написал анонимное письмо с предложением заняться этим расследованием, – такой вариант я все еще не исключал, хотя и гнал его из головы. Скорее интуиция, чем рассудок, подсказывала мне, что старик-аноним – лицо реальное, и он действительно обладает какими-то уникальными материалами, связанными с историей «Слова о полку Игореве», – акварель с видом усадьбы Мусина-Пушкина в Иловне была тому многозначительным и красноречивым подтверждением. А если так, то я должен выполнить условие анонима и никому не рассказывать о его письме. Кто знает, возможно, по какому-то своему каналу, на существование которого он намекнул, ему стало бы известно, что я не выполнил его условия, и тогда он прервет переписку со мной. А теперь, после его письма и посещения музея, я заинтересовался историей «Слова» всерьез.

В субботу, когда в назначенное время я пришел к Окладину, Пташников был уже здесь. Увидев меня, он, приподнявшись из кресла, чтобы пожать мне руку, воскликнул:

– Наконец-то явились! Я уже хотел рассказать Михаилу Николаевичу, что за расследование вы предлагаете нам. Едва удержался.

– Опять, наверное, что-нибудь необычное, связанное с убийством или покушением, – скупой улыбнулся Окладин, как всегда подтянутый, сдержанный и ироничный.

– Нет, на этот раз речь пойдет не о преступлении, – успокоил его краевед. – Но тоже о тайне, и очень древней – ей уже больше восьмисот лет.

– Что же это за тайна, которую за восемь столетий так и не смогли разгадать?

После того как я объяснил, что заинтересовался историей «Слова о полку Игореве», и рассказал о посещении вместе с краеведом посвященной «Слову» экспозиции, Окладин посмотрел на меня с любопытством.

– И все-таки не совсем ясно, почему в качестве объекта расследования вы избрали именно «Слово»? Мало ли в русской истории событий, которые действительно полны загадок.

– Я просто подумал, что если «Слово о полку Игореве» было найдено в Ярославле, то нам, как говорится, сам бог велел расследовать обстоятельства его находки и гибели.

По выражению лица Окладина я понял, что мое объяснение не убедило историка, но на более четком ответе он не стал настаивать и вопросительно повторил:

– Обстоятельства находки и гибели? Значит, вы решили посмотреть на «Слово» под таким углом?

– А вы хотите предложить что-то другое? – удивился краевед.

– Мне всегда казалось, что в истории «Слова о полку Игореве» есть более важный момент.

– Интересно, какой же именно?

– Не является ли «Слово о полку Игореве» литературной мистификацией, – спокойно ответил краеведу Окладин.

– Выходит, вы так и не расстались со своими подозрениями, полностью лишенными каких-либо оснований?

– А почему я должен был изменить свое мнение? Разве за время после нашего разговора нашелся древний список «Слова» и специалисты доказали его подлинность?

От возмущения краевед не сразу смог возразить Окладину. А мне подумалось: на какую «настоящую сенсацию» намекал автор анонимного письма, которую он обещал сообщить после того, как наше расследование закончится? Не отыскал ли он еще один древний список «Слова о полку Игореве»?

Однако это предположение выглядело настолько фантастическим, что я постарался тут же забыть о нем.

– Вы так и не сказали, Михаил Николаевич, согласны ли вы принять участие в расследовании истории «Слова о полку Игореве»? – обратился я к Окладину.

– Я где-то читал, что к настоящему времени уже написано около пяти тысяч научных работ, посвященных «Слову». О каком же расследовании может идти речь? Тут все изучено вдоль и поперек.

Похоже, Окладин заявил так, чтобы только раззадорить краеведа. И это ему удалось.

– Не торопитесь с выводами! Количество написанных статей и защищенных диссертаций в данном случае ни о чем не говорит.

– Пожалуй, вы правы, Иван Алексеевич. Тем более что подавляющее большинство авторов статей и диссертаций вовсе не подвергает подлинность «Слова» даже малейшему сомнению, – с иронией заметил Окладин. – Что ж, давайте попробуем восполнить этот пробел. А начинать действительно надо с находки мусин-пушкинского списка – только после этого можно будет ответить на остальные, связанные с историей «Слова» вопросы и, таким образом, рассеять вокруг него таинственный туман...

Прежде чем продолжить свой рассказ дальше, я должен предупредить читателей, что постараюсь излагать ход нашего расследования по делу о «Слове о полку Игореве» самым подробным образом, не упуская даже малейших деталей – только так можно рассеять «таинственный туман», о котором говорил Окладин. Вероятно, кому-то из нетерпеливых читателей такое стенографическое изложение покажется лишним, но я вынужден прибегнуть к нему и по другой причине: иначе многое будет неясно и в тех странных, запутанных событиях, которые сопровождали это расследование.

Так повелось, что мы проводили наши исторические расследования, суть которых я пересказал в своих предыдущих повестях, попеременно то у Окладина, то у Пташникова, то у меня. Раньше, когда мы собирались у историка, на этих встречах присутствовала его дочь Ольга – студентка медицинского института, или жена Любовь Александровна – артистка Волковского театра. Сегодня их не было дома: Ольга, как я узнал от Пташникова, закончила институт и уехала по распределению в сельскую больницу, Любовь Александровна играла в вечернем спектакле. Их отсутствие, как я понял, вполне устраивало краеведа: в пылу спора он частенько

выходил из себя и в женском обществе вынужден был сдерживать свои эмоции. В этот вечер, судя по первым репликам, спор предстоял жаркий.

Окладин принес с кухни кофейник, разлил кофе по чашкам и, выполнив обязанности хозяина, первым ринулся в бой:

– С вашего позволения я и начну... Вот вы посетили экспозицию в Спасо-Преображенском соборе. Я не против экспозиции как таковой, но на основании каких научно обоснованных данных сделан столь категоричный вывод, что «Слово о полку Игореве» приобретено в Ярославле, у архимандрита Спасского монастыря и ректора Ярославской семинарии Иоилиа Быковского?

Пташников незамедлительно принял брошенный Окладиным вызов:

– Открытию экспозиции предшествовала большая научно-исследовательская работа. Экспозиция построена по результатам этой кропотливой работы. А чем располагаете вы? Ратуете за строгий научный подход, а сами руководствуетесь ничем не подкрепленными сомнениями. В том, что «Слово о полку Игореве» нашли в Ярославле, ничего удивительного, а тем более странного нет: идею русского единства перед лицом общего врага ярославцы кровью защищали на Туговой горе, на Сити, на Куликовом поле!

– Идея патриотизма была близка и вологжанам, и костромичам, и ростовцам. Они тоже отстаивали свободу родины на полях сражений. Считаю ваш довод неубедительным.

– Трудно убедить тех, у кого мнение о том или ином вопросе составилось раньше, чем они вдумались в него, взвесили все обстоятельства!

– Чтобы взвесить обстоятельства находки и гибели списка «Слова о полку Игореве», мы и собрались здесь, не так ли? Поэтому давайте выдвигать не упреки, а доказательства. Вас самих, Иван Алексеевич, разве не настораживает, что ярославский помещик Мусин-Пушкин нашел «Слово» именно в Ярославле, именно в то время, когда в русском обществе так резко возрос интерес к древнерусской истории и культуре? Сама императрица Екатерина Вторая всерьез увлеклась древней историей России – и тут же, как по мановению волшебной палочки, появилось «Слово о полку Игореве», древнейший памятник русской письменной культуры, найденный не кем-то другим, а опытным царедворцем Мусиным-Пушкиным. Не слишком ли много совпадений?

– На что вы намекаете?

Окладин выдержал паузу и, не ответив Пташникову, спросил:

– А не случилась ли с приобретением «Слова о полку Игореве» примерно та же история, что и с Лаврентьевской летописью?

Пташников сморщился, словно у него прихватило больной зуб, недовольно проговорил:

– Эта история к «Слову о полку Игореве» никакого отношения не имеет и нечего ее вспоминать.

– Она наглядно показывает, как Мусин-Пушкин пополнял свое Собрание российских древностей, – возразил Окладин. – К счастью, Лаврентьевская летопись сохранилась – граф подарил ее великому князю Александру Павловичу, а тот передал летопись в Петербургскую публичную библиотеку. В чем нельзя отказать нашему земляку, так это в находчивости: подарив летопись будущему императору Александру Первому, он тем самым прекратил домогательства на нее английского посланника, тоже большого любителя древностей...

Пташников нетерпеливо прервал Окладина:

– Вы не справедливы к Мусину-Пушкину! Подарив летопись Александру, он сохранил для России древнейшую из всех донныне найденных летописей, написанную еще в 1377 году, с древнейшим списком «Повести временных лет».

– Что же случилось с Лаврентьевской летописью? – обратился я к Окладину, понимая, что на этот вопрос вряд ли захочет ответить краевед.

И действительно, его лицо тут же приняло кислое, недовольное выражение. Но Окладина это не остановило.

– Чтобы нарисовать полный портрет графа, эту историю следует вспомнить, – рассудил Окладин, тоже заметив реакцию краеведа. – В 1813 году в журнале «Вестник Европы» были опубликованы «Записки для биографии его сиятельства графа Алексея Ивановича Мусина-Пушкина», между прочим, написанные самим графом. Чем-чем, а скромностью он никогда не страдал.

– Статья была напечатана без ведома Мусина-Пушкина и против его воли! – опять вступился за графа краевед. – По просьбе Бантыша-Каменского он написал автобиографию, а археограф Калайдович без согласования с Мусиным-Пушкиным пристроил ее в журнал.

– И тем поставил графа в весьма неловкое положение... – Окладин вынул из письменного стола папку с бумагами, бегло перелистал их и, найдя нужную страницу, зачитал: «На вопросы ваши сделал я ответы, считая оные от вас сделанными из единого любопытства, а потому прошу оставить ответы между нами, и чтобы не случилось с ответами того же, что сделано с биографиею, чего без согласия делать не следовало...»

– Очень вежливый тон, – хмуро заметил краевед. – Если бы на месте графа оказался менее воспитанный человек, Калайдовичу не поздоровилось бы.

– Здесь граф еще смог сдержаться, – согласился Окладин. – А вот в письме Бантышу-Каменскому он высказал все свое возмущение поступком Калайдовича, даже злодеем его обозвал... – Историк вынул из папки следующую страницу: – «С прошедшею почтою получил я журнал “Вестник Европы”, в коем, к крайнему удивлению, нашел записку Биографии моей напечатанную, чего я в журнале никак видеть не надеялся, ибо в оной есть такие обстоятельства, кои, кроме меня, никому не известны; а потому и ясно, что она мною сочинена, которую читав не знающий меня коротко или кто из неблагонамеренных легко почтет меня лжецом или хвастуном, что крайне неприятно, ибо в доказательство тому остались только те люди, кои у меня многое видали, а чтобы всякому неблагонамеренному было чем рот запереть, того способа я злодеем лишен: вот что для меня весьма неприятно...»

Интонация, с которой Окладин прочитал этот отрывок, и сам текст письма настораживали – уж больно настойчиво граф отрешивался от им же самим сообщенных в автобиографии фактов.

Но еще больше меня поразила сама папка с документами, касающимися истории «Слова о полку Игореве». Выходит, Окладин уже давно готовился к разговору на эту тему?! А если так, логично напрашивалось, что именно он и задумал начавшееся расследование, а я, сам не зная того, просто сыграл отведенную мне роль его инициатора!

Я уже намеревался прямо выложить это историку, но спохватился: а вдруг все мои подозрения необоснованны? Ведь могло случиться, что Окладин давно занимался историей «Слова», в результате чего и появилась эта папка с бумагами. Не обижу ли я его, высказав свои подозрения?

– Что же так возмутило Мусина-Пушкина в собственной биографии? – спросил я историка, временно решив оставить свои подозрения при себе.

Он вынул из папки и зачитал еще одну страницу:

– «Нечаянно узнал он, что привезено на рынок в книжную лавку на нескольких телегах множество старинных книг и бумаг, принадлежавших комиссару Крекшину, которых великая куча лежит в лавке у книгопродавца, и что в числе их есть такие, коих прочесть не можно. А как ему было известно, что Крекшин при государе Петре Великом имел многие поручения, писал российскую историю и журнал государя, а по кончине его для продолжения и окончания оного поручено ему было разобрать кабинет дел и бумаг государевых, который хранился в Петербургской крепости, то, не медля, того же часа поехал в лавку, и не допуская до разбору

ни книг, ни бумаг, без остатку все купил, – и не вышел из лавки, доколе всего, при себе положи на телеги, не отправил в свой дом...»

Окладин поднял глаза, объяснил:

– Это отрывок из той самой биографии Мусина-Пушкина, публикацией которой граф был возмущен. Далее с его слов Калайдович перечислил самые ценные приобретения у Крекшина, в том числе назвал и Лаврентьевскую летопись.

– Ну и что из этого? – удивился я многозначительности, с которой Окладин привел этот факт. – Ведь Калайдович здесь ни в чем не обвиняет Мусина-Пушкина.

– Дело в том, что сиятельный граф, как говорится, допустил промашку. Он решил как бы «списать» на Крекшина ряд своих незаконных приобретений, но не учел того, что биография будет опубликована и с ней ознакомится тот самый книгопродавец Сопиков, у которого он скупил бумаги. Получив журнал с биографией Мусина-Пушкина, Сопиков написал Калайдовичу письмо. – Окладин бросил на мрачного краеведа иронический взгляд и опять склонился над папкой:

«...в биографии Алексея Ивановича Пушкина несправедливо сказано, что будто с журналом Петра Великого, собранным господином Крекшиным, купленным на рынке у книгопродавца, нашел он Лаврентьевский список Несторовой летописи и многие другие важные древние летописи и книги. Книгопродавец, у коего он купил эту кучу за триста рублей, был я. Сия куча была привезена ко мне не на многих телегах, а на одних обыкновенных роспусках, и содержала в себе тридцать семь, а не двадцать семь книг черного журнала о делах Петра Великого и несколько печатных указов императрицы Анны Ивановны и ничего более».

Вид у краеведа был сконфуженный, словно его, а не сиятельного графа Мусина-Пушкина обвинял историк в обмане.

– Почему вы безоговорочно верите Сопикову? – спросил я Окладину. – Не могло ли случиться так, что он не понял ценности Лаврентьевской летописи и по ошибке продал ее вместе с другими бумагами, а потом, заботясь о своем престиже опытного книгопродавца, попытался доказать Калайдовичу, что эту летопись в глаза не видел?

– Увы, это была не единственная промашка Мусина-Пушкина. Он не учел, что еще в 1767 году, задолго до приобретения им Лаврентьевской летописи, ученики Новгородской семинарии сняли с нее копию.

Больше того, в «Реестре имеющимся у господина тайного советника Синодального обер-прокурора и кавалера Алексея Ивановича Мусина-Пушкина книгам, относящимся к истории Российской» прямо указывалось, что «Летописец российский преподобного Нестора» поступил в Святейший синод из новгородского Софийского собора.

Окладин продолжал выкладывать факты, свидетельствующие против Мусина-Пушкина, а Пташников ворочался в кресле так, словно он нес за поступки графа всю ответственность. Обвинения были выдвинуты серьезные:

– Разматывая этот клубок дальше, нашли еще один документ – «Реестр взятым к его сиятельству графу Алексею Ивановичу Мусину-Пушкину по бытности его обер-прокурором Святейшего синода, относящимся к российской истории книгам, которые от него не возвращены». Здесь под номером первым была четко указана «Летопись Нестора» из новгородского Софийского собора. Как пишется в детективных романах, улики изобличили сиятельного графа – всем стало ясно, что Лаврентьевскую летопись он приобрел не у Сопикова, а в Новгородской семинарии, используя свое служебное положение обер-прокурора Синода.

Я посмотрел на Пташникова, ожидая, что он скажет в защиту Мусина-Пушкина.

– Действительно, в вашем переложении история с Лаврентьевской летописью вроде бы бросает на графа тень, – как бы через силу, с оговоркой согласился краевед с Окладиным и тут же спросил его: – А вы не помните, что случилось с рукописями Воскресенского монастыря?

– При чем здесь Воскресенский монастырь?

– После указа Екатерины Второй о сборе в церквях и монастырях старинных рукописей для снятия с них копий епископ Сильвестр отправил из Воскресенского монастыря в Синод только малую часть рукописей, а остальные, «за ненадобностью», сжег. Вот вам наглядный пример, как относились к древним рукописям на местах. Зная такое отношение, Мусин-Пушкин и шел иногда на хитрость, чтобы сохранить для истории ценнейшие рукописи. При этом он не делал из своего Собрания российских древностей склада за семью замками – его книгами и рукописями пользовались историки, писатели, ученые. Только благодаря ему мы имеем издание «Слова о полку Игореве» 1800 года.

– Благодаря Мусину-Пушкину мы потеряли рукопись «Слова», изучение которой сейчас позволило бы ответить на вопрос о ее происхождении, разрешить ее мнимые и подлинные загадки. Тот же Калайдович в одном из частных писем прямо упрекал графа, что он «и другие подобные, незаконно стяжавшие свои ученые сокровища, предали их на жертву пламени». Издание «Слова о полку Игореве», в придачу с ошибками, никак не восполняет потерю самого списка.

– Кто знает, что бы случилось со «Словом», если бы Мусин-Пушкин своевременно не нашел его. Возможно, список сжег бы, «за ненадобностью», еще один Сильвестр.

– При каких обстоятельствах и где сиятельный граф отыскал «Слово о полку Игореве» – неизвестно. Может, в том собрании оно бы лучше сохранилось и рано или поздно все равно было бы опубликовано.

– Как неизвестно?! – возмутился краевед. – Мусин-Пушкин точно сообщил Калайдовичу, что приобрел список «Слова» у Иоилия Быковского. Тут не может быть никаких сомнений.

– Разве случай с Лаврентьевской летописью не убеждает, что к показаниям графа надо относиться осторожно? – напомнил Окладин.

Возразить ему было трудно.

## **Глава четвертая. Информация к размышлению**

Заинтересовавшись личностью Мусина-Пушкина и предчувствуя, что в дальнейшем расследовании он будет одной из ключевых фигур, я попросил Пташникова, так страстно защищавшего сиятельного графа, коротко рассказать о нем. И вот что я услышал:

– Алексей Иванович Мусин-Пушкин родился 16 марта 1744 года в Москве, в семье капитана гвардии. Несмотря на древние корни, род Мусиных-Пушкиных начал приобретать известность и богатство только при Петре Первом, который пожаловал деда Алексея Ивановича графским званием. Но оно не было наследственным, сам Мусин-Пушкин был возведен в графское достоинство уже при Павле Первом, в 1798 году, когда император пожаловал ему тысячу душ крепостных, но Алексей Иванович отказался от этого щедрого подарка в пользу своих подчиненных по службе, за что Павел наградил его графским званием. Но вернемся к началу его биографии. Тринадцати лет от роду он был отдан в Артиллерийское училище, где помимо военных наук изучались история, география, философия, иностранные языки, что, естественно, сыграло большую роль в формировании личности Мусина-Пушкина. Закончив училище, он некоторое время служил в армии, был адъютантом князя Григория Орлова – фаворита Екатерины Второй. Но в 1772 году Орлов потерял благосклонность императрицы, одновременно увольняется со службы и его адъютант. На три года Мусин-Пушкин уезжает в путешествие за границу, посещает Германию, Францию, Италию, Голландию, где, вероятно, и начал коллекционирование художественных ценностей. По возвращении в Россию был назначен церемониймейстером царского двора. С 1789 года управлял Корпусом чужестранных единоверцев. В 1791 году «по совместительству» стал обер-прокурором Святейшего синода. Ему же было поручено управление Академией художеств, позднее назвали преемником ее президента. В 1796 году

стал президентом Академии, затем возведен в графское звание и «пожалован» сенатором. В 1799 году, дослужившись до действительного тайного советника, тут же уволился со службы, что позволило ему целиком отдаться любимому делу – коллекционированию русских древностей. За многолетнюю и добросовестную службу был награжден орденами Александра Невского, Владимира, Святого Станислава. Был почетным членом Московского университета и Оружейной палаты, действительным членом Российской Академии, Общества истории и древностей российских, Экономического собрания. Но главная его заслуга перед Россией – это Собрание российских древностей, которому он посвятил всю свою жизнь. Отвечая на письменные вопросы Калайдовича, Мусин-Пушкин так объяснил свой интерес к коллекционированию: «Изучение отечественной истории с самых юных лет было одним из главнейших моих упражнений. Чем более встречал я трудностей в исследовании исторических древностей, тем более усугублялось мое желание найти сокрытых оных источники. В течение многих лет немалыми трудами и великим иждивением успел я собрать довольно число весьма редких летописей и разных рукописных исторических сочинений и выписок, составляющих мое Собрание российских древностей».

Я подумал, что если бы Мусину-Пушкину потребовался адвокат, способный опровергнуть выдвинутые против графа обвинения, то лучшей кандидатуры, чем Пташников, ему было бы не найти.

– К открытию «Слова о полку Игореве» граф шел с настойчивостью, которая не может не вызвать уважения и признательности потомков: в 1792 году он издает «Книги Большого чертежа», в следующем году – «Духовную Великого князя Владимира Мономаха», еще через год печатает «Историческое исследование о местоположении древнего Российского Тмутарканского княжения», а за год до выхода «Слова» первым публикует найденную им же Русскую Правду. Начав с любительства, Мусин-Пушкин стал настоящим знатоком древнерусской литературы и владельцем богатейшего Собрания российских древностей. Не было в то время человека, который занимался бы коллекционированием с такой самоотверженностью и целеустремленностью, и находка «Слова о полку Игореве» вознаградила его за это. Список попал в руки того, кто был достоин такой удачи. Кроме того, как опытный коллекционер, Мусин-Пушкин знал, где и как искать древние рукописи, потому и вышел на книгохранительницу Спасо-Ярославского монастыря.

Здесь я прервал краеведа и спросил, с чего началось Собрание российских древностей.

– Я уже говорил, что коллекционированием Мусин-Пушкин, вероятно, занялся еще за границей, где сделал первые ценные приобретения. В частности его близкий знакомый Бантыш-Каменский утверждал, что в графской коллекции имелись подлинные произведения Рафаэля, Рубенса, Леонардо да Винчи, явно приобретенные во время его заграничного путешествия. И в своей автобиографии Мусин-Пушкин указал, что «отечественные книги, монеты и редкости я начал собирать в 1775 году, со вступления моего к высочайшему двору в должность церемониймейстера». Начало коллекции было положено приобретением бумаг комиссара Крекшина, среди которых кроме материалов по царствованию Петра Первого были летописные источники. Несколько рукописей были подарены Мусину-Пушкину графом Головкиным, потом из Киева он получил так называемую Ярославову монету. В той же автобиографии Мусин-Пушкин следующим образом объяснил свою тягу к коллекционированию. – Краевед вынул записную книжку и прочитал: – «Неожиданное открытие этих древностей так усилило мое желание к продолжению отыскивать древности, что я во многих старинных городах для собирания оных учредил комиссионеров. Уважая мое ревностное желание к собранию и сохранению редкостей, сочинители охотно отдавали мне трудов своих черные бумаги, чем еще больше собрание мое обогащалось». И далее граф перечисляет тех, кто помогал ему в пополнении Собрания российских древностей. Никифор Астраханский подарил редкое греческое Евангелие девятого века, Иов Екатеринославский – найденные им в Польше манускрипты.

Аполлос Архангельский по кончине своей отказал ему многие редкие письменные и печатные книги, после смерти Болтина и профессора Барсова граф купил все их книги и бумаги. Державин передал ему многие свои рукописи. «Кроме того, – как писал граф в автобиографии, – в оном Собрании российских древностей находились своеручные сочинения преосвященных Дмитрия Ростовского, Самуила Киевского, Арсения Мацеевича, полученные мною благодаря знакомству с ярославским архиепископом Арсением Верещагиным». Конечно, при таких связях коллекция графа пополнялась быстро и самыми уникальными экспонатами.

– Странно только, почему в числе тех, кто помогал ему в собирании древностей, он не назвал Иоилия Быковского, у которого, если верить графу, он приобрел самый ценный экспонат своей коллекции – «Слово о полку Игореве»? – вставил Окладин.

– Граф сообщил имя архимандрита Спасо-Ярославского монастыря в письме Калайдовичу.

– Да, но сделал это под сильным нажимом Калайдовича и явно без всякого желания.

– Что вы хотите этим сказать? – нахмурился Пташников.

– Ничего особенного. Просто удивляюсь, почему Мусин-Пушкин не изложил историю приобретения «Слова о полку Игореве» в собственной биографии. Ладно бы, речь шла о каком-нибудь пустяке, а ведь древний список «Слова» был чуть ли не главным достижением его собирательской деятельности, самым ярким украшением его коллекции.

Обычно находчивый Пташников и на этот раз не нашелся, как ответить.

– А что представлял собой Калайдович? – спросил я, испугавшись, как бы разговор краеведа и историка не превратился в пустую перепалку, которая увела бы начавшееся расследование в сторону.

Теперь на мой вопрос «информацию к размышлению» дал Окладин:

– К сожалению, по скромности своей Константин Федорович Калайдович не оставил нам развернутой автобиографии, как это сделал сиятельный граф. Родился в 1792 году, умер в 1832-м. Закончил Московский университет, состоял в археографическом кружке графа Румянцева, работал в Обществе истории и древностей российских, в Комиссии печатания государственных грамот и договоров. В одной из экспедиций обнаружил Изборник Святослава, произведения Кирилла Туровского. Внес большой вклад в изучение и издание древнерусских источников, но так получилось, что чаще всего его имя упоминается в связи со «Словом о полку Игореве».

– И неудивительно, ведь именно он обнаружил приписку в Псковском Апостоле, – заметил краевед.

На мой вопрос, что это за приписка, Пташников сообщил:

– Калайдович сделал все возможное, чтобы восстановить историю находки «Слова о полку Игореве», доказать подлинность этого произведения. И судьба вознаградила настойчивого исследователя – в Синодальной библиотеке он нашел Псковский Апостол, в конце которого писец Домид сделал приписку, которая свидетельствовала, что он хорошо знал «Слово». Впрочем, судите сами. – Краевед раскрыл записную книжку на странице, разделенной на две части: в первой был приведен текст из Псковского Апостола, во второй – отрывок из «Слова о полку Игореве»:

При сих князех...  
сеяшется и ростяше усобицами,  
гыняше жизнь наша  
в князях, которы и вещи  
скоротишася человеком.  
Тогда при Ользе Гориславличи  
сеяшется и растяшеть усобицами,

погибашеть жизнь  
Даждьбожа внука,  
в княжих крамолах вещи  
человеком скратишась.

Я дважды перечитал оба отрывка и окончательно убедился, что писец Домид знал «Слово о полку Игореве», и все версии, пытающиеся опровергнуть его подлинность, разбиваются об эту короткую приписку в Псковском Апостоле. Другого мнения на этот счет был Окладин:

– Высказывалось предположение, что не Домид сделал цитату из «Слова», а наоборот, создатель «Слова» нашел ее в Апостоле и, несколько изменив, включил в текст своего произведения.

– Скептики выдвигали и такую хитроумную версию, будто сам Мусин-Пушкин подделал почерк Домида и выписал эту фразу из «Слова», – сказал Пташников.

– Но согласитесь, приписка выглядит весьма подозрительно. В «Слове о полку Игореве» немало блестящих поэтических фраз. Почему Домид только однажды обратился к его тексту?

– Значит, не было необходимости, – ответил Окладину краевед. – В своей приписке Домид сообщил о междоусобной борьбе князей Юрия Даниловича и Михаила Тверского за новгородское княжение. Цитата из «Слова о полку Игореве» очень удачно подходила к этим событиям – вот и все объяснение.

– А может, Домид взял эту фразу из какого-то другого источника, который был известен и автору «Слова»?

Краевед промолчал, из чего я понял, что мое предположение в принципе допустимо. Спросил, что еще известно о Псковском Апостоле.

– Исследователи пришли к выводу, что над книгой работали два писца, причем основная часть принадлежит тому, кто оставил приписку из «Слова». Анализ его почерка позволил сделать вывод, что это был молодой человек с еще не устоявшимся почерком – в некоторых местах буквы выписаны аккуратно и красиво, в других чувствуется небрежность и торопливость. На последнем листе пергамента, где цитата из «Слова», он дважды тайнописью указал свое имя, что было вполне в духе времени и традиций. Здесь же Домид сообщил, что Апостол написан по заказу игумена Пантелеймонова монастыря Изосима в 6815 году от Сотворения мира, то есть в 1307 году от Рождества Христова. На этом же последнем листе Апостола Домид оставил тайнопись, прочитать которую исследователям не удалось, так как в ней нарушена закономерность правил шифрования. Кстати, сделанные на этом же листе календарные исчисления тоже весьма несовершенны, что еще раз говорит о молодости и неопытности Домида. Даже высказывалось предположение, что Апостол – его первая книга.

– Тем более удивительно, как он догадался извлечь из «Слова о полку Игореве» такую яркую поэтическую фразу, – скептически промолвил Окладин.

Я спросил краеведа, как отнесся к приписке в Апостоле Калайдович, знал ли о ней Мусин-Пушкин.

– О своей находке Калайдович сразу же сообщил графу и в письме заметил, что таким образом, после находки приписки Домида, подлинность «Слова о полку Игореве» доказана. В ответном послании Мусин-Пушкин написал ему: «Предполагаемое вами свидетельство о подлинности Игоревой песни почитаю излишним». О находке «Слова» и об обстоятельствах его гибели возникали самые нелепые слухи, которые, конечно, доходили до графа, нервировали его. К этим слухам невольно был причастен Калайдович, опубликовавший без ведома Мусина-Пушкина его биографию. Судьба своеобразно наказала Калайдовича: теперь скептики стали обвинять его, что он подделал приписку в Псковском Апостоле. Воистину говорится: не рой яму другому. Кстати, после смерти Мусина-Пушкина он не опроверг его рассказ о приобретении «Слова о полку Игореве» в Ярославле. А уж Калайдович знал о графе как никто другой.

– Вот уж точно, намучился бедный Калайдович с графом, каждое признание буквально по словечку вытягивал. Как только у него терпения хватило?

– Раньше историки не спешили поскорее написать диссертацию, – съязвил краевед.

Я давно заметил, что вывести Окладина из себя трудно.

– Вероятно, настойчивость Калайдовича объяснялась появившимися у него сомнениями в искренности графа, – бесстрастно сказал он. – Если бы Мусин-Пушкин был жив, у меня к нему было бы несколько неприятных вопросов. Калайдович деликатничал с сиятельным графом, я бы на его месте этого делать не стал. Вряд ли он сохранил бы свою светскую любезность.

– Граф ответил бы на все ваши вопросы, – заявил Пташников. – В случае со «Словом о полку Игореве» ему нечего было скрывать.

– Вы так считаете?

И тут я предложил историку:

– Наш уважаемый краевед так рьяно защищает Мусина-Пушкина, что вполне мог бы выступить в его роли. Так пусть он и ответит на ваши вопросы.

– Ну что ж, я не против как бы реконструировать возможный разговор с Калайдовичем. Вот и посмотрим, как вы сможете защитить графа, – с улыбкой обратился Окладин к Пташникову. – Вы согласны провести такой следственный эксперимент?

– Не понимаю, зачем устраивать этот театр.

– Чтобы выяснить истину! Или вы боитесь моих вопросов?

Пташникову ничего не оставалось, как согласиться с нашим предложением, но он тут же выдвинул свое условие:

– Чтобы разговор имел практический смысл и помог расследованию по делу о «Слове о полку Игореве», надо к нему основательно подготовиться. Поэтому предлагаю отложить его до следующей субботы.

– Мне тоже надо собраться с мыслями, – поддержал краеведа Окладин.

– В таком случае жду вас у себя ровно через неделю, – произнес Пташников таким решительным тоном, словно речь шла о смертельной дуэли.

Когда мы с краеведом вышли из дома Окладина и направились в сторону троллейбусной остановки, Пташников сказал:

– Удивляюсь на Михаила Николаевича: умный, образованный человек, а не понимает элементарных вещей. Ни одна, даже самая талантливая подделка не вызвала бы к себе такого неослабного внимания историков, литературоведов, наконец, рядовых читателей, буквально влюбленных в «Слово о полку Игореве». В прошлый раз, когда мы с вами были в музее, а затем расстались, ко мне подошел мужчина, который вместе с нами осматривал посвященную «Слову» экспозицию и краем уха слышал мои пояснения. Мы разговорились. Я был поражен: рядовой инженер, а какое понимание «Слова», какая начитанность! – с восхищением произнес Пташников.

Но меня сообщение краеведа сразу насторожило:

– Этот мужчина вам как-то представился?

– Да вроде бы нет.

– А к вам он как обратился?

– По имени и отчеству.

– Откуда же он вас знает?

– Представления не имею.

– Случайно, он был не в черных очках?

– Да. Значит, вы его тоже заметили?

– Еще у него был миниатюрный фотоаппарат.

– Правильно, после нашей беседы он попросил разрешения сфотографировать меня на фоне Спасо-Преображенского собора...

Последнее замечание краеведа еще больше встревожило меня. Когда выходил от Лидии Сергеевны, я видел, как мужчина в черных очках фотографировал Спасо-Преображенский собор. А может, в кадре оказались вовсе не соборные главы, а я собственной персоной? Потом он сфотографировал и Пташникова. Зачем? Кто этот человек и почему он возник на нашем пути сразу, как только мы занялись историей «Слова»?

Беспокоило и другое: я опять и опять вспоминал толстую папку с материалами об истории «Слова о полку Игореве», извлеченную Окладиным из письменного стола. Что-то уж больно своевременно она оказалась у историка. Неужели мое первое подозрение было справедливо и мы затеяли это расследование по тайной инициативе Окладина? Но зачем ему потребовался весь этот спектакль с курьером и письмом неизвестного старика? Откуда у него могла появиться уникальная старинная акварель и почему с такой легкостью он расстался с ней?

Чем дольше я искал ответы на возникающие у меня все новые и новые вопросы, тем больше убеждался в зыбкости своих подозрений, но, несмотря на это, не мог от них избавиться полностью. В конце концов, – решил я, – все разъяснится само собой. В любом случае история «Слова о полку Игореве», как я убедился, только прикоснувшись к ней, заслуживает того, чтобы заняться ею всерьез, не жалея ни сил, ни времени.

И еще одно обстоятельство подогревало мое желание продолжить начатое расследование: благодаря ему, я надеялся еще раз встретиться с Наташей, образ которой до сих пор стоял у меня в глазах.

## Глава пятая. Акварель с секретом

На другой день я с утра сел за письменный стол, чтобы по горячим следам записать все полученные сведения, касающиеся истории «Слова о полку Игореве». Но оказалось, я зря так самонадеянно рассчитывал на свою память – она не сохранила многие факты и детали, без которых мое повествование было бы неполным. Кроме того, нельзя было обойтись без точного цитирования исторических источников, упоминавшихся Пташниковым и Окладиным.

Это заставило меня опять поехать в музей и обратиться за помощью к Лидии Сергеевне. Когда я вошел в ее кабинет, она и на этот раз была здесь одна. Может, мне почудилось, но встретила она меня так, словно дожидалась моего прихода.

Когда я рассказал, что собираюсь написать для молодежной газеты очерк-расследование об истории «Слова о полку Игореве», Лидия Сергеевна тут же, без лишних расспросов, выдала мне разработанные ею материалы для подготовки экскурсии по экспозиции, методическую разработку этой экскурсии и целый список книг, в которых находились необходимые цитаты. Больше того, она договорилась с заведующей музейной библиотекой, чтобы все эти книги мне выдали на руки и я мог поработать с ними дома.

По правде говоря, я не ожидал встретить такую горячую поддержку моему намерению написать о «Слове», поскольку по опыту знал, что, как правило, музейные работники ревниво относятся к авторам, пишущим о том, что они – музейщики – по долгу службы знают досконально.

Не удержавшись, я сказал об этом Лидии Сергеевне, оговорившись, что это замечание никак к ней не относится.

– Однако ваше замечание во многом справедливо, – спокойно выслушала она меня. – Некоторые мои коллеги действительно очень болезненно воспринимают посягательство писателя на то, что составляет смысл и содержание всей их жизни. Но я не из их числа и уверена: свежий взгляд на вещи полезен любому делу, в том числе и музейному. Диктатура опасна не только в политике, но и в исторической науке, где, к сожалению, тоже появились диктаторы, своим авторитетом, по сути, запрещающие инакомыслие...

Лидия Сергеевна помедлила, а потом, заглянув мне в лицо, тихо добавила:

– Но в данном случае я, видимо, просто обязана вам помочь. Мне кажется, вы располагаете или в ближайшее время будете располагать какими-то материалами, которых нет у других авторов, занимающихся историей «Слова о полку Игореве».

Не зная, что сказать, я промолчал, и Лидия Сергеевна продолжила начатую мысль:

– Меня убеждает в этом акварель, которую вы принесли в музей. Как я поняла, ее прислал вам человек, обладающий неизвестными сведениями о «Слове», потому вы вдруг и занялись его историей вплотную, не так ли? Впрочем, можете не отвечать. Вероятно, вы связаны какими-то обстоятельствами. Единственное, что я вас прошу, так это сразу же, как только будет возможно, сообщить нам, кто владелец этой акварели и как она к нему попала.

Я горячо заверил Лидию Сергеевну, что сделаю это незамедлительно, как только такая возможность появится.

Мой ответ вполне удовлетворил ее.

– Вот и замечательно, – произнесла она таким тоном, каким обычно заканчивают неприятный, обременительный разговор. – Собственно, я хотела побеседовать с вами совсем о другом. Если бы вы не пришли, я бы вам все равно позвонила... О том, что вы сообщили мне в прошлый раз, я рассказала сотрудницам нашего отдела. И тут выяснилась одна интересная деталь, опять-таки связанная с акварелью с видом усадьбы Мусина-Пушкина. Около года тому назад, сразу после открытия посвященной «Слову» экспозиции, в музей пришел какой-то старик. Я в то время отсутствовала, была в командировке в Москве. Осмотрев экспозицию, он обратился к женщине, работавшей у нас тогда старшим научным сотрудником, и сделал ряд замечаний. В частности, посоветовал следующее: если мы не имеем подлинной акварели с видом усадьбы Мусина-Пушкина в Иловне, то лучше, чем вешать плохонькую копию, поместить в экспозиции номер журнала, в котором была напечатана гравюра, сделанная с этой акварели.

– Копия мне тоже не понравилась, среди других экспонатов она выглядит неестественно. Вы не находите?

– Совершенно согласна с вами! Я это заявила еще при подготовке экспозиции, но к моему мнению не прислушались. Кстати, на включении в экспозицию копии настояла та самая сотрудница, к которой подходил этот старик.

– Странно, почему она вдруг проявила такую настойчивость? Мне, неспециалисту, и то видно, что журнальная репродукция была бы здесь уместней.

– Видите ли, в чем тут дело... – замялась Лидия Сергеевна. – Ее муж – художник. Он и сделал копию.

Лидия Сергеевна призналась в этом с таким виноватым видом, словно речь шла о ее собственном муже, которому она устроила протекцию. И я воздержался от комментариев, поинтересовавшись, что же произошло дальше.

– Нашей сотруднице спокойно выслушать бы посетителя, а она обиделась, стала говорить с ним на повышенных тонах. Старичок тоже оказался с характером и заявил, что при таком отношении к советам посетителей настоящего музейного работника из нее не получится. Ну, она после этого еще пуще завелась. Кончилось тем, что старик произнес в сердцах: «Хотел вам ценный подарок сделать, который украсил бы вашу экспозицию, а теперь ноги моей у вас больше не будет».

– Ваша сотрудница не спросила у него, что он имел в виду?

– Старик сам показал на копию с видом усадьбы Мусина-Пушкина в Иловне и обронил, прежде чем уйти: «У вас висит никудышная копия, а у меня дома хранится подлинник, с которого была сделана журнальная репродукция!»

– Откуда вы узнали об этом случае? Рассказала та женщина?

– При ее самолюбии она ни за что бы не сообщила такое. Но их разговор слышала другая наша сотрудница, которая только сегодня и вспомнила его. А та женщина, поругавшаяся со

стариком, вскоре ушла от нас, потом и вовсе уехала из Ярославля в Москву, сейчас работает экскурсоводом в Третьяковской галерее.

На всякий случай я попросил Лидию Сергеевну назвать мне имя и фамилию женщины, что она и сделала.

– Редко, но среди музейных сотрудников попадают и такие, которые свое дело совершенно не любят. Эта женщина – одна из них, потому и не задержалась в нашем отделе. Но темный след после себя оставила. Я не сомневаюсь, что человек, приславший вам акварель, и тот старик, с которым она поругалась, – одно и то же лицо.

Здесь я был целиком согласен с Лидией Сергеевной, однако осталось подозрение, что акварель, которую я принес в музей, тоже копия, только более умело исполненная. Лидия Сергеевна отвергла его моментально и решительно:

– Исключено! Я уже показывала вашу акварель специалистам, и они единодушно признали ее подлинность. Но с ней связана еще одна загадка, которую я никак не могу разрешить... – Лидия Сергеевна замолчала, рассеянно постукивая по столу пальцами.

– Загадка? – насторожился я – это слово с детства действовало на меня завораживающе. – В чем же она состоит? Может, попытаемся разгадать ее вместе?

– Я сама хотела предложить вам это. Хорошо, что вы зашли к нам. Подождите, я скоро вернусь. – И Лидия Сергеевна покинула кабинет.

Чем дольше я общался с этой тихой, скромной женщиной, тем большую симпатию испытывал к ней. Она была уже в годах, в ее пепельных, коротко остриженных волосах пробивалась, хотя и не очень заметно, седина, но во внешности и в поведении оставалось что-то неподвластное возрасту (наверное, ее непосредственность), а в задумчивых глазах по-прежнему светилось любопытство молодости.

Мне было известно: в музейных кругах Лидию Сергеевну считали серьезным и опытным исследователем «Слова о полку Игореве». Однако со всеми, начиная от рядовых экскурсантов и кончая маститыми учеными, она вела себя так, что тем и другим казалась, вероятно, обыкновенной школьной учительницей, самозабвенно и преданно влюбленной в древнее произведение.

Совершенно разные люди – Окладин и Пташников – были на удивление единодушны, когда речь заходила о Лидии Сергеевне, – оба относились к ней с огромным уважением. При этом сама Лидия Сергеевна никогда не делала никаких попыток обратить на себя внимание, блеснуть своими обширными знаниями. Больше того, как это только что случилось в разговоре со мной, она очень часто уходила в себя и забывала о человеке, с которым беседовала. Наверное, в других людях это качество вызывало бы у меня раздражение, но в Лидии Сергеевне оно казалось по-детски милым и простительным.

Вернувшись в кабинет, она положила на стол «мою» акварюль и растрепанный, с пожелтевшими от времени страницами журнал – тот самый, в котором была напечатана гравюра, сделанная с акварюли, изображавшей усадьбу Мусина-Пушкина в Иловне.

– Сравните эти рисунки между собой. Вы не находите здесь одну странность?

Я положил рисунки рядом, один над другим, и убедился, что гравюра сделана именно с этой акварели, причем с фотографической, удивительной точностью: на ней тщательно, скрупулезно был прорисован каждый листочек деревьев, окружавших здание, каждый блик на его фасаде, все, даже самые мелкие детали и особенности плывущих в небе кучевых облаков. Гравер не оставил своего имени, но, несомненно, это был настоящий мастер. Так же не было известно и имя художника, нарисовавшего акварель, из чего Лидия Сергеевна сделал осторожное предположение, что это крепостной художник графа Мусина-Пушкина, обладавший ярким и оригинальным талантом.

Но о какой странности говорила Лидия Сергеевна?

Я так долго всматривался в акварель и журнальную репродукцию, что у меня зарябило в глазах, однако никакой «странности» не нашел, в чем признался Лидии Сергеевне.

Бледные губы женщины тронула довольная улыбка:

– Не расстраивайтесь, мне целый час потребовался, чтобы найти здесь одно маленькое несоответствие. Что-то неладное я почувствовала сразу, как только увидела вашу акварель, но в чем тут дело – сама себе объяснить не могла. Посмотрите сначала на акварель. Видите на боковой стороне здания, на третьем этаже, окна? Пересчитайте их. А теперь взгляните на гравюру.

– Одного окна не хватает! Последнего, углового! – воскликнул я, удивившись, что сразу не заметил этого отступления. Впрочем, найти его было не так-то и легко – на акварели оно было едва прорисовано. И тут же мне в голову пришла другая мысль: – А может, гравер просто ошибся и никакой загадки здесь нет и в помине?

– Вы же сами убедились, что он, работая над гравюрой, проявил прямо-таки фотографическую точность.

Я вынужден был согласиться с Лидией Сергеевной:

– Да, вы правы... Но я не понимаю, какой вывод можно извлечь из этого?

– Давайте рассуждать вместе. Ясно, что гравюра в журнале сделана именно с акварели. Это подтвердили и специалисты, к которым я обращалась за помощью: они наложили фотографию с акварели на фотографию с гравюры – и получили точное совпадение изображений. Отличие только в технике исполнения и в отсутствии на гравюре углового окна. Можно предположить, что автору гравюры было прямо заказано не рисовать этого окна.

– Но с какой целью?

– Здесь остается только гадать, поэтому сначала лучше рассмотрим второе предположение: гравюра рисовалась с акварели в самой усадьбе Мусина-Пушкина; художник, пересчитав окна на боковой стороне третьего этажа, убедился, что на акварели одно окно лишнее, и убрал его.

– То есть, ошибся автор акварели? – уточнил я.

– А может, и не ошибся. Почему не предположить, что к тому времени, когда рисовали гравюру, это окно по какой-то причине было заложено?

– Но ведь это только предположение?

– Да, но потом я нашла ему подтверждение...

С этими словами Лидия Сергеевна раскрыла вложенный в журнал конверт и положила передо мной фотографию какого-то здания, в котором я не сразу узнал дом Мусина-Пушкина в Иловне – до того у него был жалкий, обшарпанный вид.

– Фотография сделана незадолго перед затоплением Иловны Рыбинским водохранилищем. До этого в здании размещалось сельскохозяйственное училище. Пересчитайте окна третьего этажа – и вы убедитесь, что автор гравюры нарисовал ровно столько окон, сколько их было накануне затопления.

Тщательно рассмотрев фотографию, я убедился, что Лидия Сергеевна права – в сравнении с акварелью одного окна на ней не хватало, вместо него в этой части здания была ровная стена без каких-либо намеков на окно.

– И все-таки я не понимаю, почему вы придаете такое большое значение этому окну? Ну заложили одно окно! Что же здесь особенного?

Лидия Сергеевна смутилась так, словно я уличил ее в чем-то предосудительном.

– Знаете, я и сама не могу объяснить себе, почему это лишнее окно на акварели не дает мне покоя, вроде бы такая мелочь... А с другой стороны, нельзя не учитывать, что, судя по датам, и акварель, и гравюра были нарисованы еще при жизни Мусина-Пушкина, с разницей в один год. Значит, окно было заложено по личному указанию графа. И еще одно красноречивое обстоятельство: поручая художнику сделать гравюру с акварели, Мусин-Пушкин распоря-

дился не рисовать окно, которое было на акварели. Следовательно, он не хотел, чтобы об этом окне кто-либо знал. Рассуждаем дальше. Через какое-то время гравюра печатается в журнале, а акварель как бы исчезает – почти двести лет она нигде не упоминается, нигде не фигурирует. Где она хранилась все эти годы, в каком собрании? И вдруг столь же неожиданно, как исчезла, акварель опять появляется на свет!

– Действительно, в вашем изложении это выглядит загадочно, – согласился я с Лидией Сергеевной, но тут же добавил: – Хотя исчезновение акварели можно объяснить очень просто: она могла попасть в какое-нибудь частное собрание, где на нее просто не обращали особого внимания.

– Возможен и такой вариант, – кивнула Лидия Сергеевна. – Но мне все-таки представляется, что у акварели более сложная, более запутанная судьба. И связана она именно с заложенным окном. У меня такое ощущение, что к исчезновению акварели с глаз людских приложил руку сам Мусин-Пушкин...

Несколько секунд Лидия Сергеевна помолчала, а потом доверительно произнесла:

– У меня к этому человеку – особое чувство, словно мы с ним старые и близкие знакомые. По моему глубокому убеждению, его не понимали современники и несправедливо оценивают наше поколение, даже специалисты, которые изучают его жизнь и деятельность. Это был не чудаковатый меценат, как иногда его представляют, а серьезный, вдумчивый исследователь и замечательный коллекционер-труженик. Просто в его время отношение к коллекционированию было другое – снисходительное и легкомысленное, потому и коллекционеры представлялись людьми несерьезными, чуть ли не блаженными. Все это граф в полной мере испытал на себе...

В голосе Лидии Сергеевны прозвучала такая боль, словно она действительно вспоминала близкого человека, с которым была давно знакома.

Хотя, повторяю, я с самого начала не сомневался в подлинности присланной мне акварели, разговор в музее еще сильнее подхлестнул мое желание написать об истории «Слова о полку Игореве» – сообщение Лидии Сергеевны дополняло эту историю весьма любопытными, поистине загадочными деталями. Прямо-таки таинственные черты приобретала и личность Старика, написавшего письмо. Вместе с тем у меня появилось опасение, что по какой-нибудь не зависящей от меня причине он прервет переписку со мной, и мне так и не удастся узнать, какими неизвестными материалами об истории «Слова» он располагает. Единственным связующим звеном между нами была Наташа, доставившая письмо Старика. Возможно, подумал я, при новой встрече мне удалось бы узнать о Старике нечто такое, что позволило бы отыскать его, если он вдруг оборвет нашу переписку. Но как найти девушку? Ведь даже имя она могла назвать не свое, а любое пришедшее на память. Правда, у меня возникло предположение, что она учится в педагогическом институте, но эта догадка была выстроена на таком шатком, зыбком основании, что вполне могла оказаться ошибочной.

Придя к такому выводу, я заставил себя временно не думать ни о девушке, ни о том, как ее найти, а как можно быстрее написать первый очерк об истории «Слова»: возможно, увидев публикацию в газете. Старик выйдет на прямой контакт со мной, минуя посредника. Тогда я найду Наташу с его помощью. Но любой ценой я решил обязательно встретиться с ней – сердце подсказывало мне, что наше знакомство не было случайным, а так распорядилась сама судьба.

Как и в предыдущем газетном очерке о поисках новгородских сокровищ, я решил и на этот раз не называть фамилий Окладина и Пташникова, а вывести их под именами Историка и Краеведа. Свой интерес к «Слову о полку Игореве», не имея возможности назвать подлинную причину, я объяснил читателям так же, как и Окладину: поскольку «Слово» было найдено в Ярославле, то ярославцам знать его историю сам бог велел.

Конечно, если бы Старик, приславший акварель, позволил сообщить читателям о своем письме, то завязка очерка была бы гораздо интересней. Но я намеревался в точности испол-

нить его просьбу – только так можно было рассчитывать, что наши отношения продолжатся и он сдержит свое обещание выдать мне какую-то необычную, сенсационную информацию об истории «Слова». Вместе с тем, только начав работу над очерком, я еще раз убедился, что сама история находки древнего произведения настолько запутанна и таинственна, что лишь один добросовестный ее пересказ и то может вызвать читательский интерес. Поэтому я не долго думал, как озаглавить очерк, и назвал его «Таинственное “Слово”».

Через два дня я принес очерк редактору молодежной газеты. Мне не хотелось рассказывать ему предысторию появления своего произведения на свет, но он с самого начала так повернул разговор, что я вынужден был это сделать, иначе очерк провалился бы в его столе неизвестно сколько времени.

Выслушав меня, редактор от удивления покрутил головой с пышной «поэтической» шевелюрой.

– Таким образом, как я понял, ты начал работу над очерком, рассчитывая, что заключительный, ударный материал тебе предоставит этот неизвестный Старик?

– Выходит, так.

– А ты не боишься, что он просто блефует и никаких уникальных сведений у него нет?

– Если бы не акварель, я бы так и подумал.

– А может, акварель – это единственное, что у него есть? Все же остальное, что он тебе наобещал, плод его богатой фантазии.

– Не знаю почему, но я ему верю.

– Не потому ли, что тебе очень понравился его курьер? – Веснушчатое лицо редактора расплылось в улыбке.

– У меня есть и другие, более веские основания, – сухо ответил я, досадуя, что редактор, высказав это предположение, попал в точку.

Редактор посмотрел на меня испытующе и произнес уже всерьез, без иронии:

– На твоём месте я все-таки попытался бы ее найти.

– Зачем?

– Чтобы побольше узнать о Старике. Тем более, для этой встречи у тебя есть теперь хороший повод.

– Какой повод? – не понял я.

– Сообщишь ей, что первый твой очерк об истории «Слова о полку Игореве» будет опубликован в субботнем номере нашей газеты.

– Значит, ты решил его напечатать?

– Рискну, так и быть. Впрочем, эта тема в любом случае заинтересует многих наших читателей, история «Слова» действительно весьма загадочна и напрямую связана с Ярославом. А участие в расследовании, которое ты предпринял, таких знатоков, как Пташников и Окладин, гарантирует его высокий профессиональный уровень. Но у меня все-таки остается опасение, что твой Старик не выполнит своего обещания: или ничего, кроме акварели, у него нет, или по какой-то другой причине, которую сейчас и угадать невозможно. Поэтому, на всякий случай, надо собрать о нем как можно больше сведений: что он собой представляет, откуда у него могут оказаться еще какие-то материалы, связанные с историей «Слова». А для этого у тебя один путь – встретиться с его курьером...

Совет редактора еще больше усилил мое желание увидеться с Наташей. И не только потому, что через нее можно было выйти на Старика. Но как осуществить это намерение? Даже в том случае, если она учится, как я предполагал, в педагогическом институте, ее поиски заняли бы не один день. В придачу оставалась вероятность, что она была студенткой совсем другого института. Поэтому, рассудив здраво, я решил не предпринимать пока никаких шагов, а с нетерпением стал дожидаться новой встречи с историком и краеведом...

Как-то я уже писал о том, что одноэтажный старинный домик Пташникова в центре города выглядел так, словно попал сюда случайно и заблудился. Недавно рядом с ним начали строить еще одно высотное здание – и это впечатление усилилось.

Но мало кто знал, что в неказистом домике с тесовым крыльцом и тремя узенькими окнами по фасаду находилась настоящая ценность – уникальная библиотека Пташникова, о которой я тоже рассказывал читателям в одной из своих предыдущих повестей. Поэтому я не удивился, что страстный книголюб Окладин пришел к краеведу раньше меня и уже рылся на полках, в который раз восхищаясь его книжными сокровищами.

Когда я появился в комнате, Пташников только что внес горячий самовар и сразу же пригласил нас за стол.

Как я заметил, предстоящий «следственный эксперимент» взволновал краеведа: он вел себя так, словно допрашивать будут не сиятельного графа Алексея Ивановича Мусина-Пушкина, а его самого – краеведа Пташникова.

Прежде чем перейти к изложению необычного допроса, который я записал дословно, нужно сообщить, что в этом «следственном эксперименте» Окладин и Пташников пользовались опубликованной Калайдовичем биографией Мусина-Пушкина, их перепиской, другими источниками по истории «Слова о полку Игореве», поэтому часть сказанного ими действительно принадлежит археографу и графу, точно цитировались тексты некоторых документов. Вместе с тем иногда допрос графа превращался в допрос краеведа, но наблюдательный читатель, вероятно, сумеет разделить одно от другого.

Увидев на книжной полке свечу в старинном медном шандале, Окладин, взяв у краеведа спички, зажег ее и поставил посреди стола.

– Это еще зачем? – проворчал Пташников.

– Для чистоты следственного эксперимента, – хитро улыбнувшись, объяснил Окладин.

Только сейчас я заметил, что за окном уже сгустились сумерки. Проскрежетал трамвай – и двадцатый век словно отступил. Мне действительно представилось, что за столом, освещенные колеблющимся пламенем свечи, сидят не историк Окладин и краевед Пташников, а археограф Калайдович и граф Мусин-Пушкин...

## **Глава шестая. Допрос сиятельного графа**

– Где и у кого, граф, вы приобрели список «Слова о полку Игореве»? – задал Окладин-Калайдович первый вопрос, таким образом заставив и краеведа говорить не от своего имени, а от имени Мусина-Пушкина.

Вживаясь в роль сиятельного графа, Пташников ответил не сразу:

– До обращения Спасо-Ярославского монастыря в архиерейский дом управлял оным архимандрит Иоиль Быковский, муж с просвещением и любитель словесности. По уничтожении штата остался он в том монастыре на обещании до смерти своей. В последние годы находился он в недостатке, а по тому случаю комиссионер мой купил у него все русские книги, в числе коих в одной, под названием Хронограф, в конце найдено «Слово о полку Игореве».

– Вы можете назвать имя комиссионера, купившего Хронограф у Иоиля Быковского?

– У меня было много комиссионеров, в том числе и в Ярославле. Всех я не упомяну.

– Иоиль Быковский знал, для кого ваш комиссионер приобретает Хронограф?

– Я не делал из этого секрета. О том, что я занимаюсь коллекционированием древностей, в Ярославле многие были осведомлены.

– Когда вы приобрели Хронограф, вам уже было известно, что в нем находится «Слово о полку Игореве»?

– Нет, об этом я узнал, лишь получив древний манускрипт.

– А ведал ли о том, что в Хронографе находится неизвестное древнерусское произведение «Слово о полку Игореве», Иоиль Быковский?

– Затрудняюсь ответить на ваш вопрос точно. Об этом лучше бы спросить самого Иоиля.

– Как выглядел список «Слова о полку Игореве»?

– «Слово» было написано на лощеной бумаге в лист, в конце летописи довольно чистым письмом. По почерку письма и по бумаге должно отнести оную переписку к концу четырнадцатого или к началу пятнадцатого века.

– Какие еще произведения входили в приобретенный вами Хронограф?

– Книга сия содержала следующие, по их названиям, произведения:

«Книга глаголемая Гранограф, рекши начало писменам царских родов от многих летописец; прежде о бытии, о сотворении мира, от книг моисеевых и от Иисуса Навина, и от судей Иудейских, и от четырех царств, так же и о Ассирийских царях, и от Александрия, и от Римских царей, Еллин же благочестивых, и от Русских летописец, Сербских и Болгарских»;

«Временник, еже нарицается летописание Русских Князей и земля Русская»;

«Сказание о Индии богатой»;

«Синагрип Царь Адоров, Иналивския страны»;

«Слово о полку Игореве, Игоря Святославля, внука Ольгова»;

«Деяние прежних времен храбрых человек и борзости, и о силе, и о храбрости»;

«Сказание о Филипате, и о Максиме, и о храбрости их».

Еще думно есть слышати о свадьбе Девгееве, и о всехыщении Стратиговне.

– В каком году вы приобрели Хронограф Спасо-Ярославского монастыря?

– В 1788 году.

– При каких обстоятельствах и когда Спасо-Ярославский монастырь был преобразован в архиерейский дом?

– Был соответствующий Указ императрицы Екатерины Второй от 3 июля 1787 года. В следующем году она подписала Указ «О разделении епархий сообразно с разделением губерний», в котором приписывалось действительному тайному советнику и генерал-губернатору Ярославскому и Вологодскому Мельгунову, упразднив Спасо-Ярославский монастырь, обратиться для пребывания Ростовского и Ярославского архиепископа.

– Говорилось ли в Указе о дальнейшей судьбе архимандрита Иоиля Быковского?

– Было распоряжение по старости и болезни увольняемому архимандриту выплачивать его жалование до самой смерти.

– Каково было жалование архимандрита?

– Пятьсот рублей в год.

– Это никак не вяжется с вашим заявлением, что в последние годы Иоиль Быковский находился в недостатке: оказывается, ему сохранили жалование, и не малое. Почему же он расстался с Хронографом? Ведь вы только сейчас утверждали, что это был человек просвещенный и большой любитель словесности. Неужели он не понимал ценности манускрипта, которым владел?

– Иоиль Быковский дал бы вам исчерпывающий ответ, но он умер еще в 1798 году.

– Кстати, при жизни Иоиля Быковского вы никогда не говорили, что приобрели список «Слова о полку Игореве» у него. А ведь со времени приобретения списка до смерти архимандрита прошло целых десять лет, срок большой. Чем вы объясните столь долгое молчание?

– Я был бы плохой собиратель древностей, если бы всем раскрывал своих поставщиков.

– А может, вы дожидались смерти архимандрита?

– С какой целью?

– Чтобы скрыть истинные обстоятельства приобретения «Слова»; или по какой-то другой причине, но также имеющей отношение к вашему Собранию российских древностей.

– Несправедливое обвинение. Просто у меня никто не спрашивал, у кого именно я приобрел список.

– Вы не говорили об истории «Слова» с Николаем Михайловичем Карамзиным, который видел Спасо-Ярославский Хронограф?

– Не припомню.

– В таком случае я зачитаю отрывок из его статьи, опубликованной в Гамбурге, в журнале французских эмигрантов: «Два года тому назад в наших архивах был обнаружен отрывок из поэмы под названием “Песнь воинам Игоря”, которую можно сравнить с лучшими оссиановскими поэмами и которая написана в двенадцатом столетии неизвестным сочинителем».

– Карамзин действительно был одним из немногих, кто видел Хронограф со «Словом о полку Игореве». Не понимаю, в чем вы хотите меня обвинить.

– Журнал со статьей Карамзина вышел в октябре 1797 года. Значит, на основании каких-то данных Карамзин считал, что список «Слова о полку Игореве» был приобретен в 1795 году, то есть спустя семь лет после указанного вами срока. Вы можете объяснить это несоответствие?

– Карамзин ошибся – вот и все объяснение.

– Вряд ли столь серьезный ученый, во всем привыкший к точности, допустил бы такую ошибку. Вероятней, он указал тот год приобретения «Слова», который вы ему назвали тогда.

– Повторяю: я не помню, чтобы такой разговор состоялся у нас с ним.

– А как вы объясните, что он сообщает только об отрывке из поэмы?

– Карамзин мог просто оговориться.

– Не слишком ли много ошибок допустил он в одной фразе?

– К сожалению, ошибаются и ученые.

– Какие «наши архивы» он упомянул, если «Слово о полку Игореве» было собственностью Иоила Быковского?

– Не имею представления.

– В пояснении к портрету Бояна в «Пантеоне российской словесности», вышедшем в 1801 году, Карамзин писал: «За несколько лет перед сим в одном монастырском архиве нашлось древнее сочинение, достойное Оссиана и называемое “Песнью воинам Игоря”». Заметьте: Карамзин уточняет, что «Слово о полку Игореве» нашлось в монастырском архиве. О частном собрании Иоила Быковского и речи нет.

– Карамзин не знал всех обстоятельств находки «Слова», потому и назвал монастырский архив. В конечном счете это было и не столь важно для Николая Михайловича, его больше интересовал сам текст «Слова о полку Игореве».

– Значит, вы приобрели Хронограф со «Словом» у Иоила Быковского в 1788 году, сразу после упразднения Спасо-Ярославского монастыря? А с какого по какой год вы были обер-прокурором Святейшего синода?

– С 1791 по 1797 год... Кажется, я догадываюсь, почему вы задали этот вопрос: ходили слухи, что для пополнения Собрания российских древностей я использовал служебное положение.

– Увы, дело не ограничилось только слухами: после вашего ухода из Синода новый обер-прокурор князь Хованский возбудил против вас обвинения в присвоении вами монастырских ценностей. В частности, всплыла история с незаконным приобретением Лаврентьевской летописи. Что вы можете сказать об этих обвинениях?

– В свою защиту я приведу только один документ. Узнав о моем назначении президентом Академии художеств, новгородский митрополит Гавриил – человек достойный и уважаемый – обратился к императрице Екатерине со следующим посланием:

«Всеавгустейшая и всемилостивейшая монархиня!

Синод особливим Вашего Императорского Величества благоволением почитает определение обер-прокурором Алексея Ивановича Мусина-Пушкина. Время довольно открыло его

благорасположение к наблюдению истины, твердость намерений, удаленную от пристрастия, приверженность к Церкви, порядочное течение дел. Ныне услышав, что он пожалован президентом Академии художеств, Синод, Ваше Императорское Величество, просит оставить его и при Синоде обер-прокурором. Благоволение Вашего Императорского Величества о сем поставит и для Синода и для просителей особое счастье. Сим убеждаюсь, Ваше Императорское Величество, всеподданнейше просить сию Вашу милость к Синоду продолжить».

На этом письме Екатерина всемилостивейше написала 5 марта 1794 года: «С удовольствием вижу Вашего Преосвященства просьбу; я инако и не разумела».

Так высоко была оценена моя деятельность в должности обер-прокурора Святейшего синода. Узнав о моем Собрании российских древностей, Екатерина Великая удостоила меня личного с собой общения. Ей угодно было видеть собранные мною некоторые летописи и Крекшину принадлежавшие бумаги, которые с крайним любопытством рассмотрев, благоволила некоторые оставить у себя, а вместо того пожаловала мне несколько харатейных книг и древних летописей и бумаг, в кабинете ее находившихся, кои самой ей читать было трудно, и поручила мне из оных и из других древних книг обо всем, что до российской истории касается, делать выписки, дозволив искать всюду и требовать, что найду для себя нужным. Таковое дозволение доставило мне редкие исторические и дипломатические выписки и книги, а место мое в Святейшем синоде и короткое знакомство с духовными особами подали случай собрать множество древних рукописей и печатных книг, что весьма умножило и обогатило мое собрание... Таким образом, действовал я по прямому распоряжению императрицы Екатерины Великой и никаких злоупотреблений не было.

– Тогда тем более непонятно, почему вокруг «Слова о полку Игореве» возникло столько неясностей и загадок. Туманны обстоятельства его находки, не менее загадочны обстоятельства его публикации.

– Не понимаю, что вы нашли здесь загадочного.

– Назовите тех, кто был участником первого издания «Слова».

– Во время службы моей в Санкт-Петербурге несколько лет занимался я разбором и переложением «Слова» на нынешний язык. В подлиннике он был написан довольно ясным почерком, но разобрать его было весьма трудно, потому что не было ни правописания, ни строчных знаков, ни разделения слов, в числе коих множество находилось неизвестных и вышедших из употребления. Прежде всего нужно было его разделить на периоды, а потом добираться до смысла, что крайне затрудняло работу, и хотя все было уже разобрано, но я, не будучи переложением моим доволен, выдать оный в печать не решился. В 1799 году, по переезде моем в Москву, я продолжил эту работу с Малиновским и Бантышем-Каменским и только после того отдал рукопись в печать.

– Сколько экземпляров «Слова о полку Игореве» было напечатано?

– 1200 книг. Отпечатаны они были в конце 1800 года и большинство экземпляров хранилось в моем Собрании российских древностей.

– Как вы объясните, что за двенадцать лет после публикации небольшой тираж не был раскуплен? Вы предпринимали какие-то шаги с целью его распространения?

– В «Московских ведомостях» трижды было напечатано объявление о продаже «Слова о полку Игореве» в лавках купца Кольчугина.

– Почему же вы не отправили книги в лавки?

– Мне стало ясно, что книга такого содержания не заинтересует неподготовленных читателей. И я оставил книги у себя, чтобы дарить друзьям и тем, кто истинно интересуется древней русской историей и письменностью.

– В результате погиб и единственный список «Слова о полку Игореве», и почти весь его тираж, и все ваше Собрание российских древностей. Как это могло случиться?

– Жестокая судьба, очевидно, гнавшая историю любезного отечества нашего, судила и сему единственному и драгоценному стяжанию, многолетними трудами и большим иждивением собранному, погибнуть в Москве в бедственный и вместе с тем славный для отечества 1812 год, в который с великолепным моим домом оно было превращено в пепел.

– Неужели вы не могли спасти из вашего Собрания самые ценные рукописи: Троицкую летопись, «Слово о полку Игореве»?

– Не имел возможности, поскольку в Москве меня тогда не было.

– Вынужден заметить, сиятельный граф, что обстоятельства гибели древнего списка «Слова» в Москве так же туманны и подозрительны, как и обстоятельства его находки в Ярославле. Но вернемся к первой публикации «Слова о полку Игореве» и воспроизведем факты, которые, при их рассмотрении, тоже не могут не показатьсястораживающими. Помимо «Слова» вы подготовили к изданию такие древние памятники письменности, как Русская Правда, находившаяся в составе так называемого Пушкинского сборника, и «Поучение» Владимира Мономаха, которое входило в состав злополучной Лаврентьевской летописи. Первый сборник вы получили из Тихвинского монастыря; летопись, как выяснилось, поступила к вам из новгородского Софийского собора. Оба эти приобретения вы сделали не раньше 1791 года. Русская Правда была опубликована в 1792 году, через год вышло «Поучение». В работе над ними принимали участие те же Болтин и Елагин, которые первыми помогали вам в прочтении «Слова о полку Игореве». Почему же оно вышло только спустя двенадцать лет после его находки?

– Поэтическое «Слово» имело больше текстовых неясностей, чем Русская Правда и «Поучение», носившие деловой характер. Кроме того, если признаться, я не терял надежду найти еще один список «Слова о полку Игореве» и провести сравнение текстов, чтобы разгадать темные места.

– И все-таки трудно объяснить такую задержку, зная ваш энергичный характер.

– Я считаю себя вдумчивым, серьезным исследователем, что бы ни говорили обо мне мои недоброжелатели.

– В таком случае, как оценить следующее высказывание типографщика Селивановского, участвовавшего в первом издании «Слова о полку Игореве»: «Корректуру держали Малиновский и Бантыш-Каменский, а третью уже читал граф Пушкин. Они делали частые поправки в корректуре, с точностью издавая подлинник, отчего печатание шло медленно. Граф Пушкин не имел права помарывать корректуру». Не правда ли, интересное замечание?

– Чем же именно?

– Не странно ли, что вам – владельцу рукописи, «вдумчивому, серьезному исследователю», как вы называете себя, по сути дела было запрещено активно участвовать в работе над изданием «Слова»?

– В этом ничего оскорбительного для меня не было: Малиновский и Бантыш-Каменский в то время считались самыми авторитетными археографами. Я полностью доверял им, потому и пригласил именно их принять участие в работе.

– Здесь тоже не все ясно. Малиновский и Бантыш-Каменский проделали при подготовке «Слова о полку Игореве» к печати такую огромную работу, однако издание вышло анонимно, только в предисловии было сказано, что «Подлинная рукопись, по своему почерку весьма древняя, принадлежит издателю сего, который чрез старания свои и просьбы к знающим достаточно российский язык доводил чрез несколько лет приложенный перевод до желаемой ясности, и ныне по убеждению приятелей решился издать оный на свет». Имя издателя – «действительного тайного советника и кавалера графа Алексея Ивановича Мусина-Пушкина» – в примечании указано, а непосредственные исполнители издания так и не названы. А между тем в других изданиях, в которых участвовал тот же Бантыш-Каменский, он свое имя не замалчивал. Больше того, сын ученого в составленном им «Словаре достопамятных людей Русской земли» в сооб-

щении о трудах своего батюшки работу над «Словом о полку Игореве» даже не упомянул. Как вы это объясните?

– Бантыш-Каменский подготовил столько публикаций, что работа над «Словом о полку Игореве» для его сына была малозначительным эпизодом. Сам Бантыш-Каменский так не считал, хотя по скромности и не указал в первом издании «Слова» своего имени. Малиновский своего участия и вовсе не скрывал, на экземпляре «Слова о полку Игореве», подаренном Дашковой, написал собственноручно: «Ее сиятельству милостивой государыне княжне Екатерине Романовне Дашковой всеусерднейшее приношение от трудившегося в объяснении и переводе сего древнего отечественного умопроизведения».

– В примечаниях к своей «Истории государства Российского» Карамзин писал: «В той же книге, в коей находится “Слово о полку Игореве”, вписаны еще две повести: “Синагрип, царь Адоров” и “Деяние прежних времен храбрых человек...” В той же книге находится еще «Сказание о Индии богатой, или Мнимое письмо священника Иоанна к Мануилу, греческому императору». Таким образом, из восьми названных вами, граф, произведений, которые были вместе со «Словом о полку Игореве», Карамзин называет только четыре, не упоминая ни Хронограф, ни Временник. А тот же Хронограф, между прочим, занимал в сборнике самый большой объем. Как вы объясните эту неувязку?

– Вероятно, Карамзин не назвал Хронограф из-за малой его изученности в то время, ведь доскональное изучение хронографов началось позднее.

– Это не вяжется с тем, что Карамзин писал в своей «Истории государства Российского»: «Доныне еще не издано ни одного хронографа, они разных сочинителей и тем любопытнее». Следовательно, Карамзин очень интересовался хронографами, а в вашем сборнике почему-то его не заметил.

– А какое объяснение можете дать вы?

– Очень простое: в том сборнике, который видел Карамзин, ни Хронографа, ни Временника не было, иначе бы он, как историк, обратил бы на них свое внимание.

– Но ведь в первом издании «Слова о полку Игореве» я указал их! Карамзин мог меня поправить – и не сделал этого.

– Можно предположить, что вы были вынуждены связать «Слово о полку Игореве» с Хронографом, принадлежавшим почившему в Бозе архимандриту Иоилу Быковскому, после того как вас стали обвинять в использовании должности обер-прокурора Синода для приобретения рукописей в церквях и монастырях. Как и в случае с Лаврентьевской летописью, вы скрыли истинное место находки «Слова о полку Игореве», так как это приобретение тоже было незаконным. Но до этого вы проговорились Карамзину, что отыскиали «Слово» в монастырском архиве. И назвали год приобретения древнего списка – 1795-й, то есть список оказался у вас в то самое время, когда вы были обер-прокурором Синода. Карамзин промолчал, потому что не хотел подводить вас. Или вы его попросили о том. Но в любом случае рассказанная вами история древнего списка «Слова о полку Игореве» нуждается в существенных уточнениях.

– В таком случае мне нечего больше сказать...

## Глава седьмая. Очевидцы свидетельствуют...

Так закончился этот необычный допрос.

Пташников с силой дунул на свечу и включил лампочку, сиротливо, без абажура, свисающую с потолка. В комнате сладковато запахло горелым воском, электрический свет на какое-то время ослепил нас.

Пытливо поглядывая друг на друга, историк и краевед молчали, как бы мысленно продолжая спор. Первым затянувшейся паузы не выдержал нетерпеливый Пташников:

– В роли Мусина-Пушкина я отказался от дальнейшего допроса, поскольку Калайдович таких упреков и обвинений не мог предъявить графу, вы явно переиграли свою роль. Неужели вы всерьез верите, что Мусин-Пушкин обманывал Калайдовича, письменно отвечая на его вопросы?

– Граф не рассчитывал, что его ответы будут опубликованы, поэтому и позволил себе несколько пофантазировать.

– Вряд ли он пошел бы на обман в данном случае. Калайдович был близок к одному из издателей «Слова о полку Игореве» Бантышу-Каменскому; кроме графа, Калайдович мог обратиться к другим сведущим людям. У него была репутация серьезного ученого, и после смерти Мусина-Пушкина он не опроверг его рассказа об истории приобретения «Слова». Значит, поверил графу.

– Калайдович был просто вынужден смириться с этой версией, так как наткнулся на отчаянное нежелание графа сказать правду, где была приобретена рукопись. Думаю, и на публикацию биографии Мусина-Пушкина без согласования с графом он пошел ради того, чтобы вынудить его назвать точное место приобретения списка «Слова о полку Игореве». Однако и это не помогло, а после смерти графа обвинять его в обмане было уже поздно, да и бесполезно.

– Где же, по вашему мнению, мог Мусин-Пушкин найти список «Слова», если не в Ярославле? – желчно спросил историка Пташников.

– Можно назвать сразу несколько версий.

– Хотелось бы их выслушать.

– В журнале «Московский телеграф» Николай Полевой писал о Пантелеймоновом монастыре, что находился «во Пскове, в бору, при устье реки Черехи»: «Митрополит Евгений полагает, что из сего последнего взят Апостол, надписанный Зосимою... Не отсюда ли достался графу А.И. Мусину-Пушкину сборник, в котором нашел он “Слово о полку Игореве”?» Как видите, данная версия объясняет происхождение приписки в Псковском Апостоле. Что вы на это скажете?

Пташников прямо не ответил историку:

– В псковском соборе Иоанна Предтечи в заложённых камнями проломах обнаружили тайники, заполненные небольшими, для «домашнего употребления», иконами и деревянной церковной утварью. Иконы относятся к четырнадцатому веку, а его можно назвать «золотым веком» псковской живописи. Может, не случайно и приписка к Апостолу появилась поименно в это же время, когда расцвет церковной живописи совпал с подъемом интереса к книжной культуре? И еще одно совпадение: в результате последних исследований выяснили, что собор Иоанна Предтечи на реке Великой построен в первой половине двенадцатого века, то есть буквально за несколько лет до создания «Слова о полку Игореве». Может, в том же двенадцатом веке один из списков «Слова» попал в Псков и именно с него Домид сделал приписку в Апостоле? – вслух размышлял краевед.

– Значит, версия вполне убедительная? – спросил его Окладин.

– Если бы Мусин-Пушкин приобрел список «Слова» в Пскове, то Калайдовичу, который обнаружил приписку в Псковском Апостоле, не составило бы большого труда выяснить это.

– Возможно, Калайдович и нашел псковский след, но промолчал, избегая лишних неприятностей. Перехожу ко второй версии. Евгений Болховитинов, который был в близких отношениях с Бантышем-Каменским и потому мог знать подлинный источник приобретения, говоря о Мусине-Пушкине, написал на книге первого издания «Слова о полку Игореве»: «Он купил ее в числе многих старых книг и бумаг у Ивана Глазунова, все за пятьсот рублей, а Глазунов после какого-то старичка за двести рублей».

– Если бы так было на самом деле, Мусин-Пушкин не придумывал бы длинной истории со Спасо-Ярославским Хронографом, – хмуро заметил краевед.

– Можно предположить, что от упоминания Глазунова граф вынужден был отказаться по какой-то неблагоприятной, но убедительной причине.

– Слушаю вашу третью версию.

– В августе 1792 года в должности обер-прокурора Синода граф Мусин-Пушкин приехал в Ярославль и потребовал, чтобы «из числа найденных в библиотеке дома его преосвященства пяти хронографов и шестой степенной, представлены были к личному просмотру его превосходительству три хронографа, имеющие содержание относительно российской истории, и четвертую книгу степенную». Таким образом, он затребовал только те рукописи, которые поступили в Ярославский архиерейский дом из Ростовской консистории. Архиепископом там был Арсений Верецагин, их связывала давняя и тесная дружба. Сохранился дневник Верецагина, в котором часто упоминается имя графа, но отсутствуют записи с 1792 по 1796 год. Карамзин считал, что «Слово о полку Игореве» было приобретено в 1795 году. Возможно, отсутствующая часть дневника помогла бы ответить на вопрос, где и как был приобретен список «Слова». Не удивлюсь, если там был указан какой-нибудь ростовский монастырь.

– Из всех ваших версий ростовская – наиболее убедительная, – сказал Пташников, но тут же добавил: – Однако Мусин-Пушкин точно сообщил, где было найдено «Слово», – в Ярославле.

– Это лишь одна из версий.

– Есть доказательство, что названный Мусиным-Пушкиным Хронограф со «Словом о полку Игореве» действительно имелся в Спасо-Ярославском монастыре. В местном архиве хранится рукопись Василия Крашенинникова «Описание земноводного круга». Сначала коротко об авторе. Родился в 1712 году, год смерти точно не известен. Судя по всему, выходец из купеческой семьи и сам стал купцом второй гильдии. Владел в Ярославле в собственном доме шляпной фабрикой, одновременно был «десятским» в ратуше Рыбной слободы, позднее переименованной в город Рыбинск. По совершенному знанию латинского языка и широкой образованности можно предположить, что закончил Славяно-греко-латинскую академию в Москве. Много путешествовал по России и европейским странам, был весьма начитан, трудолюбив и по своему времени прогрессивно настроен. Так вот, в списке первоисточников, которыми пользовался при создании «Описания земноводного круга», Василий Крашенинников указал «Большой рукописный Гранограф Спасова Ярославского монастыря». Анализ текста его «Описания» позволил сделать вывод, что Крашенинников изучал и «Временник», находившийся в том же сборнике, что и «Слово о полку Игореве».

– А само «Слово» он упоминает? – поинтересовался Окладин.

– В списке первоисточников Василий Крашенинников назвал только те произведения, из которых он заимствовал фактический материал, поэтому поэтическое «Слово о полку Игореве» в этот список не попало.

– О чем же тогда речь? С таким же успехом ваш пример с Крашенинниковым можно использовать для доказательства, что «Слова о полку Игореве» не было в Хронографе Спасо-Ярославского монастыря. Вы сами только что говорили, что Крашенинников был образованным, начитанным человеком, – и не заметил такого талантливого, редкостного произведения.

– У Василия Крашенинникова была своя задача – сделать обзор исторического материала.

– В любом случае образованный и, как вы выразились, прогрессивный человек не оставил бы «Слово о полку Игореве» без внимания, известил бы о нем тех, кто интересовался древней русской письменностью.

– Можно предположить, что именно через Крашенинникова узнал о «Слове о полку Игореве» Мусин-Пушкин.

– Они были знакомы?

– Купец второй гильдии Василий Крашенинников мог быть знаком с ярославским купцом Полушкиным – отчимом основателя русского театра Федора Волкова. На именинах Полушкина в июле 1750 года Волков показал первое театральное представление. На этом представлении присутствовал отец Мусина-Пушкина, бывший тогда ярославским воеводой. Если там же был и Крашенинников, он мог рассказать о «Слове» ярославскому воеводе, а тот – своему сыну. Так Мусину-Пушкину стало известно о Спасо-Ярославском Хронографе и находившемся в нем неизвестном древнерусском произведении.

– Согласитесь, все эти домыслы построены на песке. Если бы Василий Крашенинников действительно увидел «Слово о полку Игореве» в Хронографе, о нем стало бы известно сразу, а не спустя тридцать-сорок лет.

– В главе «О Российском государстве» явно заметно влияние «Слова»: Василий Крашенинников неоднократно повторяет мысль о злой пагубности междоусобицы, созвучны со «Словом» и призывы к единению русских князей.

– Об этом говорилось во многих произведениях древней русской литературы, не только в «Слове». Ваш пример с Василием Крашенинниковым не доказывает, а скорее, наоборот, – еще раз подвергает сомнению утверждение Мусина-Пушкина, что он нашел «Слово о полку Игореве» в Спасо-Ярославском Хронографе.

Возражения Окладина показались мне весьма убедительными, но Пташников без боя не сдавался:

– Если вас не убедил Василий Крашенинников, привлечем в качестве свидетеля Ивана Елагина. В Государственной публичной библиотеке имени Салтыкова-Щедрина хранятся одиннадцать фолиантов его неопубликованной рукописи под названием «Опыт повествования о России». На одном из фолиантов сделана следующая запись: «Список сей, хотя несовершенный, но мною несколько поправленный, предаю я другу моему Алексею Ивановичу Мусину-Пушкину, яко охотнику и достаточному в повествованиях русских знатоку, желая, чтоб сочинение мое послужило ему навсегда залогом дружбы и почтения, с которым я был и буду до конца моей жизни, а в замену того прошу содержать сей труд мой не только несовершенный, но и неисправный, в тайнстве от любопытства по предписанию в предуведомлении. Ив. Елагин», – прочитал краевед из записной книжки. – А в седьмом томе рукописи автор, полемизируя с теми, кто считал, что «Россия во все времена, подобно дикому народу, во мраке невежества пребывала», сообщил следующее: «Мы можем притом показать сохраненное от древности Похвальное слово Игорю Олговичу в его время, то есть в начале XII века писанное и не сумненное потому, что сказано в нем: “Почнем братие повесть сию от старого Владимира до нынешнего Игоря, иже истягну ум крепостию своею и поостри сердца своим мужеством!”»

Пташников торжествуяще посмотрел на Окладина:

– Как видите, автор называет «Слово о полку Игореве» и цитирует его. Но это еще не все. В одном месте Елагин оставил на полях примечание, где прямо говорится, что речь идет о древнем манускрипте, принадлежавшем Мусину-Пушкину. Вот эта запись, – показал Пташников строчку в записной книжке:

«Изъ Кн: Хр: господ. Пушкина М древний».

– Одни исследователи считают, что эту запись надо расшифровывать: «Из книгохранильницы господина Пушкина манускрипт древний». Но, на мой взгляд, более убедительно, что Елагин назвал здесь «Книгу Хронограф», то есть тот самый Хронограф, о котором граф говорил Калайдовичу.

– Известно, в каком году Елагин работал над этой частью своего «Опыта»? – спросил Окладин.

– В 1788 году. В то самое время, когда, по утверждению Мусина-Пушкина, было найдено «Слово о полку Игореве».

– Но Елагин мог несколько лет дорабатывать свою рукопись, не так ли?

– Правильно, было несколько списков рукописи. Но в любом случае Елагин видел «Слово о полку Игореве» между 1788 и 1793 годами – годом своей смерти. В другом месте рукописи, описывая русскую монету семнадцатого века, Елагин называет Мусина-Пушкина церемониймейстером. Характер записи говорит о том, что она была сделана в одно время с записью о «Слове». Должность церемониймейстера граф исполнял до 1791 года. Следовательно, «Слово о полку Игореве» оказалось у графа до того, как он стал обер-прокурором Синода, – еще одно доказательство, что граф сообщил Калайдовичу точное время приобретения «Слова», а значит, и место приобретения указано верно.

– Ни Елагин, ни Карамзин, ни другие «самовидцы» «Слова» не назвали Ярославль. Почему? Видимо, у Мусина-Пушкина были серьезные основания скрывать место приобретения «Слова» даже от самых близких людей.

– Мусин-Пушкин точно указал, где был найден список «Слова о полку Игореве», – у архимандрита Иоилия Быковского!

– Кроме сомнительного сообщения графа, у вас есть другие, более веские доказательства?

– Доказательства будут! – убежденно произнес краевед. – В следующую субботу жду вас опять у себя. Дома, говорят, и стены помогают.

Горячность Пташникова только позабавила Окладина.

Я и сам понимал, что в версиях и доказательствах краеведа много субъективного, пристрастного, однако вызывало уважение, что история была для него не сухим, казенным предметом изучения, а источником горячей и бескорыстной любви.

История – наука особая, она – прошлое народа, которое должен знать каждый. Но только в отзывчивой душе человека, страстно влюбленного в свою маленькую родину, вырастает настоящая, большая любовь к Отечеству.

История «Слова о полку Игореве» увлекла меня всерьез. Восемь столетий его существования и двести лет изучения были наполнены суровыми событиями и самыми неожиданными испытаниями. Около пяти тысяч статей написали исследователи «Слова», ими была проделана огромная работа. Казалось бы, что могли добавить к ней разговоры историка и краеведа?

Все это было так. И вместе с тем только теперь для меня в полный рост представлялось величие «Слова» и в полной мере раскрывалась загадочность его судьбы.

До сих пор мне было непонятно поведение Окладина. Сейчас, когда в следствии по делу о «Слове о полку Игореве» мы сделали первые шаги, я вроде бы избавился от подозрений, что он каким-то образом причастен к полученному мною анонимному письму, но по-прежнему оставалось загадочным его скептическое отношение к «Слову».

Когда вышли из дома Пташникова, я прямо сказал об этом, надеясь, что Окладин объяснит свою позицию. Но он, выслушав меня, отделался шуткой:

– Считайте, я обнаружил собственноручное признание Мусина-Пушкина, что он был одним из тех, кто сочинил и подделал древний список.

– А если серьезно?

– Значит, в возможность такого поворота событий вы не верите? – улыбнулся Окладин и тут же сменил тон: – Что ж, если говорить серьезно, то я действительно надеюсь в ближайшее время получить документ, который позволит по-новому посмотреть на историю «Слова»...

Как ни старался, я не смог добиться от Окладина объяснений, что это за документ, откуда он должен поступить и каково его содержание. При этом он намекнул, что я тоже не совсем откровенен. И мне пришлось оставить свои упреки при себе.

Уже простившись с историком, я вдруг подумал: «А не написал ли Старик письмо и Окладину? Не сообщил ли Он ему то, что утаил от меня, – каким конкретным свидетельством, касающимся истории древнего списка, он обладает? А может, они хорошо знакомы и затеяли это расследование вдвоем, обговорив заранее свои роли?»

Так, вместо того чтобы избавиться от подозрений, я еще сильнее запутался в них.

## Часть вторая. Убийство в графской усадьбе

Сыщик Кафф внимательно осмотрел индийский шкафчик и обошел вокруг всего «будуара», задавая вопросы (лишь изредка инспектору и постоянно мне), цель которых, я полагаю, была непонятна нам обоим в равной мере. Он дошел наконец до двери и очутился лицом к лицу с известной нам разрисовкой. Он положил свой сухой палец на небольшое пятнышко под замком, которое инспектор Сигрэв уже приметил, когда выговаривал служанкам, толпившимся в комнате.

– Какая жалость! – сказал сыщик Кафф. – Как это случилось?

Инспектор, казалось, был застигнут врасплох, но поспешил оправдаться:

– Я не могу обременять свою память, – сказал он, – это пустяки, сущие пустяки.

Сыщик Кафф посмотрел на Сигрэва, как смотрел на дорожки, посыпанные песком в питомнике роз, и со своей обычной меланхолией в первый раз дал нам урок, показавший нам его способности:

– На прошлой неделе я производил одно секретное следствие, господин инспектор, – сказал он. – На одном конце следствия было убийство, а на другом чернильное пятно на ска-терти, которое никто не мог объяснить. Во всех моих странствиях по грязным закоулкам этого грязного света я еще не встречался с тем, что можно назвать пустяками...

*Уилки Коллинз. Лунный камень*

## Глава первая. Соблюдая конспирацию

На следующий день после разыгранного Окладиным и Пташниковым допроса сиятельного графа в субботнем номере молодежной газеты появилась первая глава моего исторического очерка «Таинственное “Слово”», в которой рассказывалось о посещении ризницы Спасо-Преображенского собора и о разговоре на квартире Окладина, где было положено начало предпринятому нами расследованию.

Публикация открывалась заставкой: рядом с названием очерка, выведенным старинной вязью, в развернутом свитке был нарисован Спасо-Преображенский собор. Мысленно я поблагодарил редактора за такое впечатляющее, интригующее читателей оформление. Но ниже полужирным шрифтом было напечатано редакционное вступление, резко испортившее мое настроение. Звучало оно так:

«Трудно найти произведение с судьбой более удивительной и загадочной, чем “Слово о полку Игореве”. О нем написаны сотни книг, тысячи научных статей, но споры вокруг этого древнего произведения не стихают, его изучение продолжается. Автор очерка, главы из которого мы начинаем публиковать с этого номера газеты, ставит перед собой другую задачу – в занимательной форме расследования рассказать историю находки и гибели единственного списка “Слова”, найденного в Ярославле графом А.И. Мусиным-Пушкиным. Мы надеемся, очерк с интересом прочитают все любители русской истории, сохранившие в душе тягу к загадочному и неизвестному, жажду поисков и открытий. В разговоре с редактором газеты автор пообещал, что в конце очерка читателям будут представлены сенсационные, ранее нигде не публиковавшиеся сведения, связанные с историей “Слова о полку Игореве”, и, таким образом, наши читатели станут первыми, кто ознакомится с ними».

Прочитав последнюю фразу, я схватился за голову. В каком же дурацком положении я окажусь, если Старик не выполнит своего намерения или сообщит сведения, которые и выеденного яйца не стоят?

В горячке мне хотелось тут же позвонить редактору и выложить ему все, что я думаю о его вступлении, но потом взял себя в руки. В конце концов с читателями придется объясняться не только мне, но и редактору, посулившему им сенсационный материал. А кроме того, такое многообещающее вступление накладывает определенные обязанности и на Старика, втравившего меня в работу над очерком. Ему это вступление наверняка понравилось – оно сразу привлекло к истории «Слова о полку Игореве» читательское внимание, поэтому он тоже был заинтересован в том, чтобы оправдать ожидания читателей.

Рассудив таким образом, я успокоился. Больше того, у меня возникло убеждение, что, ознакомившись с этой главой и вступлением к ней, Старик обязательно свяжется со мной и мне удастся узнать, какими сведениями о «Слове» он располагает.

Но прошел день, другой, третий, а он так и не откликнулся на мою публикацию. Я испытывал чувство, что попал в капкан, в который сунулся по собственной неосмотрительности. В придачу ко всему сразу после появления очерка в газете мне позвонили Пташников и Окладин и примерно в одинаковых выражениях высказали недоумение, какими сенсационными материалами я обладаю и почему не сообщил об этом им, когда мы приступили к расследованию истории «Слова». Пожалуй, карасю на горячей сковороде было легче крутиться, чем мне, доказывая историку и краеведу, что я не имею никакого отношения к этому интригующему вступлению, а данное в нем обещание – чисто журналистская уловка для привлечения читателей. Возможно, мне в какой-то степени удалось убедить в этом Пташникова, но вряд ли в мои путанные объяснения поверил Окладин.

И я опять, в который раз, вспомнил симпатичного курьера. Если по какой-то причине Старик больше не напишет мне, найти его я смогу только с помощью Наташи. Но как отыскать ее?

И тут мне помог случай, который, как я давно заметил, всегда вмешивался в мою жизнь, когда я начинал чего-нибудь очень сильно желать, беспрестанно думая о том, как осуществить это желание.

Вечером ко мне зашел сосед Юрий, чтобы сыграть партию в шахматы. Мы познакомились с ним в тот самый день, когда я переехал в эту однокомнатную квартиру, – он помог мне затащить вещи на пятый этаж. После этого мы как-то незаметно подружились, а шахматы еще больше сблизили нас. Три года назад от Юрия ушла жена, в чем, судя по всему, была виновата его мать – сварливая и властная старуха, которая жила вместе с ним и относилась к нему как к собственности, которую ни с кем не желала делить.

Чувствовалось, развод с женой Юрий переживает до сих пор, какое-то время после него не вылезал из пивнушки напротив нашего дома, но потом одумался. Когда у меня случался творческий застой, а на него опять находила хандра, мы просиживали за шахматами до глубокой ночи. Правда, в последнее время, как я заметил, Юрий стал заходить реже: по вечерам, принарядившись, куда-то исчезал.

Сегодня, расставляя фигуры на доске, я не удержался и сказал ему об этом. Неожиданно он смутился:

- Какой толк заходить, если ты целыми днями на машинке стучал как дятел?
- Очерк пишу, первую главу уже опубликовали, – похвастался я. – А ты, значит, культурно развлекался, по музеям и театрам ходил?
- Нет, тут другое. – Юрий помедлил и выпалил: – Решил еще раз жениться!
- Вон как! А на ком, если не секрет?
- Для тебя – не секрет, а моей матери до поры до времени лучше не говорить.
- Это почему же?
- А потому, что я к своей бывшей жене опять сватаюсь, а они между собой как кошка с собакой. Так что пока помалкивай.
- Понятно. Ну, и как твое сватовство удастся?

– Да вроде бы нахожу контакт.

– В таком случае поздравляю.

– Ну, пока еще рано поздравлять. Я смотрю, тебе самому тоже надо семейную жизнь налаживать. Если я к жене перееду, не с кем будет и в шахматы сыграть, совсем тут от одиночества одичаешь... Кстати, встретил вчера на улице твою гостью – помнишь, ты еще интересовался, о чем она спрашивала, когда из нашего дома вышла.

– Где ты ее встретил? – вскинул я голову.

– Возле Театра юного зрителя.

– Она была в театре?

– Да нет, с подружками из-за театра вышла. Наверное, в педагогическом учится, он там рядом.

Сообщение Юрия так подействовало на меня, что первую партию, просмотрев детский мат, я проиграл моментально. Теперь не было уже никаких сомнений, что Наташа учится в педагогическом институте. Таким образом, круг поисков сужался. Но тут я подумал: ведь Наташа могла учиться не на очном, а на заочном или вечернем отделении. Тогда ее поиски затянутся не на один день.

Когда я проиграл и вторую партию, Юрий насмешливо сказал:

– Ну, сегодня ты не игрок, видимо, не тем голова занята. Уж не из-за этой ли девушки, которая приходила к тебе?

Я молча кивнул, рассудив, что нет смысла скрывать то, что очевидно.

– Если так припекло, значит, надо встретиться.

– С удовольствием бы, да не знаю, как быстро ее найти.

– А справочное бюро на что?

– Она не сказала свою фамилию, одно только имя – Наташа. Да и то, возможно, ее иначе зовут.

– Наташа? – переспросил Юрий. – Имя к ней подходит, думаю, здесь она тебя не обманула. Да и вообще, мне кажется, она не способна на обман.

– Пожалуй, ты прав.

– Она учится в педагогическом, это несомненно, – продолжил Юрий. – Но искать ее только по имени – впустую время терять. Наверное, фотографии у тебя тоже нет?

Я лишь вздохнул.

– Ясно. Но безвыходных положений не бывает, я тебе помогу.

– Интересно, каким образом?

– Дай листок бумаги и карандаш.

Не понимая, что задумал Юрий, я положил перед ним то, что он просил. И тут на моих глазах произошло самое настоящее чудо. Взяв карандаш в руку, несколько секунд Юрий сидел неподвижно, зажмурив глаза, потом открыл их, склонился над листком бумаги и быстрыми, уверенными движениями стал набрасывать на него тонкие, едва заметные штрихи. Словно изображение на опущенной в проявитель фотобумаге, на листке появился сначала контур головы и прически, потом черты лица. Затем, сделав набросок, Юрий некоторые линии усилил, наложил тени, более детально прорисовал глаза, брови, губы – и протянул готовый рисунок мне. Я взял его в руки – и даже вздрогнул: чуть улыбаясь, на меня смотрела Наташа.

– Слушай! Так ведь у тебя талант! Настоящий талант! – восхищенно воскликнул я. – Это даже лучше, чем фотография. Почему же ты оформителем работаешь? Ведь ты художник, настоящий художник!

– Я, брат, художественное училище с отличием закончил. Вот только потом с колеи сбился. Но ничего, быть может, еще не все потеряно...

И Юрий вышел из комнаты так быстро, что я даже не успел его поблагодарить.

Рассматривая рисунок, я вспомнил, что в тот день, когда Наташа была у меня, она спешила к часу дня на какое-то собрание. Нельзя ли через Окладина, преподававшего в педагогическом институте, выяснить, что это было за собрание? Тогда, может, мне удастся еще больше сократить круг поисков?

Хотел сразу же позвонить историку, но время было уже позднее. Утром, в самом начале рабочего дня, позвонил ему на кафедру. Мой вопрос, судя по голосу, удивил его, но из деликатности Окладин не стал уточнять, чем вызван этот интерес.

– Подождите, я посмотрю расписание занятий, тогда точно скажу, что это было за собрание, – проговорил он в трубку. – Все правильно, это собирались студенты вторых курсов. Что вас еще интересует?

– В какие часы они занимаются?

– Ну, расписание у разных групп и на разных факультетах довольно-таки разбросанное. Как я понял, вы кого-то разыскиваете. Вам известно, в какой группе учится этот человек?

Получив мой отрицательный ответ, Окладин сказал:

– В таком случае вам лучше всего подойти к институту к четырем часам. У них, второкурсников, в актовом зале института опять состоится общекурсовое собрание, в прошлый раз не успели договорить.

– Спасибо, Михаил Николаевич, я так и сделаю.

– У меня к вам тоже будет один вопрос.

– Слушаю вас.

– Это опять о вашем очерке «Таинственное “Слово”», опубликованном в молодежной газете. Почему вы ничего не сообщили в нем об акварели с видом усадьбы Мусина-Пушкина?

– Об акварели? – механически повторил я, не зная, что сказать историку.

– Да, об акварели, которую вы передали в музей.

– А вы откуда о ней узнали? – оттягивал я ответ, лихорадочно соображая, как выпутаться из этой ситуации.

– Лидия Сергеевна Строева, моя соседка, похвасталась, когда встретились во дворе нашего дома.

Только сейчас я вспомнил, что они с Окладиным жили в одном подъезде. Как я это не предусмотрел, когда рассказывал Лидии Сергеевне о судьбе акварели! Впрочем, тут же спохватился я, моя просьба не говорить об акварели историку вызвала бы у женщины только недоумение, которое мне вряд ли удалось бы развеять.

Но как ответить Окладину?

– Видите ли, – неуверенно начал я, путаясь в словах, – меня просто попросили передать акварель музейным работникам, не сообщив о ней никаких сведений. Поэтому пока я ее нигде и не упоминаю. Но как только узнаю в подробностях всю историю происхождения акварели, сразу же сообщу о том читателям.

– Что ж, ваше объяснение выглядит вполне убедительно...

Окладин произнес эту фразу таким бесстрастным тоном, что по телефону, не видя выражения лица историка, нельзя было понять, что он имел в виду: или принял мое объяснение на веру, или дал понять, что я ловко ушел от прямого ответа на его вопрос.

На следующий день, задолго до четырех часов, я был в скверике напротив педагогического института. Идти в актовый зал, где проходило собрание второкурсников, я не решился – там, в толпе, нужного разговора с девушкой просто не получилось бы. Тем более что я и сам плохо представлял себе, с чего начну разговор, как Наташа отнесется к моему появлению.

В шестом часу студенты повалили из подъезда института толпой, из чего я заключил, что собрание в актовом зале закончилось. Но Наташи среди них не было.

Не знаю, сколько времени просидел бы я в скверике, если бы меня не увидел здесь Окладин, вышедший из института с «дипломатом» в одной руке и связкой книг в другой.

– Судя по расстроенному выражению лица, вы так и не встретили вашего знакомого, – сказал он, поздоровавшись, и в глазах его промелькнула ироническая, понимающая улыбка.

– Видимо, ошибся в расчетах, – как можно равнодушной произнес я, но вряд ли мне удалось обмануть проницательного историка.

– Как я понимаю, фамилия вашего знакомого вам не известна?

Я уже хотел признаться, что мне известно только имя, но, спохватившись, прикусил язык – тогда бы Окладин наверняка подумал, что меня толкает на поиски Наташи сердечное увлечение. Поэтому лишь головой покачал.

– Трудная задача, – констатировал Окладин. – Ну а хоть какой-то дополнительной информацией вы обладаете?

Тут я вспомнил сделанный Юрием рисунок, вынул его из записной книжки и протянул Окладину.

– Кроме этого, ничего нет.

Взглянув на рисунок, Окладин многозначительно заметил:

– У вас очень красивый знакомый. Но вы и впрямь ошиблись – она учится на последнем курсе, несколько раз я принимал у нее экзамены. Однако фамилию не запомнил. Это вы сами нарисовали?

– Увы, такими талантами не обладаю.

– Да, тут действительно чувствуется талант... Вот что, подождите меня пять минут, я узнаю ее фамилию. – Поставив на скамейку «дипломат» и связку книг, Окладин, не выпуская из руки рисунок, опять направился к институтскому подъезду.

Вернулся он раньше, чем обещал, и, возвратив мне рисунок, произнес:

– На обороте написаны фамилия, имя, адрес общежития и номер комнаты, в которой живет ваша знакомая. Если дело срочное, можете сходить туда, это неподалеку – на берегу Которосли.

Я горячо поблагодарил Окладина за помощь. Улыбнувшись, он сказал:

– Все прекрасно понимаю – сам молодым был. Желаю удачи!..

Глядя в спину историка, направившегося к троллейбусной остановке, я подумал про себя, что даже хорошо, что именно так он воспринял мой интерес к Наташе. Если бы историк заподозрил иную причину, мне не удалось бы уйти от объяснений, которые я намеревался сделать позднее.

Впрочем, сейчас я уже и сам перестал понимать, что сильнее заставляет меня разыскивать Наташу: или надежда с ее помощью выйти на загадочного Старика, или желание еще раз встретиться с девушкой?

Так и не ответив себе на этот вопрос, я отправился по указанному адресу. И тут мне повезло: когда подошел к общежитию, увидел, как с другой стороны улицы к нему подходит Наташа, возвращающаяся из булочной напротив.

– Вы?! – изумленно спросила девушка, чуть не натолкнувшись на меня у самых дверей общежития.

– Мне нужно с вами поговорить, – каким-то не своим, металлическим голосом произнес я, от волнения даже не поздоровавшись.

Кажется, не меньше меня была взволнована и Наташа. Она присела на скамейку возле подъезда и, не поднимая глаз, спросила так тихо, что я едва расслышал:

– О чем?

– Я хочу через вас связаться с человеком, который прислал мне письмо. Скажите хотя бы его имя и отчество, уж если не можете назвать фамилию.

Наташа на секунду замешкалась.

– Лев Семенович.

– Так вот, я выполнил просьбу Льва Семеновича: подключил к расследованию истории находки и гибели списка «Слова о полку Игореве» тех людей, которых он упоминал в своем письме. Мы уже дважды встречались, а в субботнем номере молодежной газеты был опубликован мой первый очерк. Лев Семенович выписывает эту газету?

– Нет, он газет вообще не выписывает. Но вы не беспокойтесь – я передам ему все номера газеты, где будут появляться ваши очерки о «Слове».

– Вы с ним соседи?

– Считайте так, – ушла девушка от прямого ответа.

– Неужели вам самой нравится эта игра в конспирацию? – напрямую спросил я ее.

Наташа отвела взгляд в сторону.

– Нет, не нравится. Я пыталась переубедить Льва Семеновича, но он не согласился со мной. Возможно, у него есть какие-то очень серьезные доводы, почему он решил не называть себя... Да, видимо, так оно и есть, – подумав, более уверенно добавила девушка.

Я пытался поймать ее взгляд:

– Лев Семенович чего-то опасается?

Прежде чем ответить, Наташа коротко посмотрела на меня и, опустив голову, глухо сказала:

– Есть один человек, который, кажется, чем-то угрожает ему.

– Вы сами этого человека видели?

– Да, несколько раз, когда он приходил к Льву Семеновичу.

– Как он выглядит?

– Глаза темные, глубоко запавшие. Острый подбородок. В разговоре кривит губы, вскидывает брови. Неприятный человек, весь какой-то приторный, неестественный, как бездарный, но честолюбивый актер... А вы почему спрашиваете? – спохватившись, оборвала себя Наташа и посмотрела на меня подозрительно, даже с испугом.

Я рассказал ей все, что услышал от Лидии Сергеевны: о старике, который хотел подарить музею акварель с видом усадьбы Мусина-Пушкина в Иловне, о мужчине, интересовавшемся у сотрудников музея, сколько эта самая акварель может стоить. Его приметы, сообщенные мне Лидией Сергеевной, полностью совпадали с теми, которые назвала Наташа.

– Точно, это он, – согласилась со мной девушка. – А старик – Лев Семенович. Однажды он обмолвился, что был в музее и посетил экспозицию, посвященную «Слову о полку Игореве», но чем-то остался недоволен. Теперь все понятно.

– Но почему мужчина, интересовавшийся стоимостью акварели, говорил о ней так, словно в любое время мог ее заполучить?

– Вот это меня и пугает, – зябко поведя плечами, созналась Наташа.

– Может, раньше акварель принадлежала ему?

Девушка покачала головой:

– Сколько я себя помню, она всегда висела в комнате Льва Семеновича.

– Расскажите мне о Льве Семеновиче. Откуда у него могла появиться эта старинная акварель? Чем объясняется его интерес к истории «Слова о полку Игореве»? Какими редкими материалами он еще располагает? И вообще – что он за человек?

– Я не могу. Я обещала Льву Семеновичу ничего не говорить, – потупилась девушка. – Поймите меня правильно.

– Вы только сейчас упомянули мужчину, который вроде бы чем-то угрожает Льву Семеновичу. А вдруг случится непоправимое? Не будете ли вы потом сами себя проклинать, что промолчали?

– Не надо меня пугать, я все равно ничего не скажу, – твердо заявила девушка. – Но если Льву Семеновичу действительно будет грозить какая-то опасность или случится что-нибудь непредвиденное, я сразу дам вам знать.

- У вас есть мой телефон?
- Да, Лев Семенович сообщил мне ваш адрес и номер вашего телефона.
- От кого он получил эти сведения?
- Не знаю. Честное слово не знаю, – повторила Наташа, заметив на моем лице недоверчивое выражение. – Вы спрашивали, что он за человек. Он добрый, но очень несчастный – вот все, что я могу сказать.
- Сколько ему лет?
- Он очень старый. Потому и обратился к вам за помощью, что испугался близкой смерти, которая помешает осуществить его план... Пожалуйста, помогите ему. Я уверена – потом вы об этом не пожалеете.

Взглянув на Наташу, я понял, что мои дальнейшие расспросы о том, кто такой Лев Семенович и какие обстоятельства заставили его обратиться ко мне со столь неожиданной просьбой, ни к чему не приведут, а только заставят ее мучиться.

– Передайте Льву Семеновичу, пусть он сразу, как только прочитает мой очерк, напишет мне: что понравилось или не понравилось, что кажется спорным. Я и сам все больше склоняюсь к тому, что он действительно располагает какими-то никому не известными материалами о «Слове о полку Игореве», – повторил я мысль, которую уже высказывал редактору молодежной газеты.

Разговор с Наташей убедил меня, что неизвестный мне Лев Семенович, судя по отношению к нему этой милой девушки, человек порядочный и достойный сочувствия. Но тем загадочней и непонятней была та конспирация, которую он установил в отношениях со мной. Что кроется за этим? Не связана ли эта доморощенная конспирация с опасностью, которая исходила от человека, интересовавшегося в музее стоимостью акварели с видом усадьбы Мусина-Пушкина?

И мне опять вспомнился мужчина в черных очках, замеченный мною в музее и разговаривавший потом с Пташниковым. Судя по приметам, это не он заходил к Старику. Но кто же тогда этот человек? Какую роль играет он в событиях, начало которым было положено в тот день, когда я получил анонимное письмо?

## **Глава вторая. Загадки монастырских описей**

Отправляясь в субботу к Пташникову, я боялся, что Окладин опять вернется к разговору об акварели, переданной мною в музей, и тогда мне уже не удастся уйти от объяснений, как она оказалась у меня. Но на мое счастье историк этой темы больше не касался – то ли посчитал ее незначительной, то ли догадался, что я не хочу вдаваться в подробности, и проявил свойственную ему тактичность.

Однако я прекрасно понимал: рано или поздно мне все равно придется объясниться с краеведом и историком, – если даже промолчит Окладин, об акварели может узнать Пташников, который часто посещал музей и был хорошо знаком с Лидией Сергеевной. Поэтому я решил про себя, что если такой разговор начнется, то не стану больше выкручиваться и расскажу историю с анонимным письмом, ничего не скрывая. В конце концов его автор не настаивал на условии держать ее в тайне, а лишь просил меня при возможности не сразу рассказывать о своем письме. Это условие я выполнил, а дальнейший ход событий от меня уже не зависел...

Мы сидели в уютном домике краеведа, на столе поблескивал боковинами теплый самовар, а вдоль стен тянулись ряды книг – главная и единственная ценность этой квартиры.

Пташников выложил перед нами несколько редких изданий. Казалось, сдержанный Окладин намерен весь вечер восхищаться уникальной библиотекой, а краевед будет извлекать из нее все новые и новые ценности.

Я понял, что это может продолжаться бесконечно, и постарался направить разговор к теме, ради обсуждения которой мы собрались.

– В такой богатой библиотеке, наверное, нет только «Слова о полку Игореве», – пошутил я, имея в виде еще один древний список этого произведения.

Реакция краеведа была самая неожиданная:

– Почему нет? Есть и «Слово». – И Пташников, почти не глядя, достал с полки книгу в картонном переплете, обтянутом по корешку кожей, осторожно положил книгу на стол.

Окладин неуверенно взял ее в руки, я придвинулся к нему и разглядел на корешке потускневшее заглавие – «Героическая песнь», внизу была изображена замысловатая виньетка.

– Первое издание «Слова о полку Игореве»?! – раскрыв книгу, изумленно проговорил Окладин. – Удивительно! Ведь после Московского пожара 1812 года их осталось совсем немного, что-то около семидесяти.

– Да, а этот экземпляр один из самых любопытных, – довольный произведенным эффектом сказал Пташников.

– Но откуда у вас эта книга?! – не мог успокоиться Окладин. – Вы раньше никогда не говорили о ней. Почему?

– Потому что раньше у меня ее просто не было, она появилась в моей библиотеке только вчера.

– И где же вы нашли такую ценность? – продолжал допытываться Окладин.

– А я не искал, мне ее домой принесли.

– Кто принес?

– Юная и красивая девушка. К сожалению, я даже имени ее не успел спросить, испарилась, как фея.

– Как у этой прекрасной феи оказалась такая редкая книга? Почему она принесла ее именно вам?

– Хотите верьте, хотите нет, но я и сам ничего не знаю. – Пташников для убедительности приложил руку к груди. – Примерно в полдень раздался звонок, открываю дверь и вижу девушку с белой сумкой через плечо. Спрашивает меня: «Здесь живет Иван Алексеевич Пташников?» Удостоверившись, что это я собственной персоной, вынимает из сумки сверток, протягивает его мне и говорит: «Меня попросили передать вам. До свидания». И тут же ушла. Возвращаюсь в комнату, разворачиваю сверток – и вижу эту книгу. Представляете мое изумление?

Чуть было не побежал за этой прекрасной незнакомкой в домашних тапочках, да вовремя спохватился, что при ее молодости и в моих летах это была бы погоня, обреченная на неудачу.

– А письмо? Какое-нибудь письмо было?

– Абсолютно ничего: ни письма, ни записки, ни обратного адреса! Но зато в самой книге есть такие удивительные пометки, – вы представить себе не можете. Сейчас я принесу печенье к чаю и покажу их, – с этими словами Пташников ушел на кухню.

Сразу, как только он сообщил о неожиданном подарке, я понял, кто эта девушка и кто был предыдущим владельцем книги. Таким образом Старик продолжал в точности выполнять данные в письме обещания: за участие в расследовании Пташников, как и я в свое время, уже получил «гонорар» в виде уникальной, редкой книги.

Поэтому я не задал краеведу ни одного вопроса – мне и так все было ясно. Однако мое молчание вызвало подозрения Окладина: он бросил на меня несколько выразительных взглядов, а когда Пташников вышел из комнаты, не удержался и спросил:

– Вы ничего не хотите сказать по поводу этой загадочной истории, которую нам поведал Иван Алексеевич?

Мне стоило большого труда ответить на его вопрос как можно бесстрастней:

– Я очень рад за Ивана Алексеевича, что он стал владельцем такой ценной книги.

– И больше ничего не добавите?

– Конечно, эта история с подарком от неизвестного человека выглядит загадочно, но, думаю, со временем все разъяснится.

– Что ж, если вы так считаете, то, наверное, так оно и будет.

По выражению лица Окладина мне стало понятно: он о чем-то догадывается, но выпытывать, как я причастен к истории с подарком, не намерен. В настоящий момент такая позиция вполне меня устраивала.

Вернулся Пташников, и мы вдвоем склонились над книгой. На внутренней стороне переплета стояла подпись владельца – «св. В. Корсунский». Кроме самого «Слова о полку Игореве» в сборнике находилось несколько изданий начала XIX века: карта, изображающая часть древней России до нашествия татар из «Исторического исследования о местонахождении древнего Российского Тмутараканского княжества А.И. Мусина-Пушкина», «Исторические разговоры о древностях Великого Новгорода», статья, напечатанная на латыни, и три «Слова», произнесенные по случаю избрания и присяги судей в Ярославской губернии.

Жалко и чуждо выглядели эти «слова», претендующие на шедевры русской словесности, рядом со «Словом о полку Игореве».

– В девятнадцатом веке Корсунские были известны в Ярославле как потомственные священники. В местном архиве сохранились проповеди Н. Корсунского, а сын этого известного проповедника был редактором «Ярославских епархиальных ведомостей» и преподавал в духовной семинарии греческий язык – в той самой семинарии, где до этого был ректором Иоиль Быковский. Самое интересное в сборнике – около пятидесяти помет и записей на полях «Слова о полку Игореве». – Краевед взял книгу, перелистал несколько страниц. – Большинство помет касается колебаний в мусин-пушкинском издании некоторых букв, причем сделаны они опытной рукой, профессионально. А есть замечания прямо-таки удивительные.

– Вы можете привести конкретные примеры? – недоверчиво спросил Окладин.

– Пожалуйста. Вот на тринадцатой странице «Слова о полку Игореве» напечатана фраза: «Рускыя плъки отступите», которая не соответствует смыслу событий. Сейчас во всех изданиях в этом месте печатается «оступиша» или «обступили». Неизвестный автор пометок дает очень близкую поправку – «обступиша». Не правда ли – удивительная прозорливость?

– Этот Корсунский умел логически четко мыслить – вот и все объяснение.

– Представим, в этом случае так и было, – снисходительно согласился краевед. – Но смотрите, что происходит дальше. Объясняя непонятную фразу «заря свѣтъ запала», автор помет ставит на полях слова-синонимы «уронила», «загасила», то есть опять дает толкование, близкое или равнозначное современному.

Однако и эти примеры не произвели на историка большого впечатления:

– Тут можно было догадаться по смыслу.

– Ладно, перелистаем еще несколько страниц, – набрался терпения Пташников. – Вот владелец книги спорит с первыми Комментаторами «Слова о полку Игореве», которые перепутали детей Мстислава Ростиславовича с детьми князя «Мстислава Владимировича Мономахова сына», и на полях иронизирует: «Но они все умерли ранее: разве это не дети ли Мстислава Ростиславовича?» Но самое любопытное примечание – на тридцать восьмой странице, где слово «бебрянъ» переводится как «толковый». Полтора года потребовалось исследователям «Слова», чтобы сделать этот правильный перевод! – торжествующе посмотрел краевед на Окладина.

Но тот опять не разделил его восхищения:

– Автор этих помет был образованным человеком, хорошо знал древнерусский язык и историю.

– И только потому сделал такие удивительные наблюдения?!

– Конечно. А какое объяснение намереваетесь дать вы?

– Этому можно дать только одно объяснение: владелец книги еще до издания «Слова о полку Игореве» держал в руках древний список, благо он тоже был из Ярославской семинарии, которую возглавлял архимандрит Иоиль Быковский. Не исключая, что он переписывал этот список, изучал его, поэтому с такой легкостью подметил ошибки в мусин-пушкинском издании. Думаю, не случайно в книге оказалась карта из работы Мусина-Пушкина о Тмутараканском княжестве – она как бы подтверждала, по мнению владельца книги, достоверность «Слова о полку Игореве», в котором это княжество упоминается. Можно сделать и другое, более смелое предположение, что у владельца книги был еще один список «Слова», по которому он сверил мусин-пушкинское издание. Но я воздержусь выдвигать эту версию, поскольку никаких доказательств у меня нет. Первое предположение опровергнуть трудно, и я настаиваю на нем: владелец книги видел список «Слова о полку Игореве» до того, как его приобрел Мусин-Пушкин.

– И на этих зыбких предположениях строится все ваше доказательство, что «Слово о полку Игореве» было найдено в Ярославле?

– Это только одно из доказательств, – успокоил Окладина краевед. – Чтобы представить остальные, я целую неделю потратил. Их вам не опровергнуть!

– Внимательно слушаем вас. Только поменьше догадок и побольше фактов, – предупредил Окладин.

– На этот раз я буду называть только факты!

По решительному виду краеведа было ясно, что сейчас он намеревается дать историку главный бой.

– Надо сразу сказать, что «Слово» – не единственный шедевр древней русской культуры, хранившийся когда-то в Спасо-Ярославском монастыре, – начал Пташников. – Здесь же была найдена знаменитая Оранта Ярославская.

– Не вижу между этими находками никакой связи! – запальчиво произнес Окладин. – Обещали называть только факты, а сами опять пускаетесь в область фантазий, ничем не оправданных сравнений.

– Обстоятельства находки Оранты Ярославской тоже можно назвать странными, однако их трудно опровергнуть, – многозначительно произнес Пташников.

Окладин хотел было возразить, но тут я вмешался в разговор и попросил краеведа рассказать об этой иконе, что он и сделал с удовольствием:

– Так называемую Оранту Ярославскую случайно нашли в 1919 году в рухлядной Спасского монастыря. Обратили внимание на большие размеры иконы и на мазню восемнадцатого-девятнадцатого веков, которая покрывала ее. Когда сняли верхний слой, обнаружили под ним прекрасную живописную копию мозаичной Оранты из Киевской Софии, выполненной греческими мастерами. По единодушному мнению, наша Оранта гораздо добрее, человечнее, ее сравнивали с языческой Берегиней. Высказывалось робкое предположение, что это работа самого Алипия Печерского – одного из первых русских художников, имя которого дошло до нас. О нем упоминала летопись, что он «иконы писать хитр бе зело», приводилась легенда, как незадолго до смерти ему заказали икону Богородицы, но из-за слабости он не смог ее закончить, и тогда в его монашескую келью явился ангел – «некто, юноша светел», и завершил работу над иконой. Алипий умер в 1114 году. Возможно, легенда рассказывает о той самой Оранте, которая была обнаружена у нас.

– Авторство Алипия Печерского ничем не доказано, это всего лишь ваши догадки, – вставил Окладин. – По мастерству исполнения Оранту Ярославскую сравнивали с иконой Владимирской Богоматери, но она греческой работы. Так что вряд ли Оранта Ярославская принадлежит кисти русского мастера.

– По легенде, икону Владимирской Богоматери, – обратился ко мне Пташников, – нарисовал с Марии – матери Христа – евангелист Лука, а в качестве доски взял крышку стола, за

которым Христос сидел с Марией. В середине двенадцатого века из Константинополя икона попадает на русскую землю, хранилась в Вышгороде под Киевом, но Андрей Боголюбский тайно вывез ее во Владимир. Как оказалась Оранта в Ярославле – неизвестно, но можно предположить, что и «Слово о полку Игореве» примерно таким же путем, как икона Владимирской Богоматери, из южных районов Руси могло попасть в Ярославль.

– Найденный Мусиным-Пушкиным список «Слова» более позднего происхождения, – напомнил Окладин. – Да и вообще, можно ли сравнивать судьбу всеми почитаемой иконы и светского литературного произведения?

– Кроме «Слова о полку Игореве» в Спасо-Ярославском монастыре хранилась и до сих пор хранится рукопись двенадцатого века «Пандекты» Никона Черногорца – наиболее древний и полный список этого произведения. А всего к моменту упразднения монастыря в его книгохранильнице насчитывалось более четырехсот томов редких книг, в том числе двенадцать на пергаменте и относящихся к XII–XV векам: сборник молитв Кирилла Туровского, «Сказание о нашествии Батыя», «Повесть о Мамаевом побоище», сочинения Максима Грека, летописи, жития Андрея Боголюбского, Ефросинии Суздальской, Василько Ростовского, Федора Ярославского. Последнее написано ярославцем Андреем Юрьевым в начале XVI века, и в нем есть художественные и текстологические отголоски «Слова о полку Игореве». Можно предположить, что Андрей Юрьев читал Хронограф со «Словом».

– Перечисленные вами древнерусские произведения хранились и в других монастырях. Я не вижу, что Спасо-Ярославский монастырь был самым богатым, – рассудил Окладин. – Что же касается связи жития Федора Ярославского со «Словом о полку Игореве», то я соглашусь с вами только тогда, когда вы положите эти произведения рядом и покажете мне эти самые художественные и текстологические совпадения.

– Сегодня к такому разговору я не готов. У меня есть более веские аргументы. – И Пташников веером разложил на столе несколько фотографий, сделанных с каких-то рукописных документов.

По торжествующему виду Пташникова нетрудно было догадаться, что эти фотографии и есть те самые главные доказательства, которые он обещал нам представить и которые, по его мнению, были неопровержимы.

– Что это? – спросил Окладин, осторожно раскладывая фотографии на столе, чтобы удобней было рассмотреть отпечатанные на них тексты.

– Фотокопии описей Спасо-Ярославского монастыря...

По сообщению Мусина-Пушкина, «Слово о полку Игореве» было обнаружено им в Спасо-Ярославском Хронографе. Судьбу этого Хронографа и предложил рассмотреть Пташников.

К настоящему времени сохранилось несколько описей Спасо-Ярославского монастыря. Самая древняя из них относится к 1691 году, но она обрывается именно там, где должен был начаться перечень рукописных и печатных книг, принадлежавших монастырю.

Упоминается Хронограф в описи 1709 года, в которой он назван «Книга Гронограф письменная в десть в переплете». Следующая опись составлялась при назначении архимандритом монастыря Иоилем Быковским и была подписана им. Потом делали опись при преобразовании монастыря в архиерейский дом и передаче казенного имущества Иоилем Быковским архиепископу Арсению Верещагину.

В этой описи «Хронограф в десть» значится под номером 285. Слева от порядкового номера писец, отмечая наличие, ставил крест. «Хронограф в десть» отмечен знаком наличия, но на поле справа от названия рукописи можно было разглядеть тщательно затертую запись, которую прочитали как «Отданъ».

Эта же запись стояла напротив еще трех рукописей: «Часослова писаного на пергамене», «Псалтыри на пергамене», «Аввы Дорофея». Но судьба этих рукописей более-менее ясна – к моменту составления описи их в монастыре уже не было, знаком наличия они не отмечены.

А вот с Хронографом, в котором находилось «Слово о полку Игореве», дело обстояло сложнее.

– Возможно, писец по ошибке отметил его крестом, имея в виду наличие следующей рукописи, – «Книги певчая праздники в переплете вdestь», напротив которой тщательно зачеркнуто слово «Отдань», – возбужденно говорил Пташников. – Можно предположить, что эта запись относилась к Хронографу.

Окладин недоверчиво покачал головой, однако промолчал. Так дело было или иначе, но путаница произошла именно с той рукописью, которая нас интересовала. Одно это, доказывал краевед, свидетельствует о том, что кто-то проявил к Хронографу особое внимание.

В 1788 году по указу Екатерины Второй о предоставлении в Синод описей казенного имущества была сделана еще опись. Вероятно, инициатива в данном случае исходила от Мусина-Пушкина, назначенного обер-прокурором Святейшего синода. Здесь напротив четырех, вместе с Хронографом, рукописей, которых, вероятно, не было в наличии при составлении предыдущей описи, стояла отметка: «За ветхостью и согнитием уничтожены».

Казалось бы – все ясно. Однако и в этой описи Хронографу было придано особое внимание.

Во-первых, слева от его порядкового номера кто-то карандашом поставил знак нотабене – знак особого внимания.

Во-вторых, справа от названия Хронографа, подчеркнутого волнистой линией, стояла запись «Иподиакон Соколов».

В-третьих, той же рукой напротив следующей рукописи – «Книга певчая праздники в переплете вdestь», которую в предыдущей описи вроде бы спутали с Хронографом, – было поставлено четыре вопросительных знака.

– Таким образом, – подвел итог краевед, – кто-то приложил немалые усилия, чтобы подготовить почву для списания Хронографа, потом кто-то другой обратил на эти усилия внимание. А вся эта история с правкой описей показывает, что Хронограф имел особую ценность, так как в нем было «Слово о полку Игореве»...

Наверное, в кратком изложении сообщение краеведа не так интересно, как показалось мне в тот вечер. Даже невозмутимый Окладин несколько раз склонялся над фотокопиями монастырских описей, пытаясь разрешить тайну загадочных пометок.

– Не сделана ли запись «Отдань» рукою Иоилия Быковского? – спросил он Пташникова.

– Нет, это не его почерк.

– А кто такой иподиакон Соколов?

– Неизвестно.

– Может, именно он провел операцию со списанием Хронографа за ветхостью? Впрочем, инициатива могла исходить от самого Иоилия Быковского.

– Судя по всему, приписка сделана гораздо позднее, уже в девятнадцатом столетии. Да и не стал бы архимандрит затрачивать такие усилия по пустякам, – возразил краевед Окладину.

Тот остался при своем мнении:

– Возможно, он и не хотел заниматься таким неблагодарным делом, да пришлось.

– Что же, по-вашему, могло заставить архимандрита пойти на это? – спросил я Окладина.

– Сначала Иоиль Быковский кому-то отдал четыре рукописи во временное пользование, а потом, потеряв надежду получить их обратно, вынужден был провести операцию с уничтожением приписки «Отдань».

– Кому он мог отдать эти рукописи?

– Или сразу Мусину-Пушкину, или его комиссионеру, или Арсению Верещагину, который затем передал их графу, – ответил мне Окладин. – Между ними существовали особо доверительные отношения, Верещагин не раз отправлял графу редкие книги. А может, в истории с Хронографом Иоиль Быковский вообще не был замешан: его поставили перед фактом – и он вынужден был смириться с потерей рукописи. Или он вовсе не знал об этой потере. Монастырские описи составлялись периодически, в присутствии должностных лиц монастыря. Новые описи полностью подписывались казначеем и ризничим, у каждого в опечатанном шкафу хранилось по экземпляру этой описи, заверенной подписью настоятеля монастыря и скрепленной сургучной печатью. Описи составлялись по наличию монастырского имущества. Если что-то пропало, не сохранилось, об этом делалась пометка в старой описи, и виновный – казначей или ризничий – писал донесение настоятелю монастыря. Поэтому можно сделать вывод, что к моменту ухода Иоили Быковского на пенсию Хронограф еще находился в книгохранильнице, он к его списанию никакого отношения не имел. Хронограф исчез из монастыря в период с 1788 года по 1792-й. Если учитывать, что Мусин-Пушкин стал обер-прокурором Синода в 1791 году, то этот отрезок времени еще сократится. Таким образом, можно сказать, что Мусин-Пушкин просто очернил покойного – ведь получается, что если граф приобрел Хронограф у Иоили, то архимандрит владел им незаконно. Вы можете согласиться с подобной версией? – спросил Окладин краеведа.

– Ни в коем случае!

– Значит, сиятельный граф Мусин-Пушкин дал Калайдовичу ложные показания, он приобрел Хронограф не у Иоили Быковского, – заключил Окладин.

Логика его рассуждений так подействовала на Пташникова, что он не сразу смог собраться с мыслями.

– Сразу после смерти Иоили Быковского архиепископ Арсений Верещагин срочно сообщил об этом Бантышу-Каменскому – в дальнейшем участнику первого издания «Слова о полку Игореве». И сообщил необычным способом – тайнописью. К чему такая предосторожность, объяснить трудно, но сам факт говорит о каких-то особых отношениях между бывшим архимандритом и архиепископом. Думаю, это сообщение стало как бы разрешением назвать место приобретения «Слова о полку Игореве». Я понимаю, что исправления в монастырских описях бросают тень на Мусина-Пушкина – теперь ясно, что Хронограф он приобрел не совсем законным способом, – но они же неопровержимо доказывают, что «Слово» было найдено в Ярославле, – твердо заявил Пташников.

– Пока вы доказали только то, что Хронограф исчез из Спасо-Ярославского монастыря при весьма загадочных обстоятельствах. Но было ли в нем «Слово о полку Игореве»? – с сомнением проговорил Окладин.

### **Глава третья. Таинственный архимандрит**

Я видел: Пташников едва сдерживает раздражение.

– Вместе со «Словом о полку Игореве» в мусин-пушкинском сборнике было так называемое «Девгениево деяние», из которого сохранилось несколько выписок, сделанных Карамзиным. А в 1744 году «Девгениево деяние» переписывал ярославский посадский Семен Малков. Исследование показало, что этот список – копия редакции мусин-пушкинского сборника. Следовательно, Семен Малков переписывал его из Хронографа со «Словом о полку Игореве». Примерно в то же время работал над своим «Описанием земноводного круга» Василий Крашенинников. В числе источников, которыми пользовался, он называет «Большой рукописный Гронограф Спасова Ярославского монастыря», то есть тот самый Хронограф, в котором было «Слово о полку Игореве».

– Но ведь Василий Крашенинников даже не упомянул «Слово». Это подозрительно. Можно предположить, что в середине восемнадцатого века «Слова о полку Игореве» в составе Спасо-Ярославского Хронографа не было. Вспомните, как, перечисляя входившие в сборник со «Словом» произведения, Карамзин назвал только переводные повести и даже не обмолвился о Хронографе и Временнике. Их читал Крашенинников, но он не заметил «Слова».

– И что же из этого следует? – сердито спросил Пташников.

– А то, что Мусин-Пушкин мог найти «Слово о полку Игореве» в составе с переводными повестями, – именно такой сборник и видел Карамзин. Позднее, когда встал вопрос об издании, граф добавил к этому сборнику Хронограф и Временник, то есть создал конволют – сборник из различных, прежде самостоятельных произведений. И сделал это исключительно с одной целью – скрыть незаконность приобретения «Слова о полку Игореве».

– Но почему владельцем «Слова» граф назвал именно Иоиля Быковского? – недоуменно посмотрел я на Окладина.

– Возможно, «Слово» действительно было найдено в Ярославле. Иначе бы граф так долго не дожидался смерти архимандрита, а сразу же сообщил о такой значительной находке. Не исключено, что просвещенный отец Иоиль первым обратил внимание на «Слово», а граф ни с кем не хотел делить честь открытия. Так или иначе, но Мусин-Пушкин не случайно упомянул архимандрита, этому есть какое-то объяснение.

– А что представлял собой Иоиль Быковский? – обратился я к Пташникову. – Мог ли он оценить «Слово о полку Игореве»?

– Репутации Иоиля очень навредило утверждение одного из первых исследователей «Слова» Барсова, что «ни в архиве, ни в библиотеке, ни даже в преданиях Спасо-Ярославского монастыря не сохранилось ни малейших следов о каком бы то ни было просвещении и любви к словесности этого мужа». Трудно сказать, чем была вызвана такая категоричная оценка. Когда личностью архимандрита занялись вплотную, выяснили следующие интересные обстоятельства. В Ярославской семинарии, ректором которой был Иоиль Быковский, преподавание велось на латинском языке, помимо этого изучались греческий, еврейский, французский и немецкий языки. Вместе с богословскими предметами были такие, как грамматика, риторика, философия, история, география. В архиве сохранилась рукопись «Оды, разговоры, надписи, канты и прочих родов на разные случаи некоторые российские стихотворения, сочиненные и говоренные в разное время в Ярославле», авторами которой были слушатели и преподаватели Ярославской семинарии. В ней несколько од посвящено Иоилию Быковскому, «любителю наук и мудрости». К сегодняшнему дню в Ярославле обнаружено около сотни книг из его библиотеки – он имел привычку оставлять владельческую запись «Архим. Иоиль» или «Из книг Иоиля Быковского», а также монограмму И Б. Среди этих книг много исторических трудов, таких как «Русская летопись по Никонову списку», «Древняя российская вифлиофика», «Библиотека российская историческая», книги на латинском языке с пометками Иоиля Быковского на латинском и греческом языках, немецкие словари. Все это говорит о высокой образованности архимандрита и о широте его интересов.

– Наверняка архимандрит был знаком с летописным рассказом о походе князя Игоря на половцев, – как бы про себя заметил Окладин. – Историей он, видимо, занимался всерьез.

Краевед почувствовал в этих словах какой-то скрытый смысл, снял с книжной полки старинную книгу небольшого формата:

– Это был не просто образованный человек, но и по-своему незаурядный. В 1787 году в Ярославле вышел сборник «Истина или выписка о истине». Составлен сборник Иоилем Быковским, который включил сюда книжные и журнальные выписки. Вот как он объясняет, что такое демократия: «Правление, в котором имеет всю власть народ». Трудно избавиться от ощущения, что архимандрит приводит это определение с явной симпатией к демократии. Возможно, так и

было – свои выписки он делал из журнала Новикова «Живописец», из французской «Энциклопедии», из сочинений Вольтера и Ломоносова.

– Для церковного служителя круг чтения весьма неожиданный, – проронил Окладин.

– В целом характер книги богословский, но встречаются и такие вот цитаты, – оживленно продолжил Пташников. – «Есть бессовестные судьи, бесчеловечные помещики, безрассудные отцы». Эту цитату архимандрит взял из «Живописца», неоднократно осуждавшего правление Екатерины Второй. Оттуда же он приводит такое рассуждение: «Подлыми людьми по справедливости называться должны те, которые худые дела делают, но у нас по какому-то рассуждению вкралось мнение почитать подлыми тех, кои находятся в низком состоянии». Следующая цитата: «Мало ли повес, бесполезных обществу!» И сразу же отец Иоиль недвусмысленно отвечает, кого он относит к таким повесам: «Роскошники в один пир съедают такое количество, которое бы для тысячи бедных на целую неделю довольно было». На основании только этих цитат можно сделать вывод, что Иоиль Быковский был человеком прямым и принципиальным. – Пташников протянул книгу Окладину.

Тот перелистал ее, удивленно произнес:

– Очень любопытный подбор цитат. Как только Иоилу Быковскому удалось пропустить книгу через цензуру?

– Он сам был духовным цензором Ярославской типографии. Вероятно, этим и воспользовался, – сказал Пташников. – Книга вышла за год до его ухода на пенсию, так что он почти не рисковал.

– Риск все равно был, – возразил Окладин и, положив книгу на стол, добавил: – Если для приобретения «Слова о полку Игореве» граф Мусин-Пушкин пошел на подлог, ставший известным Иоилу Быковскому, то нетрудно догадаться, как такой принципиальный человек отнесся бы к этому поступку. Мусин-Пушкин только потому мог задержать подготовку «Слова о полку Игореве» к печати, что побоялся разоблачений архимандрита. Опять-таки шифровка, которую Арсений Верещагин отправил одному из издателей «Слова» Бантышу-Каменскому. Кстати, что вам известно о Верещагине? – спросил Окладин краеведа.

– Мирское имя – Василий Верещагин. Родился в 1736 году. Был архимандритом Калязинским, ректором Тверской семинарии, епископом в Архангельске и Твери, а с 1783 года – в Ростове. Потом был назначен архиепископом ростовским и ярославским, а в 1798 году стал главой Святейшего синода. Умер в самом конце 1799 года в Петербурге, погребен в Калязинском монастыре.

– Арсений Верещагин умер – и Мусин-Пушкин сразу же отдает «Слово о полку Игореве» в печать. Интересное совпадение, – вполголоса произнес Окладин. – Арсений Верещагин вел дневники, и часть их пропала. Не удивлюсь, если выяснится, что недостающие дневники оказались в руках у Мусина-Пушкина, а потом сгорели вместе со всем Собранием российских древностей или же еще раньше были уничтожены самим графом. Вполне возможно, что разгадка тайны «Слова о полку Игореве» находилась в дневниках Арсения Верещагина. Но об этой пропаже мы уже говорили... Как архиепископ Арсений отозвался на смерть бывшего архимандрита Иоиля?

Я все больше убеждался, что своими вопросами Окладин преследует какую-то определенную цель.

Это почувствовал и Пташников. С некоторым раздражением он перелистал записную книжку, в которой, казалось, можно было найти любые сведения, касающиеся истории «Слова о полку Игореве»:

– О смерти Иоиля Быковского 25 августа 1798 года Арсений Верещагин сразу же записал в дневнике: «В третьем часу пополудни скончался по немаловременной болезни архимандрит Иоиль... Тело его погребено в Толгском монастыре». Дальше Верещагин коротко изложил биографию Иоиля Быковского: преподавал в Киевской духовной академии, в 1754 году

постригся в монашество, был в кадетском корпусе иеродиаконом и иеромонахом, в Троицком Черниговском монастыре архимандритом.

– В Чернигове? – заинтересовался Окладин. – Долго он там жил?

– Около десяти лет.

– Заметьте – действие «Слова о полку Игореве» начинается в тех самых местах.

– Ну и что из этого?

– Вы убедительно доказали, что Иоиль Быковский – человек незаурядных способностей, хорошо знал русскую историю, одобрял занятия поэтическим творчеством и, возможно, сам занимался им.

Только сейчас Пташников догадался, в какой угол своими вопросами загонял его Окладин.

– Вы хотите сказать, Иоиль Быковский – автор «Слова о полку Игореве»?!

– Чтобы утверждать это с полной определенностью, нужно иметь в руках тот список «Слова», который нашел сиятельный граф или объявил найденным. Почему «Слово о полку Игореве» не получило широкого распространения, как было с другими произведениями древнерусской литературы?

– «Поучение» Владимира Мономаха тоже сохранилось только в одном списке – в Лаврентьевской летописи, которую открыл тот же Мусин-Пушкин. Если бы не счастливая случайность, «Поучение» тоже бы сгорело в Московском пожаре и тоже нашлись бы скептики, которые бы стали доказывать, что это подделка. Пожалуй, в этом случае в их руках были бы даже более веские доводы, – желчно произнес краевед. – Во-первых, «Поучение» весьма необычно для древнерусской литературы – биография и частное письмо Владимира Мономаха князю Олегу Святославовичу. Если сейчас некоторые исследователи оспаривают переписку Грозного с Курбским, то здесь, не сохранись Лаврентьевская летопись, скептиков было бы еще больше и выступали бы они еще энергичней, – с вызовом посмотрел Пташников на Окладина.

– В случае с «Поучением» моя фамилия среди скептиков не значилась бы. В том, что сохранилось письмо одного князя к другому, ничего странного нет. Иное дело – как могла уцелеть переписка Грозного и Курбского, царя-тирана и князя-изменника? Ни тот ни другой не были заинтересованы, чтобы ответы противника сохранились для истории, однако их письма получили распространение, словно оба с самого начала переписки задались одной целью – в полном объеме донести ее до потомков. Но вернемся к «Поучению» Владимира Мономаха. Я не считаю, что оно необычно для древнерусской литературы, – письма и жития были весьма распространены в то время.

– «Поучение» буквально вклинивается в связный рассказ летописи о событиях 1096 года – за одно это скептики постарались бы от его достоверности не оставить камня на камне.

– В летописях, которые неоднократно правились и переписывались, такие отступления встречаются.

– Мистификация «Поучения», по мнению скептиков, имела бы важное политическое значение: оно было написано родоначальником князей, власть которых со временем объединила русские земли в единое государство. Вспомните, как скептики объясняют появление «Слова о полку Игореве» в конце восемнадцатого века: по их мнению, это был «набатный призыв» к завоеванию новых территорий на юге, к присоединению Крыма и к победе над турками. Скептики никак не хотят согласиться с тем, что произведение о поражении малозначительного удельного князя не могло сыграть той роли, которую они ему навязывают.

– Но у них есть и другие, более убедительные доводы. Например, что «Слово о полку Игореве» с его страстным призывом к единству русского народа в двенадцатом веке, в условиях раздробленности Русского государства, выглядело неестественно, чужеродно. На Любечском съезде в 1097 году так было и решено: «Каждо да держит отчину свою».

– Это относилось к мирному времени. Как раз на Любечском съезде князя решили оборонять Русь совместно, это был съезд объединения, а не разъединения, как считаете вы.

– История показала, что междоусобица все равно не прекратилась, у каждого князя были свои корыстные интересы.

– Правильно, однако общерусский патриотизм все равно существовал, и лучшее подтверждение тому – «Слово о полку Игореве», автор которого выразил народное мнение.

– Вот то-то и настораживает, что автор оказался на голову выше своего времени.

– Гений всегда опережает свое время.

– А можно затмить и гения, если судить о его времени с исторического расстояния, зная, к чему приведут начавшиеся события.

Не возразив Окладину, Пташников некоторое время помолчал, потом задумчиво и тихо, словно размышляя вслух, заговорил:

– В прошлом году я съездил в Новгород-Северский, откуда 23 апреля 1185 года князь Игорь вывел свое малочисленное войско на половцев. Если рассудочно взвесить все обстоятельства, то этот поход – честолюбивая выходка. Но как представишь, что без этого неудачного похода не было бы «Слова о полку Игореве», то все прощаешь князю. До этого победный поход на половцев совершил Святослав Киевский. Из-за распутицы или по какой-то другой причине Игорь не смог участвовать в том походе, и сознание невольной вины, видимо, мучило его, не давало покоя. Честолюбие честолюбием, но в первую очередь им двигало патриотическое чувство – уничтожить половецкую опасность, которая висела над Русью как дамоклов меч. Прошло восемьсот лет – срок немалый даже для истории. Опять-таки если подходить рассудочно, то моя поездка в Новгород-Северский выглядела наивно – конечно же время уничтожило почти все следы княжения Игоря. Я понимал это – и все-таки поехал. Если нельзя вернуться во времена восьмисотлетней давности, то можно посетить места, где происходили события «Слова о полку Игореве», где жил и княжил Игорь...

Я украдкой взглянул на Окладину, но улыбку на его лице не заметил, он внимательно слушал краеведа.

– Теперь Новгород-Северский – небольшой районный городок Черниговской области. Когда я ходил по его тихим, тенистым улицам, мне постоянно вспоминался наш Ростов – не потому, что они чем-то похожи внешне, а из-за схожести судеб: славное прошлое и тихое, скромное настоящее. Такие города строятся, молодеют, но внутренний взгляд их все время обращен в прошлое, к величию которого им уже не вернуться... Княжеский кремль при Игоре находился на холме над излучиной реки, на правом, высоком берегу Десны. Только в некоторых местах сохранились остатки валов, а большая часть древнего города была основательно перекопана, когда там построили завод. Из двенадцатого века археологам удалось найти янтарные украшения, топоры, наконечники стрел, костяные гребни, глиняные горшки, обломки крымских амфор. Мне показали проржавевшее металлическое писало, которым писали на навощенных дощечках или на бересте. И я подумал: кто знает, может, таким грубым, примитивным инструментом создавалось «Слово о полку Игореве»? Может быть, я стоял на том самом месте, где оно впервые прозвучало для тех, кто ждал и не дождался из похода воинов князя Игоря – сыновей, мужей, братьев? Это для нас с вами «Слово о полку Игореве» полно загадок и тайн, а для современников оно было ясным с первой до последней строчки. В таких местах, как Новгород-Северский, столетия как бы сжимаются, и до самого далекого прошлого остается сделать мысленно только шаг...

Волнение Пташникова передалось мне, я словно наяву увидел то, о чем он рассказывал.

– В обнаруженных археологами остатках жилищ печи сделаны не из глины, как обычно делали на юге, а из камней. Основание Новгорода-Северского относят к концу десятого столетия, когда князь Владимир Святославович, прозванный Красное Солнышко, до этого княживший в Новгороде на Волхове, приказал строить вокруг Киева города и заселять их жителями

северных районов Руси. Видимо, Новгород-Северский заселили выходцы из Новгорода, славяне из племени северян. Отсюда город и получил свое название, печки-каменки одно из подтверждений тому. Список, который нашел Мусин-Пушкин, носил черты новгородской письменности. Может, это простое совпадение, а может, и в двенадцатом веке, когда было создано «Слово о полку Игореве», не прерывались исторические связи Великого Новгорода со своим младшим братом Новгородом-Северским. Знаю, историки относятся к таким фактам скептически, – краевед бросил взгляд на Окладина, – но меня они всякий раз настораживают. Кстати, еще одно интересное совпадение: основателем династии черниговских и северских князей был прадед Игоря Святослав Ярославич – сын Ярослава Мудрого, который основал Ярославль, где было найдено «Слово о полку Игореве».

– О чем же говорит это совпадение? – все-таки не удержался Окладин от улыбки.

– Не стану приводить никаких объяснений. Просто я еще раз хочу заметить, что в истории очень часто вроде бы разрозненные события и факты оказываются взаимосвязаны.

Окладин промолчал.

– В том же двенадцатом столетии, когда было написано «Слово», в Новгороде-Северском построили Спасо-Преображенский монастырь. Археологи раскопали фундамент четырехстолпной одноглавой церкви. Возможно, перед походом князь Игорь был в этом монастыре, рядом с ним стоял будущий автор «Слова о полку Игореве», которому в числе пятнадцати русских воинов удалось спастись от гибели. Восемь столетий срок немалый, но там, на территории древнего монастыря, мне показалось, что эти столетия исчезли и из церкви выходит князь Игорь, за монастырскими воротами звенят оружием его воины, плачут женщины, с печальным предчувствием глядят на мужа Ярославна. История – наука серьезная, но, по моему глубокому убеждению, и историкам надо иметь воображение, только тогда археологические находки и сухие документальные факты заговорят, оживут, а значит, расскажут о событии так, как оно было на самом деле. Такое путешествие во времени я испытал там, в Новгороде-Северском, и с той минуты «Слово о полку Игореве» стало для меня не просто гениальным художественным произведением, а живым голосом той эпохи. Только ради этой минуты, которая приобщила меня к вечности и сильнее всех прочих доказательств убедила в подлинности, жизненности «Слова», стоило ехать туда. Если бы я был самым закоренелым скептиком, там у меня рассеялись бы последние сомнения...

Я думал, после такого страстного выступления краеведа Окладин уже не вернется к разговору о том, что «Слово о полку Игореве» – литературная мистификация. Но он и на этот раз остался верен себе:

– В истории с приобретением и изданием «Слова» слишком много запутанных и необъяснимых обстоятельств, потому неудивительно, что скептики так настойчиво отрицают его подлинность. Для объективности я все-таки предложил бы рассмотреть этот вопрос: кто создал «Слово о полку Игореве» – автор или мистификатор?...

Так спор краеведа с историком принял новый поворот, но было уже поздно, и мы решили вплотную рассмотреть заявленный Окладиным вопрос на следующей встрече, которая должна была состояться на квартире историка.

## Глава четвертая. Мне угрожают

Приступая к следующему очерку для молодежной газеты, я хотел вовсе не упоминать книгу с первым изданием «Слова о полку Игореве», таким необычным образом оказавшуюся у краеведа. Но уже во время работы понял, что она обязательно должна фигурировать в нашем расследовании, иначе оно будет неполным, лишится важного «вещественного свидетельства». Учитывая это, я упомянул ее, но представил дело так, словно она давным-давно хранилась

в библиотеке Пташникова и, таким образом, избавил себя от необходимости давать какие-то объяснения.

Однако в данном случае, как выяснилось буквально через день после опубликования очерка, такой предосторожности оказалось недостаточно.

Мне позвонил редактор молодежной газеты и, только поздоровавшись, в обычном для него «телеграфном» стиле сообщил:

– Вот какое дело. Сегодня ко мне в редакцию пришел один читатель, Старков. Его интересовали твои очерки об истории «Слова о полку Игореве». Он захотел с тобой встретиться, и я дал ему твой адрес.

– Не вижу в этом ничего предосудительного, – успокоил я редактора. – Почему ты вдруг решил позвонить?

– Когда он заполучил твой адрес, с него словно маска спала. До этого был вежливый и деликатный, а тут моментально изменился, чуть ли не в ультимативной форме стал требовать, чтобы я назвал ему, кто конкретно выведен в твоих очерках под именами Историка и Краевода.

Теперь и я проявил беспокойство:

– Надеюсь, ты не проговорился?

– Было такое желание, чтобы поскорее отвязаться от него, но сдержался. Что-то тут нечисто, уж больно странная метаморфоза произошла с этим любознательным читателем.

– Как же ты вышел из положения?

– Очень просто. Сказал, что автор, вероятней всего, просто выдумал эти персонажи, чтобы сделать повествование более занимательным. Тебя это устраивает?

– Вполне, но был ли удовлетворен таким ответом твой посетитель? Поверил ли он в это объяснение?

– Вряд ли. У меня сложилось впечатление, что Старков знает о наличии у Историка и Краевода реальных прототипов. Теперь ему зачем-то надо точно выяснить, кто они такие, вплоть до их адресов. Особенно, как мне показалось, его интересует Краевед. Так что будь готов к визиту, думаю, он к тебе обязательно зайдет. К твоим очеркам о «Слове» у него какой-то особый, повышенный интерес, словно ты ему где-то дорогу перешел.

– Странно, очень странно, – пробормотал я, осмысливая полученную информацию. – Как этот Старков выглядит?

– Лет ему около сорока. Среднего роста. Самое приметное на лице – брови: дергаются, словно за веревочку привязанные. И рот при разговоре кривит, будто лимон сосет...

Редактор назвал еще несколько примет посетителя, и я начал догадываться, кто он такой – любознательный читатель. Это не на шутку встревожило меня. И не потому, что я испугался встречи с ним, – я понял: его повышенный интерес к Пташникову вызван появлением у Краевода первого издания «Слова о полку Игореве». Теперь я уже раскаивался, что упомянул книгу в своем последнем очерке, но дело сделано, теперь надо ожидать последствий.

В тот же день вечером в моей квартире опять раздался телефонный звонок. Я снял трубку, но человек на другом конце провода молчал, было слышно его дыхание да шум проехавшего рядом автомобиля. Значит, звонили из будки телефона-автомата.

Еще через полчаса мне позвонили в дверь. Я открывал ее, уже наверняка зная, кто этот гость. И не ошибся. Передо мной стоял черноволосый, среднего роста мужчина, на узком лице которого сразу обращали на себя внимание темные подвижные брови и глубоко посаженные глаза, близко сведенные к переносице. Именно эти приметы называли все, кто видел этого человека до меня: и Лидия Сергеевна, у которой он интересовался стоимостью акварели с видом усадьбы Мусина-Пушкина, и Наташа, предполагавшая, что от этого человека исходит какая-то угроза Старику, и редактор молодежной газеты, которому он представился любознательным читателем.

Почему-то я был уверен, что наш разговор с самого начала пойдет на повышенных тонах, но в этом случае не угадал. Мужчина улыбнулся, высоко вскинув брови, и сказал густым, бархатистым голосом:

– Извините за беспокойство. Внимательно выслушав меня, вы, надеюсь, простите мою назойливость. Если коротко, это касается ваших очерков об истории списка «Слова о полку Игореве», которые начали публиковаться в молодежной газете. Я давно интересуюсь этим замечательным литературным произведением Древней Руси, потому просто не мог не обратить внимания на эти оригинальные и увлекательные публикации...

После такого вступления мне ничего не оставалось, как пригласить Аркадия Валерьевича Золина – так он назвался – в комнату.

Усадив гостя в кресло возле журнального столика, я уселся напротив и предложил ему закурить.

– Спасибо, но я, к сожалению, некурящий, – вскинул он обе руки, словно защищаясь от удара.

– Почему «к сожалению»? Это мне надо сожалеть, что до сих пор не могу бросить вредную привычку, – сказал я, закуривая сигарету и пододвигая к себе пепельницу.

– Да-да, действительно: курение – очень вредная привычка, – тут же согласился Золин со мной.

Похоже, он был готов согласиться с любым моим утверждением, лишь бы произвести благоприятное впечатление. Кроме того, он, видимо, был уверен, что редактор газеты не поставил меня в известность о его визите в редакцию и о том, чем их встреча закончилась. Чтобы проверить это предположение, я спросил Золина, откуда он узнал мой адрес.

– Зашел в справочное бюро, минутное дело, – не моргнув глазом, соврал он. «С этим человеком надо быть осторожным, – решил я, – иначе ложью как тенетом опутает».

Тут наш разговор был прерван появлением Марии Петровны – матери Юрия, которого я уже упоминал.

Что меня постоянно раздражало в этой дородной, громкоголосой женщине, так это ее непосредственность, граничащая с элементарным хамством. Всю сознательную жизнь она проработала в межведомственной охране моторного завода и на этом зыбком основании почему-то считала себя причастной к армейской службе и соответственно одевалась: летом щеголяла в брюках и в рубашках военного покроя с погончиками, зимой напяливала на себя «полковничью» папаху.

До этого мне довелось знать мужчину, ни дня не служившего в армии, но тоже, и в одежде и в поведении, старавшегося выдать себя за бывшего военного. Тогда его «игра в солдатики» казалась просто невинным чудачеством, но роль, которую взяла на себя Мария Петровна, воспринималась как нечто противоестественное и несуразное. Даже с соседями она разговаривала особым, «командирским» голосом, словно генерал с новобранцами.

Вот и сейчас, не поздоровавшись ни со мной, ни с моим гостем, она загремела во весь голос:

– Слушай, сосед, ты случайно не знаешь, куда мой Юрка каждый вечер намыливается? Ладно, раньше с дружками гулял, а теперь и не пьет, и дома не бывает.

– Значит, образумился, радоваться надо. У вас какое-то дело ко мне? – постарался я поскорее избавиться от неприятной соседки.

– Внучек заболел, так дочь просила сегодня приехать, чтобы я с ним дома посидела, пока он в садик не будет ходить. Юрки нет, а у нас один ключ на двоих. Ты запасной ключ у нас на всякий случай оставляешь, вот и нам так надо бы, да у Юрки все руки не доходят дубликат заказать. Если на ночь никуда не собираешься, оставлю ключ у тебя. Неизвестно, когда этот гулена явится, а мне пора уже ехать.

– Оставляйте, Мария Петровна, – обрадовался я, что разговор закончился так быстро. – Сегодня я весь вечер дома буду...

Когда за соседкой с шумом закрылась входная дверь, я вернулся к разговору с Золиным:

– Так что же вы хотели, Аркадий Валерьевич, узнать от меня? Чем могу помочь?

Золин моментально изобразил на лице готовность вывернуть наизнанку всю свою душу и с пафосом, достойным лучшего применения, заговорил, как кукла то и дело подергивая бровями:

– У каждого человека есть любимое литературное произведение. Для меня это – «Слово о полку Игореве». Я читаю буквально все, что печатается о нем в газетах и журналах, стараюсь приобрести все книги, в которых оно так или иначе упоминается. Поэтому, естественно, я сразу обратил внимание на ваш первый очерк о «Слове», опубликованный в местной молодежной газете. А второй очерк меня просто поразил.

– Любопытно, что же конкретно вас удивило в нем, – пожал я плечами. – Вроде бы никаких особых открытий там не было.

Золин торопливо объяснил:

– Видите ли, в чем дело. Девичья фамилия моей матери – Корсунская. А вы в своем очерке рассказываете о первом издании «Слова о полку Игореве», которое принадлежало семье Корсунских. Сами понимаете, я просто не мог не заинтересоваться историей этой книги.

– Эти Корсунские могли быть просто однофамильцами вашей матери, – заметил я, лихо радочно соображая, как вести себя с Золиным в данной ситуации.

Он протестующе замахал руками:

– Я интересовался у матери и точно выяснил: это те самые Корсунские, из рода которых она происходит. И ее дед, и прадед тоже были священниками и жили здесь, в Ярославле. Тут не может быть никаких сомнений.

Я попал в довольно-таки щекотливое положение и не знал, как из него выкрутиться. Человек, сидящий напротив меня, явно врал, в чем действительно не было никаких сомнений. Но мне, как хозяину, было неудобно сразу же, в первые минуты нашего разговора, разоблачать его. Да и как это сделать? Не требовать же с гостя, пусть и незваного, документы, удостоверяющие, что его мать происходит из рода тех самых Корсунских, которые были владельцами первого издания «Слова»?

В этой ситуации оставалось тянуть время и дожидаться момента, когда он сам разоблачит себя или даст мне повод уличить его во лжи. Я вспомнил слова редактора газеты, что в разговоре с ним вежливости Золину хватило ненадолго. Наверняка он сорвется и сейчас, если сразу не получит той информации, которая интересовала его.

– А ведь это замечательно! – с наигранным энтузиазмом воскликнул я и для убедительности даже хлопнул в ладоши.

– Что – замечательно? – растерялся Золин.

– То, что вы из рода тех самых Корсунских! В таком случае у меня к вам тоже будет масса вопросов. Пожалуйста, расскажите о вашей семье все, что знаете, а я, с вашего разрешения, запишу эти сведения.

Золин заметно смешался:

– Не понимаю, зачем это нужно?

Я изобразил на лице изумление:

– Как зачем? Я просто обязан сообщить читателям о встрече с вами. Посудите сами: объявился человек, предок которого, возможно, видел оригинал «Слова о полку Игореве»! Это же сенсация! – Я раскрыл лежащую на журнальном столике записную книжку, взял шариковую ручку и, поудобней устроившись в кресле, приготовился писать. – Итак, Аркадий Валерьевич, начнем. Сначала расскажите о себе, потом о вашей матери и так далее...

Моя атака застала Золина врасплох; направляясь ко мне, он не ожидал, что дело примет такой оборот. Несколько секунд мой гость не знал, как ответить, и только суетливо вытирал платком вспотевший лоб. Наконец проговорил, едва сдерживая злость:

– Собственно, я пришел не за тем, чтобы рассказывать о нашей семье, а кое-что узнать у вас.

Достигнутый успех надо было развивать дальше, и категоричным, не допускающим возражений тоном я заявил:

– Одно другому не мешает. Сначала вы ответите на мои вопросы, потом я – на ваши. А затем я вас сфотографирую. Думаю, редактор газеты с удовольствием напечатает портрет человека с такой интересной родословной, связанной с историей «Слова о полку Игореве».

Перспектива быть сфотографированным стала той каплей, которая переполнила чашу терпения Золина.

– Послушайте! – грубо прервал он меня. – С какой стати вы решили, что я буду давать интервью да еще фотографироваться?! Зачем мне это нужно?

Я посмотрел на Золина, изобразив одновременно и растерянность и огорчение.

– Простите, тогда я вас не понял. Вы только сейчас говорили, что «Слово о полку Игореве» – ваше любимое литературное произведение, давно интересуетесь его историей и читаете все, что ее касается. Так неужели вы откажетесь помочь человеку, который тоже всерьез занимается историей находки и гибели «Слова» и в своих очерках пытается ее восстановить? Согласитесь, это не совсем вяжется с вашим заявлением о любви к этому замечательному произведению.

Будь на месте Золина человек с более развитой фантазией и лучше подвешенным языком, он на ходу сочинил бы историю семьи Корсунских с такими деталями и подробностями, что я исписал бы не одну страницу записной книжки и сам себя проклял бы за это бессмысленное интервью. Однако, на мое счастье, Золин не обладал таким талантом и за неимением его был вынужден отказаться от взятой на себя роли, чего я и добивался.

– Вот что! Давайте говорить по делу, – рявкнул он, нервно дергая губами и еще чаще вскидывая брови. – Я пришел выяснить, кто скрывается в вашем очерке под именами Историка и Краеоведа. Ответьте на этот вопрос – и я сразу же оставлю вас в покое.

Мне оставалось играть избранную мною роль до конца:

– С чего вы взяли, что у героев литературного произведения обязательно должны быть прототипы?

– Не пытайтесь водить меня за нос! – Золин все больше терял контроль над собой. – Мне точно известно, что в данном случае речь идет о конкретных, реально существующих людях. И мне нужны их адреса.

– Зачем?

– Я действительно интересуюсь историей «Слова о полку Игореве».

Вот мне и хотелось бы задать им несколько вопросов, на которые, чувствую, вы ответить не способны.

– А вы все-таки попробуйте.

– И пробовать не стану, бесполезное занятие. В своих очерках об истории «Слова» вы только то и делаете, что добросовестно пересказываете содержание дискуссий между Историком и Краеведом.

– Вы так считаете?

– Я в этом уверен.

– Так вот знайте: Историк и Краевед – вымышленные лица, а все те сведения, которые они высказывают, принадлежат многочисленным исследователям «Слова о полку Игореве».

Я произнес эту фразу с такой уверенностью, что готов был сам поверить в свою искренность. Но на Золина мое заявление не произвело никакого впечатления, он убежденно повторил:

– Историк и Краевед – реальные люди, в придачу хорошо вам знакомые. Напрасно пытаетесь меня обмануть.

– Вам неприятно?

– Хорошего мало.

– Вот видите! А сами пошли на обман.

– В чем я вас обманул? – дернулся в кресле Золин, словно его ударило током.

– Несколько часов назад вы были у редактора молодежной газеты и назвались ему Старковым, а приехали ко мне – и уже стали Золиным. Уверен, если у вас в кармане есть какой-нибудь документ, то там указана совсем другая фамилия, – наобум сказал я, но по реакции гостя понял, что попал в точку. – Думаю, и к Корсунским, если проверить, вы никакого отношения не имеете.

Целую минуту Золин (чтобы не путать читателей, я буду называть его так) молчал, наигрывая бровями и бросая на меня хмурые взгляды.

– Значит, вы отказываетесь дать мне адреса этих людей? – пытаюсь скрыть угрозу в голосе, спросил он.

– Сначала объясните, зачем вам нужны их адреса.

Золин глубоко вздохнул, словно перед прыжком в воду, и, придав лицу расстроенное выражение, как бы через силу проговорил:

– Хорошо, я все объясню, хотя сначала и не хотел этого делать. Когда-то я был владельцем первого издания «Слова о полку Игореве», которое вы упоминаете в своем последнем очерке. Затем книга исчезла у меня. И вот из вашего очерка я вдруг узнаю, что она находится у человека, названного вами Краеведом. Естественно, я хочу выяснить, как моя книга оказалась у него, в конце концов я имею на это законное право.

Я нутром чувствовал, что Золин опять беззастенчиво врет, но мысленно вынужден был признать: на этот раз его выдумка удачная и мне трудно ее опровергнуть.

Наблюдая мою реакцию, он сверлил меня острым, неприязненным взглядом, в котором, однако, была заметна неуверенность.

– Вы хотите сказать, что если я не назову человека, у которого сейчас находится книга, то, значит, выгораживаю похитителя?

– Вот именно! – тут же обрел Золин решимость. – Вы очень догадливы и прекрасно понимаете, что за умышленное укрывательство похитителя по головке не погладят. По такому поводу я в любое время и с полным основанием могу обратиться за помощью в милицию.

– Почему бы вам не сделать это сразу?

– Я не теряю надежды договориться по-хорошему.

– Резонно, – кивнул я и вопросительно добавил: – Кстати, за исполнение функции наводчика закон, вероятно, тоже сурово карает?

– На что вы намекаете? – вскинулся Золин.

– Сами не догадываетесь? А с виду – разумный человек. Неужели вы всерьез рассчитываете, что я поверю, будто книгу у вас похитили? Тогда бы вы действовали совсем иначе, не прибегая к дешевым приемам с фиктивными фамилиями и прочей чепухой. Скорее всего, вы сами хотите похитить книгу или присвоить ее каким-то другим незаконным способом, для того вам и потребовался адрес ее настоящего владельца.

Я не знаю, как бы в горячке спора ответил мне Золин, поскольку в то самое мгновение в комнате раздался телефонный звонок. И надо же было так случиться, что мне позвонил именно Пташников – тот самый человек, адрес которого безуспешно пытался выпытать у меня мой назойливый гость. Поэтому, растерявшись, я сказал в трубку:

– Иван Алексеевич, вы?!

– Почему вас так удивил мой звонок? – проворчал Пташников.

– Да нет, ничего.

– Хочу посоветоваться насчет первого издания «Слова о полку Игореве», владельцем которого я так неожиданно стал...

Более неудачного времени для обсуждения этой темы краевед вряд ли мог найти. Золин словно почувствовал, что разговор зашел о той самой книге, за которой он охотился, и не спускал с меня настороженного, пытливого взгляда, по моим ответным репликам пытаюсь догадаться, о чем конкретно идет речь.

Я прижал телефонную трубку как можно плотнее к уху и спросил Пташникова, о чем именно он хотел посоветоваться со мной.

– Теперь, когда вы сообщили о книге в своем очерке, о ее существовании узнали сотрудники нашего музея, занимающиеся историей «Слова о полку Игореве». Пока я еще не показывал им книгу, но в ближайшее время намерен это сделать. Естественно, мне зададут вопрос, каким путем она очутилась у меня. А что я отвечу? Что ко мне пришла неизвестная девушка и ни за что ни про что подарила уникальное, ценное издание?

– Но ведь ничего другого вы и не можете сказать. Разве не так?

– Боюсь, мне просто не поверят, – вздохнул Пташников. – Вполне могут предположить, что я приобрел книгу каким-то незаконным способом, а чтобы уйти от ответственности, придумал не очень убедительную сказочку про добрую фею.

– Ну а сами вы как предполагаете поступить? – спросил я, строя фразы так, чтобы суть разговора не была понятна Золину, который прислушивался к нему все внимательней, стараясь не проронить ни слова. Хорошо еще, голос краеведа в трубке звучал приглушенно, и Золин не мог подслушать наш разговор полностью.

– А не дать ли в той самой газете, в которой публикуются ваши очерки, объявление с просьбой, чтобы девушка откликнулась и объяснила, как у нее оказалось такое редкое издание? Может, даже не догадываясь о том, она поставила меня в неловкое положение. Что вы об этом думаете?

– Думаю, не надо торопиться.

– А чего ждать?

– Вероятно, в ближайшее время все прояснится.

– Интересно, откуда у вас такая уверенность?

– Внутренний голос подсказывает, – пошутил я, хотя сейчас, под колющим взглядом Золина, мне было не до шуток. – Подождите, может, он и вам то же самое шепнет.

– Похоже, ваш внутренний голос более информирован, чем мой, – недовольно произнес краевед. – В субботу встречаемся у Окладина, вот я с ним и посоветуюсь. Чувствую, у него более трезвая голова, чем у нас с вами.

– До встречи, – воспользовался я удобным случаем, чтобы тут же прекратить обременительный и неудобный для меня разговор.

Положив трубку, посмотрел на Золина. Он тут же отвел глаза в сторону, но я успел заметить в них какое-то особое выражение, которое насторожило меня.

– Извините, приятель позвонил, – как можно небрежней сказал я, словно речь шла о моем сверстнике. – Так на чем мы остановились?

Неожиданно для меня Золин поднялся с кресла и мрачно произнес, злобно кривя рот:

– Я спрашиваю последний раз адрес человека, у которого находится эта книга.

– Считайте, такого человека просто не существует. Я его выдумал, а информацию о первом издании «Слова» взял из какой-то статьи. Такой ответ вас устраивает?

– Нет. Но вы еще пожалеете.

– Вы мне угрожаете?

– Просто предупредил, что вас ждут неприятности.  
– Спасибо за заботу.  
– Очень скоро вы иначе заговорите, – уже с явной угрозой в голосе бросил Золин и вышел из квартиры.

Хотя я был полностью уверен, что, не сообщив Золину адрес краеведа, поступил совершенно правильно, меня охватило беспокойство. Почему после звонка Пташникова он так быстро кончил этот допрос? Не дал ли я ему в руки какую-то нить, которая поможет ему выйти на краеведа?

Однако, опять и опять вспоминая наш разговор по телефону, я не находил в своих словах ничего, что Золин мог бы использовать в своих целях. На какое-то время я успокаивался, а потом вновь возвращались сомнения. Уходя от меня, Золин явно принял какое-то решение. Не следует ли на всякий случай предупредить Пташникова?

## Глава пятая. А был ли мистификатор?

И все-таки, рассудив спокойно, я решил раньше времени не паниковать и пока ничего не говорить Пташникову. В конце концов ничего страшного не случится, даже если Золин каким-то образом выяснит, кого я вывел в своем очерке под именем Краеведа. Другое дело, что, если их встреча состоится, мне придется рассказать Пташникову и Окладину все, что предшествовало началу следствия по делу о «Слове о полку Игореве». А этого, учитывая просьбу Старика, мне не хотелось делать, по крайней мере сейчас, когда мы только приступили к расследованию.

Вместе с тем, вынужденный хитрить с историком и краеведом, я испытывал неприятное ощущение вины перед ними, и если бы не просьба Старика, давно рассказал бы им о полученном письме, положившем начало нашему расследованию. Направляясь в субботу к Окладину, успокаивал себя тем, что сделаю это при первой же возможности.

Еще в прошлое посещение Окладина я хотел спросить его об Ольге – дочери историка, с которой мы познакомились во время поисков новгородских сокровищ. В этот вечер, подав кофе, Окладин сам вспомнил о ней:

– Без Ольги как без рук: и в квартире беспорядок, и кофе так себе. А жена, как всегда, целыми днями в театре, вот и приходится самому крутиться. Ольга по распределению уехала работать в сельскую больницу под Рыбинском. Надеялся, будет хоть по выходным приезжать, но говорит – работы много. Только по телефону и общаемся...

Больше к этой теме Окладин не возвращался, но чувствовалось, что разлуку с дочерью он переживает тяжело, пожалуй, даже хуже, чем длительные гастроли жены.

Выпив по чашке кофе, который показался мне не таким уж и плохим, как приbedнялся Окладин, мы продолжили следствие, прерванное в прошлый раз.

– Итак, автор или мистификатор создал «Слово о полку Игореве»? Чтобы ответить на этот вопрос, давайте выясним, какими качествами должен обладать мистификатор...

Не надо было быть опытным физиономистом, чтобы, взглянув на Пташникова, догадаться, как этот разговор неприятен ему. Но Окладин словно не замечал его состояния:

– Во-первых, этот неизвестный должен был в совершенстве знать древний русский язык и иметь под рукой несколько старинных рукописей и летописей, чтобы проникнуться духом времени и правильно изложить ход событий. Во-вторых, он должен хорошо изучить те места, где разворачивались события. В-третьих, нужно иметь явные способности к поэтическому творчеству. Как видите, Иоиль Быковский, у которого, по сообщению Мусина-Пушкина, было приобретено «Слово», обладал всеми этими качествами.

– Архимандрит в качестве мистификатора?! – возмущенно произнес Пташников. – Иоиль Быковский никогда бы не выступил в такой унижительной роли.

– Я тоже так думаю, – согласился Окладин. – Но он мог попробовать себя не в роли мистификатора, рассчитывавшего обмануть читателей, а в роли автора древнего произведения, и эта попытка удалась как нельзя лучше. Каким-то путем, вероятнее всего через Арсения Верещагина, рукопись оказалась у Мусина-Пушкина. Тот дожидается смерти архимандрита и выдает «Слово» за подлинное древнее произведение. Возможно, Арсений Верещагин был против публикации, поэтому Мусину-Пушкину пришлось ждать и его смерти. Эта версия объясняет если не все, то очень многие загадки в истории «Слова»: и столь долгое молчание о ней Мусина-Пушкина, и его ссылку на Иоилия Быковского, и шифровку Арсения Верещагина по поводу смерти архимандрита, и то, почему весь тираж «Слова о полку Игореве» без движения лежал в доме графа, – он все еще боялся разоблачения мистификации. Я готов выслушать ваши возражения, – сказал Окладин мрачно поглядывающему на него Пташникову.

– Сначала хотелось бы узнать, кто еще находится в списке подозреваемых. Теперь вы, вероятно, назовете самого Мусина-Пушкина?

– Он мог быть если не исполнителем, то организатором подделки. В его Собрании российских древностей многое вызывало у современников сомнение в подлинности.

– Что конкретно вы имеете в виду?

– Например, Тмутараканский камень. В его подлинности очень сомневался такой известный ученый, как Шлецер.

На мой вопрос, что представлял собой Тмутараканский камень, мне ответил краевед:

– В 1792 году на Таманском полуострове обнаружили мраморную плиту со следующим текстом: «В лето 6576 индикта 6 Глеб князь мерил море по леду от Тматорокани до Корчева 1400 сажень». Камень попал в коллекцию Мусина-Пушкина, и графа стали обвинять в подлоге, что он чуть ли не сам выбил текст на камне.

– Тмутараканский камень появился, как только Екатерине Второй потребовалось обосновать свою политику на юге России, – заметил Окладин. – Не слишком ли своевременное появление?

– На это обвинение Мусин-Пушкин так ответил Калайдовичу: «Даже до того неблагоприятные доходили, что покойную, в Бозе опочивающую мудрую Екатерину осмелились уверить, что я ее обманываю, что найденный Тмутараканский камень мною выдуман».

– Вероятно, подозрения Шлецера и других современников графа на чем-то основывались, – сказал Окладин.

– В пользу подлинности Тмутараканского камня есть доказательство, которое не опровергнуть тысяче немецких и местных шлецеров: на месте его находки позднее обнаружили остатки летописной Тматоракани. Сравнив «Слово о полку Игореве» с Тмутараканским камнем, вы привели еще один пример в защиту «Слова». Тот же Шлецер потом признался, что «это творение в пиитической прозе есть древнее и даже подлинное, теперь я более не сомневаюсь».

– Вы говорили, Мусин-Пушкин мог быть организатором подделки, – обратился я к Окладину. – А кто был тогда исполнителем?

– Например, опытные и известные фальсификаторы Бардин или Сулакадзев – на их счету много удачных, убедительных подделок. Нельзя исключать из списка подозреваемых и тех, кто непосредственно помогал Мусину-Пушкину в подготовке «Слова о полку Игореве» к изданию, – Бантыш-Каменского и Малиновского. Первый мне кажется наиболее подозрительным. Учился в Нежинском греческом училище, затем в Киевской духовной семинарии. Опытный археограф. Опять-таки именно ему Арсений Верещагин тайнописью сообщил о смерти Иоилия Быковского. Возможно, Бантыш-Каменский только соответствующим образом обработал произведение архимандрита, который и не думал о подлоге.

– Бантыш-Каменский был серьезным ученым, написал фундаментальный труд «Обзор внешних сношений России», долгие годы возглавлял Московский архив Коллегии иностранных дел. Он ни за что не пошел бы на мистификацию, – заявил краевед.

– Ученые мужи тоже любят иногда пошутить, – усмехнулся Окладин.

– Список «Слова о полку Игореве», сделанный с подлинной рукописи, был представлен Екатерине Второй. Вряд ли верноподданный граф и его высокопоставленные друзья стали бы шутить с императрицей. Это им дорого бы стоило.

– Согласен, на такое они бы не решились.

– Значит, подделка рукописи Мусиным-Пушкиным и его друзьями полностью исключается, – напустился Пташников, болезненно относившийся к каждому выпад Окладина против графа.

– Просто они не предполагали, что на их мистификацию обратит внимание сама императрица. Они ставили перед собой более скромную задачу. Когда же о «Слове о полку Игореве» узнала Екатерина и безоговорочно поверила в его подлинность, им ничего не оставалось, как продолжить начатую игру до конца.

– Есть веское доказательство, что издатели «Слова о полку Игореве» не могли быть авторами подделки! – убежденно произнес краевед и рассказал следующее.

В мае 1815 года Мусин-Пушкин в крайне возбужденном и радостном состоянии приехал в Общество истории и древностей российских при Московском университете и чуть ли не с порога объявил собравшимся здесь:

– Господа! Я приобрел драгоценность!

Зная, как граф удачлив на интересные и неожиданные находки, все обступили его, начались расспросы, посыпались просьбы показать эту драгоценность.

Однако при себе ее у графа не было, он пригласил всех желающих в гости, в заново отстроенный дворец на Разгуляе, где при нашествии Наполеона погибло графское Собрание российских древностей.

Накалив таким образом интерес к новой находке до предела, Мусин-Пушкин вынес гостям пожелтевшую от времени тетрадку, а в ней – «Слово о полку Игореве»!

Все в восторге стали поздравлять графа – наконец-то нашелся еще один список «Слова», который положит конец сомнениям в его подлинности, снимет с Мусина-Пушкина несправедливые обвинения.

Хмурится только один из гостей – Алексей Федорович Малиновский. Хозяин заметил это, спросил, в чем дело.

– Да ведь и я, граф, купил вчера подобный список, – вздохнул Малиновский.

Мусин-Пушкин в растерянности.

– Как так?! У кого?

– У Бардина. Сто шестьдесят рублей выложил...

Граф все еще сомневается, за рукописью Малиновского послали слугу. Оба «древних» списка положили рядом и убедились: сделаны они одной и той же умелой рукой фальсификатора Антона Ивановича Бардина.

– Вот вам и доказательство, что ни Малиновский, ни Мусин-Пушкин не могли быть авторами подделки «Слова о полку Игореве», – закончил Пташников. – Иначе бы они за эти списки Бардину и гроша ломаного не заплатили.

Окладин поинтересовался, как стала известна эта история. Краевед сообщил, что в журнале «Москвитянин» о ней рассказал известный археограф и знаток древнерусских рукописей Погодин.

– Присутствовал ли при этом случае Бантыш-Каменский?

– А какое это имеет значение? Бантыш-Каменский здесь ни при чем, – ответил Окладину краевед.

– На эту занятную историю можно иначе взглянуть: если ни Малиновский, ни Мусин-Пушкин не смогли определить подделку в тот раз, то могли ошибиться и с первым списком «Слова о полку Игореве», который тоже был поддельным. Организатором фальсификации

мог быть Бантыш-Каменский, в качестве исполнителя он привлек купца Бардина. В то самое время были сфабрикованы такие памятники древнерусской литературы, как Русская Правда, «Устав Ярослава», «Житие Бориса и Глеба». Фальсификатор Сулакадзев пошел еще дальше – он подделывал «древние» произведения, которых вовсе не существовало. Среди них – «Боянова песнь Славену», Державин даже сделал ее поэтический перевод. Тем более могли ошибиться Малиновский и Мусин-Пушкин.

– Кроме издателей, список «Слова о полку Игореве» видел Карамзин, известный в то время палеограф Ермолаев, определивший его почерк как полуустав пятнадцатого века, другие знатоки древнерусской литературы.

– Все это говорит только о том, что уровень исторических наук, той же палеографии, был весьма невысок, что и вызвало целый поток подделок.

– По-вашему получается, фальсификатор был на голову выше всех, кто тогда занимался «Словом о полку Игореве»: издателей, переводчиков, комментаторов, историков. Больше того, этот великий неизвестный специально ввел в текст «Слова» такие непонятные, темные места, которые разобрали только в двадцатом столетии. Нет, на такое не способен даже самый хитроумный и ловкий мистификатор – предвидеть, как разовьется историческая наука за двести лет, и специально оставить в тексте непонятные места, которые смогут расшифровать только в наше время. Ни один мистификатор не смог бы сделать подделку с таким дальним прицелом, главное для него – убедить современников, а не далеких потомков. Тот же Бардин изготавливал свои подделки, наверное, не ради того, чтобы мы о нем сейчас говорили. Да и принцип работы, если в данном случае можно так выразиться, у мистификаторов был другой: чем древнее будет выглядеть подделка, тем она ценнее, тем больше за нее заплатят. Найденный Мусиным-Пушкиным список «Слова о полку Игореве» относят к пятнадцатому или шестнадцатому веку, а время создания самого произведения – двенадцатый век. Все известные подделки начала девятнадцатого века претендовали быть древними рукописями, а не одним из более поздних списков. Кроме того, «Слово о полку Игореве» дошло до нас в составе сборника произведений. Как правило, мистификатор подделывал только одно произведение, подделывать целый сборник занятие трудоемкое и опасное: можно допустить одну досадную ошибку – и огромный труд пойдет насмарку.

Выслушав краеведа, Окладин тут же привел свои доводы:

– Я уже говорил, что сборник произведений мог составить сам Мусин-Пушкин. А для пущей убедительности рядом со «Словом о полку Игореве» поместил подлинные древние произведения. При этом по неопытности между двумя частями «Девгениева деяния» вставил не относящееся к этому произведению «Сказание о Филипате и о Максиме и о храбрости их». Но это не единственная промашка графа. Он дал полное название Хронографа, которым открывался сборник, благодаря чему исследователи точно определили, что это был Хронограф Распространенной редакции 1617 года. Следующая за ним летопись – похищенные графом листы Новгородской Первой летописи Младшего извода. Короче говоря, желая подчеркнуть древность и подлинность «Слова о полку Игореве», граф переусердствовал и сам себя разоблачил – сборник такого разномастного состава не мог быть подлинным.

– Опять вы за свое! – рассердился Пташников. – Как вы не понимаете, что именно эта разномастность и свидетельствует о подлинности «Слова о полку Игореве»! Мусину-Пушкину и в голову не могло прийти, что найдутся умники, которые подвергнут подлинность «Слова» сомнению, поэтому он точно обозначил все, что входило в сборник и даже в какой-то степени компрометировало древность самого «Слова о полку Игореве». Он не думал, что скептики будут цепляться буквально к каждому сообщенному им факту.

– Кто-то справедливо заметил, что для науки нет ничего приличнее, чем скептицизм. Скептики продлевают жизнь науки.

– Они же способны своим скептицизмом умертвить любое важное открытие. Именно скептики вроде французского ученого Мазона пытались и пытаются сейчас умертвить «Слово о полку Игореве», с корнем вырвав его из русской литературы.

На мой вопрос, кто такой Мазон, мне обстоятельно ответил Окладин:

– Известный филолог-славист, член многих академий, в том числе и нашей Академии наук. Он считал, что авторы «Слова о полку Игореве» – льстецы, обратившие свое вдохновение на службу национализма и политики императрицы Екатерины. Среди западных ученых у него и сейчас есть свои сторонники.

– Даже самому образованному иностранцу трудно судить о достоинстве такого произведения, как «Слово о полку Игореве», – убежденно произнес Пташников.

– Скептики были и среди русских.

– Это не делает им чести. Возражая рецензенту журнала «Библиотека для чтения», который тоже сомневался в подлинности «Слова о полку Игореве», декабрист Кюхельбекер записал в своем дневнике: «Рецензент почти утвердительно говорит, что “Слово о полку Игореве” не древнее сочинение, а подлог вроде Макферсонова “Оссиана”. Трудно поверить, что у нас на Руси, лет сорок тому назад, кто-нибудь был в состоянии сделать такой подлог; для этого нужны были знания и понятия такие, каких у нас в то время ровно никто не имел; да и по дарованиям этот обманщик превосходил бы чуть ли не всех тогдашних русских поэтов и прозаиков, вкупе взятых».

Я поинтересовался у Пташникова, о каком подлоге писал Кюхельбекер.

Краевед на мгновение смешался:

– Эта история никакого отношения к «Слову» не имеет.

– И все-таки, почему Кюхельбекер вспомнил о ней?

Иронически посмотрев на краеведа, мне ответил Окладин:

– В 1765 году шотландский учитель Джеймс Макферсон издал в Глазго «Сочинения Оссиана, сына Фингала», якобы найденные в горной Шотландии и переведенные им с гельского языка. Книга получила огромный успех, песням Оссиана подражали Гете, Карамзин, Пушкин. И никто из них не сомневался в подлинности сочинений Оссиана, пока за дело не взялись английские филологи, которые доказали, что это самая настоящая литературная мистификация, выполненная на очень высоком уровне.

– Значит, Оссиана не существовало?

– Макферсон был талантливым человеком, хорошо знал гельский фольклор и свою мистификацию создавал на основе существовавших сказаний о легендарном воине и барде кельтов Оссиане, по преданиям жившем в третьем веке нашей эры в Ирландии. Сначала эти сказания существовали в устной форме, а в двенадцатом веке некоторые из них были записаны. Заметим, что и «Слово о полку Игореве» рассказывает о событиях двенадцатого века. В судьбах этих произведений подозрительно много общего: сначала восторг, потом первые робкие сомнения и, наконец, все становится на свои места. Впрочем, со «Словом» этого еще не случилось.

– И не случится, не вижу тут ничего общего, – насупился Пташников. – Успех «Оссиана» был вызван тем, что Макферсон талантливо подделал свои песни под модный тогда средневековый колорит и сентиментальный тон. Только благодаря этому он и добился успеха, а «Слово о полку Игореве» на моду не рассчитано, оно все – из древности, из начальной русской культуры.

– Макферсон тоже не все из пальца высосал – ученые нашли в его сочинениях несколько фрагментов гельского фольклора, которые он так удачно обработал, что обманул самых тонких ценителей. Создатель «Слова» тоже мог взять за основу летописный рассказ о походе Игоря на половцев. Кстати, любопытная деталь: Карамзин не нашел ничего лучшего, как сравнить только что найденное «Слово» с песнями Оссиана, то есть с подделкой. Вы цитировали Шле-

цера, признавшего подлинность «Слова», но оборвали его фразу там, где он тоже вспомнил песни Оссиана: «... верно ли оно везде переведено на новый русский язык и наполнено ли оссиановским духом, пусть судят другие». Таким образом, Карамзин и Шлецер, говоря о подлинности «Слова о полку Игореве», называли рядом поддельные песни Оссиана. Весьма показательное сравнение.

– Разве они не знали, что песни Оссиана – подделка? – удивился я.

– Это выяснилось позднее. Макферсон умер в 1796 году, примерно в то же время Мусин-Пушкин стал говорить о находке «Слова». Можно предположить, слава шотландского учителя не давала покоя сиятельному графу, который был честолюбив, и появилось «Слово», прославившее его владельца и издателя. История «Слова о полку Игореве» разнится с судьбой песен Оссиана в том, что мы до сих пор не знаем имени автора этой талантливой подделки. Или авторов...

Я уже не первый раз замечал, что историк умышленно пытается раззадорить краеведа и вызвать его на спор, а потом очень внимательно выслушивает очередные доказательства подлинности «Слова о полку Игореве». Иногда у меня даже возникало ощущение, Окладин во многом согласен с Пташниковым, но по какой-то причине старается это скрыть.

Вот и сейчас историк с интересом поглядывал на краеведа, ожидая, какие еще доказательства он намеревается привести в пользу «Слова». Я не понимал позиции Окладина, но она вполне устраивала меня – благодаря ей мои знания о «Слове о полку Игореве» и о позиции тех, кто подвергал его подлинность сомнению, пополнялись все новыми сведениями.

По виду Пташникова можно было догадаться, он уже раскаивается в том, что так неудачно процитировал Кюхельбекера, вспомнившего песни Оссиана.

– Кто же был настоящим автором «Слова о полку Игореве»? – спросил я Пташникова.

– Называли галицкого книжника Тимофея, певца Митуса, черниговского тысяцкого Рагуила, новгородского посадника Романа, милостника Святослава Киевского Кочкаря. Список предполагаемых авторов все увеличивается. Недавно появилась еще одна гипотеза: автор «Слова о полку Игореве» – сам князь Игорь!

– Неожиданная версия, – проронил Окладин, и непонятно было, то ли он сказал это всерьез, то ли с иронией. – Какие же доводы приводят в ее пользу?

– Доводы довольно-таки убедительные. Впрочем, судите сами. Кто, как не князь Игорь, мог так преувеличивать значение своей битвы с половцами? Она представлена чуть ли не как самое главное событие эпохи, «такой рати и не слыхано» – вот какую высокую оценку дает ей автор.

– Что ж, вполне веский довод, – согласился Окладин. – Хотя, с другой стороны, гипербола – преувеличение – часто используется в поэтических произведениях.

– Кому, как не Игорю, нужно было это произведение, чтобы оправдаться перед современниками за свой неудачный поход и сокрушительное поражение? Кто лучше князя Игоря знал все обстоятельства похода, битвы, пленения и бегства?

– Действительно, получается стройная версия. А как к ней относитесь вы? – спросил историк Пташникова.

– Безусловно, князь Игорь мог быть образованным человеком и написать произведение-исповедь. Исследователи древнерусских произведений давно заметили, что если летописец сообщает о ком-нибудь очень много подробностей, то, вероятней всего, он пишет о самом себе. Но естественно ли было использовать такой прием в поэтическом произведении? А главная слабость этой версии, на мой взгляд, в том, что автор «Слова о полку Игореве» понимал опасность разобщения Русского государства, а князь Игорь сам создавал эту разобщенность, выступив против половцев почти в одиночку. По летописному свидетельству, от войска Игоря в живых осталось только пятнадцать человек. Высказывалось предположение, что автор «Слова» был в их числе, отсюда его знание военной тактики, оружия, воинских доспехов. По

тому, как автор усиленно поднимает роль и значение княжеской дружины, можно предположить, что сам он был дружинником. Непомерное восхваление Игоря – рядового удельного князя – может свидетельствовать о том, что автор был княжеским милостником. Но самое главное – он был талантливым, прозорливым человеком и за незначительным походом честолюбивого князя увидел факт общенациональный, типичный, который в конце концов привел Русь к ордынскому игу.

– Есть еще одна «княжеская» версия – будто автором «Слова» был великий князь Святослав Всеволодович.

– Вряд ли Святослав стал бы воспевать славу своему младшему родственнику – князю Игорю...

Краевед назвал целый список предполагаемых авторов «Слова о полку Игореве», но так и не сказал, к какой версии склоняется сам. Когда я спросил его об этом, он открыл записную книжку и зачитал из нее:

– «Рек Боян и ходы на Святославля песнетворца старого времени Ярославля, Ольгова коганя хоти»... Это отрывок из «Слова», после которого в хрестоматии по древней русской литературе следует такой вот комментарий: «Очень темное и явно испорченное место. Многочисленные попытки комментаторов объяснить его при помощи различных конъюнктур должны быть признаны малосостоятельными». – Пташников захлопнул записную книжку. – Появилась версия, связанная с анализом этого темного места, что «ходы на» нужно читать как «Ходына» – а это и есть имя автора «Слова», который исходил всю Русскую землю, за что так был и назван в народе. Я долго верил этой версии, поскольку считал, что автор «Слова» обязательно должен был оставить в тексте свое имя.

– А сейчас вы придерживаетесь другой версии?

– Ипатьевская летопись, в которой приводится самый полный летописный рассказ о походе князя Игоря на половцев, состоит из трех частей: древнейшего летописного свода Повести временных лет, составленного в Киевском Выдубицком монастыре свода 1200 года и галицко-волинской летописи с несколькими ростово-суздальскими записями. Некоторые исследователи считают автором второй части тысяцкого боярина Петра Бориславича. Так вот, исследуя стиль «Слова о полку Игореве» и этой части Ипатьевской летописи, нашли определенное сходство в употреблении таких слов, как «веселие», «потоптати», «шоломя». А существительное «чага» – полонянка, невольница – вообще встречается только в «Слове о полку Игореве» и в той части Ипатьевской летописи, которую якобы написал Петр Бориславич.

– Совпадения отдельных слов можно объяснить иначе: авторы Ипатьевской летописи и «Слова о полку Игореве» были современниками и пользовались одним словарным запасом древнего русского языка, – сказал Окладин.

– А действительно ли список «Слова» сгорел? – перевал я разговор на другую интересующую меня тему.

– Наиболее ретивые скептики и враги Мусина-Пушкина обвиняли его, что он чуть ли не специально оставил свое Собрание российских древностей в Москве, чтобы оно погибло, поскольку в нем якобы больше было подделок, чем подлинных вещей и рукописей. В полной гибели коллекции графа не сомневался Калайдович, а он по делу о судьбе «Слова» провел самое настоящее следствие. В биографии Мусина-Пушкина со слов графа ясно написано, что Собрание вместе с великолепным графским домом было «превращено в пепел». Для русской культуры это была потеря невозполнимая. Карамзин в письме Малиновскому так и отзывался: «История наша лишилась сокровища».

– Неужели из всего собрания Мусина-Пушкина ничего не уцелело? – не отставал я от краеведа.

– Несколько древних рукописей, бывших на руках у Карамзина, и то, что хранилось в ярославском имении графа в селе Иловна. В 1848 году его сын Владимир Алексеевич составил

завешание, где указывались манускрипты, которые должны были быть переданы как дар семьи Мусиных-Пушкиных в Академию наук и в Публичную библиотеку. Но они туда не поступили, следы этих рукописей пропали. Однако позднее выяснилось, внук Мусина-Пушкина в 1866 году передал их собирателю Черткову. Сейчас они в Государственном историческом музее. Несколько вещей в Ярославском музее – вот и все, что осталось от богатейшего собрания. А между тем вся коллекция Мусина-Пушкина, которую он собирал в течение сорока лет, могла сохраниться в целости, – с неподдельной болью в голосе сказал Пташников, словно гибель собрания произошла на его глазах. – Граф написал проект прошения к императору присоединить свое Собрание к библиотеке Коллегии иностранных дел, которую возглавлял его приятель Бантыш-Каменский, с правом пользоваться этой библиотекой младшему сыну Александру. Однако он не успел довести задуманное до конца. В Москве погибло уникальное собрание, а на следующий год, в битве при Лютенебурге, погиб и Александр – майор Ярославского ополчения. Видимо, после окончания службы он намеревался пойти по стопам отца, потому тот и хлопотал допустить сына к работе в библиотеке, в которой хранились древние русские рукописи и документы...

Через несколько дней я получу новые сведения о судьбе Александра и всей семьи Мусиных-Пушкиных, причем из источника, о существовании которого мы в этот вечер даже не догадывались, но появление которого в Ярославле было прямо связано с проводимым расследованием.

В этот вечер Пташников так и не вспомнил, что хотел посоветоваться с Окладиным о первом издании «Слова», подаренном краеведу загадочным доброжелателем. Я только обрадовался этому – неизвестно, чем для меня закончился бы их разговор.

## Глава шестая. Убийство в графской усадьбе

Все, о чем историк и краевед так увлеченно говорили во время нашей последней встречи, надо было немедленно, пока эти сведения не изгладились в памяти, изложить на бумаге. И я с утра сел за письменный стол, чтобы закончить работу над очередной главой уже на следующий день. Но вечером в моей квартире прозвучал телефонный звонок, который опять выбил меня из рабочей колеи.

Мне позвонила Лидия Сергеевна, извинилась за поздний звонок.

– Помните, я рассказывала о мужчине, интересовавшемся ценой подлинной акварели с видом усадьбы Мусина-Пушкина в Иловне? Так вот, сегодня он опять появился у нас в музее. Я хотела вам сразу позвонить, но заболела одна наша сотрудница, я ездила ее навещать и только сейчас вернулась домой...

Почему-то я упустил из виду, что Золин может начать поиски Пташникова с музея, поэтому сейчас ожидал от Лидии Сергеевны самых неприятных известий.

– Вы слышите меня? – удивилась женщина моему молчанию.

– Да-да, говорите. Зачем он приходил?

– К сожалению, сначала он обратился не ко мне, а к моей помощнице и спросил ее, не было ли в последнее время каких-нибудь интересных поступлений, связанных с историей «Слова о полку Игореве». Ну, она и похвасталась, что нашлась подлинная акварель с видом мусин-пушкинской усадьбы.

– А разве акварель до сих пор не в экспозиции?

– Что вы, так быстро такие дела не делаются, – урезонила меня Лидия Сергеевна. – Надо оформить соответствующие документы, провести полное исследование экспоната и так далее.

– Понятно, понятно, – нетерпеливо прервал я Лидию Сергеевну, вроде бы намеревавшуюся изложить мне все тонкости музейного дела. – Как этот человек прореагировал на появление в музее акварели?

– Моя помощница потом рассказала, что он даже в лице изменился, чуть ли не в ультимативной форме потребовал сообщить ему, кто передал акварель музею. Но она не знала этого – и послала его ко мне. Когда я назвала вашу фамилию, он чуть не ругнулся, едва сдержался. Видимо, вы с ним знакомы?

– Да, недавно познакомились и очень мило поговорили, – не стал я вдаваться в неприятные подробности нашей встречи с Золиным. – О чем он еще спрашивал вас?

– Поинтересовался, читала ли я ваши очерки об истории «Слова о полку Игореве», которые публикует молодежная газета. Конечно, я довольно-таки внимательно ознакомилась с ними, о чем и сообщила этому человеку.

– А он?

– Задал вопрос, показавшийся мне очень странным: не знаю ли я, кто скрывается под именами Историка и Краеоведа.

– И вы ответили ему, это Окладин и Пташников, – обреченно проговорил я, уже не сомневаясь, что Лидия Сергеевна даст утвердительный ответ.

– Сама не знаю почему, но я поостереглась сказать об этом. Впрочем, наверное, меня насторожила его реакция на появление акварели с видом усадьбы Мусина-Пушкина. У меня создалось такое впечатление, что он был готов выхватить ее из моих рук.

– Значит, вы ее все-таки показали?

– Да, уж так получилось, он очень настойчиво просил меня об этом, – извиняющимся тоном произнесла Лидия Сергеевна. – А вы считаете, мне не следовало этого делать?

Я, как мог, успокоил женщину:

– Главное – вы не дали ему адрес Пташникова, а все остальное не столь важно. Когда-нибудь я объясню, в чем тут дело. Возможно, с тем же вопросом к вам обратится кто-то другой, но по поручению этого человека, поэтому, пожалуйста, никому не говорите про Окладина и Пташникова, у них могут быть неприятности.

– Все это похоже на запутанный сюжет для детективного романа, – вздохнула Лидия Сергеевна, выслушав меня. – Хотя я и не большая почитательница этого жанра, но в данном случае согласна стать вашей соучастницей. Чувствую, кроме акварели вы нас еще чем-то удивите. Кстати, первое издание «Слова о полку Игореве» появилось у Пташникова не с вашей помощью?

– Не совсем, но некоторым образом я причастен к тому. Только не говорите Пташникову, придет время – я сам все ему открою.

– Сплошные загадки.

– А что вы скажете о моих очерках об истории «Слова о полку Игореве»? – поспешил я перевести разговор, испугавшись новых вопросов, на которые не смогу ответить.

– Если честно признаться, мне не очень понравилось, как в ваших очерках представлен Алексей Иванович Мусин-Пушкин, – откровенно заявила женщина и, спохватившись, добавила: – Наверное, автору слышать такое неприятно?

– Мне очень важно знать ваше мнение, так что не стесняйтесь, не обижусь, – заверил я Лидию Сергеевну.

Выдержав паузу, она продолжила:

– Несмотря на скандальные слухи, которые окружали графа, это был деятельный, образованный человек, как немногие в то время понимавший необходимость сохранения культурных и исторических ценностей прошлого. А вы его чуть ли не на скамью подсудимых посадили, допрашивали почти как преступника. Так нельзя, он не заслужил такого отношения к себе.

– Но я здесь ни при чем! – попытался я оправдаться. – Это Михаил Николаевич Окладин так критически относится к Мусину-Пушкину, подвергает сомнению подлинность «Слова о полку Игореве». А я только добросовестно пересказываю его споры с Пташниковым, почти не делая никаких комментариев.

- Вы не находите позицию Михаила Николаевича странной?
- Странной? Что вы подразумеваете?

– Толком я и сама не могу объяснить, но чувствую – он что-то скрывает от вас, отсюда вся его язвительность по отношению к Мусину-Пушкину и недоверчивость к подлинности «Слова о полку Игореве». Я его очень давно знаю, мы вместе заканчивали педагогический институт, одновременно учились в аспирантуре, да и сейчас довольно часто общаемся по работе в ученом совете нашего музея. Ведь совсем недавно он воспринимал «Слово» как подавляющее большинство русских интеллигентных людей – с гордостью и восхищением, что в отечественной культуре есть такое сокровище. А сейчас, если судить по вашим очеркам, его словно подменили. Что могло с ним произойти?...

Попрощавшись с Лидией Сергеевной, я еще долго обдумывал ее последнее замечание. Действительно, что скрывается за критическим отношением Окладина к «Слову о полку Игореве» и Мусину-Пушкину, нашедшему древний список? Нет ли в руках историка каких-то неоспоримых доказательств, которые он выложит в последний момент и тем самым возьмет в споре с краеведом верх? Ведь он уже намекал мне на существование какого-то документа...

Хотя новая попытка Золина узнать, у кого находится первое издание «Слова», опять закончилась неудачей, я был уверен, она не последняя, он не отступится от задуманного и очень скоро опять предпримет какие-то неожиданные шаги. Но какие именно? От этого человека можно всего ожидать.

Непонятное поведение Окладина, молчание Старика, так и не откликнувшегося на мои первые публикации, наконец, непредсказуемость поступков Золина – все это отвлекало меня от работы над следующим очерком. Написал я его только на третий день – и почти тут же мне снова позвонила Лидия Сергеевна.

– Не могли бы вы сегодня приехать в музей? – поздоровавшись, спросила она. – Тут я нашла некоторые документы, касающиеся истории усадьбы Мусина-Пушкина в Иловне. Думаю, вам будет интересно их увидеть...

По голосу Лидии Сергеевны я понял, что ей удалось найти нечто непредвиденное, чего она сама не ожидала обнаружить. Поэтому через час после телефонного звонка я уже был в ее кабинете. Здесь, только увидев Лидию Сергеевну, я еще раз убедился в верности своего предположения – она была чем-то не на шутку взволнована.

– Помните, я говорила, что лишнее окно на акварели, которую вы передали в музей, не дает мне покоя? – начала Лидия Сергеевна, усадив меня за свободный стол. – Пыталась себя убедить, что это мелочь, не стоит и внимания обращать, а все равно никак из головы не идет. Короче, я обратилась к одному знакомому краеведу, недавно выпустившему в местном издательстве книгу, посвященную городу Мологе и истории затопления его Рыбинским водохранилищем. Он сам – уроженец Мологи и всю свою жизнь отдал коллекционированию материалов, связанных с судьбой родного города. Я рассказала ему историю акварели, которую вы принесли в музей, и спросила, нет ли у него каких-нибудь материалов об усадьбе Мусина-Пушкина в Иловне. И он вспомнил одну любопытную публикацию в мологской газете, напечатанную накануне ее закрытия в связи с затоплением Мологи. Вот эта статья. – Лидия Сергеевна вынула из папки на столе пожелтевший от времени лист газетной бумаги, на котором красным карандашом был подчеркнут интригующий заголовок – «Труп в дворянском гнезде», а ниже шел текст статьи:

«Ударными темпами продолжают подготовительные работы в котловане будущего Рыбинского моря, задуманного гением нашего вождя товарища Сталина и осуществляемого энтузиазмом советских людей, решивших бросить вызов самой природе, самой географии Земли. На новые места жительства и работы уже эвакуированы тысячи семей, сотни учреждений и предприятий, десятки сел и деревень. Эвакуация идет строго по плану и организовано. Однако иногда случаются неожиданности, которые никак нельзя было предвидеть. Так, после

взрыва графской усадьбы Мусиных-Пушкиных в селе Иловна, в которой ранее размещалось сельскохозяйственное училище, рабочие обнаружили в развалинах здания хорошо сохранившийся труп мужчины. Перед взрывом из здания вывезли буквально все, что могло представлять собой хоть какую-то ценность, тщательно были осмотрены все подвалы и закутки, поэтому остается загадкой, где труп находился все это время. Однако можно предположить, что в доме имелся тайник, в котором и был надежно спрятан труп мужчины. Какую тайну хранило дворянское гнездо? Сколько еще подобных загадок таят в себе другие дворянские усадьбы, которые тоже подлежат затоплению? Можно только порадоваться, что рукотворное море навсегда уничтожит следы нашего мрачного прошлого, к которому нет возврата, что мы расстанемся с этим прошлым решительно и бесповоротно. Труп в дворянском гнезде – символ той нищей и бесправной России, с которой мы расстались навсегда. Новое море на картах мира – символ нового государства СССР, семимильными шагами устремляющегося к коммунизму! Редакция обещает читателям, что в ближайших номерах нашей газеты мы сообщим о результатах расследования этого загадочного происшествия, случившегося в селе Иловна».

Внизу под заметкой была указана фамилия ее автора – В. Курзин, тоже подчеркнутая красным карандашом.

– Матвей Александрович – краевед, о котором я вам говорила, – еще до того, как я обратилась к нему, заинтересовался этой заметкой и решил узнать, чем же закончилась история с трупом, обнаруженным в усадьбе Мусиных-Пушкиных. Однако, несмотря на обещание, мологская газета больше к этой теме не возвращалась. Больше того, до самого последнего дня существования газеты на ее страницах ни разу не появилась фамилия Курзина – автора этой заметки, хотя раньше он печатался чуть ли не в каждом номере, – многозначительно произнесла Лидия Сергеевна.

– Вы предполагаете, это как-то связано с заметкой?

– Так подумал Матвей Александрович. И решил покопаться в архивах – не осталось ли там каких-нибудь материалов, касающихся этой истории. Он проделал титанический труд, просмотрел груды документов, относящихся к подготовке котлована под будущее Рыбинское водохранилище, и все-таки нашел документ, который хоть и не полностью, но приоткрывает тайну этой истории. Вот копия обнаруженного им документа. – Лидия Сергеевна достала из папки листок с машинописным текстом:

«Начальнику участка № 7 Н.М. Коркину  
от прораба А.П. Зворыкина  
Объяснительная записка

Согласно плану подготовки котлована под водохранилище мне было поручено произвести полную эвакуацию усадьбы Мусиных-Пушкиных в селе Иловна Мологского района с последующей ее ликвидацией путем взрыва, так как она находится на трассе будущих водных сообщений. Эвакуация прошла в намеченные сроки и без каких-либо затруднений. Перед взрывом здания я лично вместе с ликвидационной комиссией обошел все комнаты, чердаки и подвалы, убедившись, что все ценное эвакуировано и людей в здании нет. После этого в нескольких местах, согласно ранее проведенным расчетам, была заложена взрывчатка и произведен взрыв, уничтоживший здание практически до основания. После взрыва в развалинах был обнаружен труп мужчины средних лет, в котором я опознал пропавшего ранее рабочего Веренина, принимавшего участие в эвакуации находящихся в усадьбе материальных ценностей. Судя по пробитому черепу, ко времени взрыва он уже был мертв, рядом с трупом мы нашли и орудие убийства – бронзовый канделябр на пять свечей, который был испачкан кровью. Но остался неясным вопрос

– где находился труп до взрыва, почему он не был обнаружен раньше? Тщательно изучив развалины правого заднего угла здания, где обнаружили труп, я пришел к выводу, что он был спрятан в тайнике, оборудованном в этой части здания, – мною были найдены и изучены два чугунных кронштейна, являвшиеся, по всей вероятности, частями потайной двери, которая вела в тайник. Каким образом Веренин оказался в этом тайнике, я не знаю. Расспрашивал рабочих – они тоже не в курсе. Нанявшись по найму, Веренин проработал в бригаде всего неделю, почти ни с кем не общался, поэтому откуда он и где работал до этого, никто не знает. Тело Веренина и бронзовый канделябр переданы сотрудникам мологской милиции, приехавшим на место происшествия. Считаю, что моей вины в случившемся нет, о наличии тайника меня никто не проинформировал, местным жителям о нем тоже ничего не известно. Кроме канделябра в развалинах обнаружен разломанный старинный стол, вероятно, также находившийся в тайнике».

Далее стояла подпись Зворыкина и дата.

Мне вспомнился бронзовый канделябр на пять свечей, который я видел в музее. Судя по всему, именно этим массивным канделябром был убит Веренин. Но за что? Как Веренин оказался в тайнике?

– Вашему знакомому краеведу больше ничего не удалось найти в архиве? – спросил я Лидию Сергеевну, возвращая ей прочитанный документ.

– Он пытался раскопать эту историю дальше, но в архиве никаких других следов не осталось. А сейчас Матвей Александрович уже в таком возрасте, что из дома не выходит...

Лидия Сергеевна что-то недоговаривала, но я не стал ее торопить и пустился в рассуждения:

– Значит, что мы имеем? Труп Веренина обнаружили в правом заднем углу здания, то есть именно там, где раньше было окно, нарисованное на акварели, которое позднее заложили. Теперь мы знаем, с какой целью сделали это, – чтобы устроить в том месте потайную комнату. Возможно, кроме канделябра там хранились какие-то ценности, ради их присвоения и убили Веренина. Убить его мог сообщник или посторонний человек, который подглядел, как он проник в тайник, и решил сам завладеть спрятанными там ценностями. Что вы скажете о такой версии?

– Выглядит вполне убедительно, – не сразу ответила мне Лидия Сергеевна. – Но в ней есть одно слабое место.

– А конкретно?

– Как вы объясните, что ни в газете, ни в архиве об этой истории не осталось других сведений?

– Газета, как вы говорили, скоро прекратила свое существование, а следствие, если оно проводилось, закончилось безрезультатно, поэтому история с трупом и не получила продолжения. Таким образом, все объяснимо, – менторским тоном заявил я.

– Но ведь в любом случае такое следствие должно быть проведено. Убили человека, выяснили, что в доме существовал тайник, – и больше об этом ни слова. Неужели вам не кажется это молчание странным?

Еще раз осмыслив имеющиеся факты, я вынужден был согласиться с Лидией Сергеевной:

– Пожалуй, в чем-то вы правы, здесь действительно не все вяжется одно с другим. Видимо, у вас есть какая-то собственная версия, почему история с трупом стала замалчиваться?

– Сначала у меня были одни подозрения, а теперь я точно знаю, в чем тут дело...

Такое многообещающее вступление не могло не заинтриговать меня.

– История оказалась еще более запутанной, чем можно было предположить. Я обратилась в архив бывшего Ярославского КГБ. Времена изменились, и теперь воспользоваться его материалами гораздо легче, чем раньше. В придачу мне очень повезло – человек, которому поручили мне помочь, сам заинтересовался этой историей и не сразу, но нашел документ, многое, хотя и не все, объясняющий. На руки этот документ мне не выдали, а сняли с него копию, правда, не полную – без указания автора служебной записки и кому она адресована. Но это уже не так важно...

Лидия Сергеевна положила передо мной еще одну страницу с машинописным текстом следующего содержания:

«...По Вашему поручению я выезжал в село Иловна Мологского уезда, где при взрыве дома Мусиных-Пушкиных был обнаружен труп мужчины, оформившегося на временную работу под фамилией Веренина. На месте я выяснил, что человек, назвавшийся Верениным, – оперуполномоченный НКВД С.М. Сырцов, посланный в Мологский район для выявления элементов, враждебно настроенных к строительству Рыбинского водохранилища и использующих недовольство части жителей, подлежащих выселению, для проведения злостной антисоветской пропаганды. До этого Сырцов регулярно высылал отчеты о проводимой им работе и сообщал о подстрекателях, пытающихся опорочить и сорвать важное государственное дело. На основании его отчетов несколько наиболее злостных врагов советской власти были арестованы. Но неожиданно сведения от Сырцова перестали поступать. До этого у нас с ним была договоренность, что в случае, если ему удастся выйти на организаторов антисоветской пропаганды, действующих в районе затопления, он постарается войти к ним в доверие и выявить все их связи. Именно этим обстоятельством я объясняю то, что Сырцов сменил фамилию, но как он оказался в Иловне, почему нанялся в бригаду, занимающуюся эвакуацией усадьбы Мусиных-Пушкиных, пока остается неизвестным, так как никаких сведений об этом он не сообщил. Судмедэксперт, исследовавший рану на голове Сырцова, сделал заключение, что он был убит бронзовым канделябром, найденным на месте преступления, однако отпечатков пальцев на канделябре не обнаружено. Тогда мы подвергли негласной проверке всех членов бригады, в которую устроился Сырцов. И тут выяснилось, что рабочий М.Н. Назаров – сбежавший из Волголага уголовник Самойлин, осужденный за ограбление заводской кассы в Рыбинске. Однако сразу после гибели Сырцова он исчез и в настоящее время его местопребывание неизвестно. На основании всего вышесказанного можно сделать вывод, что оперуполномоченный НКВД Сырцов был убит уголовником Самойлиным. Судя по имеющимся фактам, в доме Мусиных-Пушкиных находился тайник, где хранились какие-то ценности, которые Самойлин и похитил, убив при этом т. Сырцова, пытавшегося задержать его на месте преступления. Также можно предположить, что во время заключения в Волголаге, где он находился вместе с осужденными за антисоветскую деятельность, уголовник Самойлин стал убежденным и активным врагом советской власти, что и заставило Сырцова организовать за ним слежку. Там же в лагере Самойлин, возможно, встретился с кем-то из тех, кто знал о тайнике в усадьбе, и рассказал ему о хранящихся там ценностях. Однако эти предположения нуждаются в проверке. В селе Иловна удалось найти человека, видевшего, как в ночь перед взрывом дома Мусиных-Пушкиных от него отъехала подвода с грузом, накрытым брезентом, которую сопровождали двое мужчин. Приметы одного из них полностью совпадают с приметами Самойлина, другого свидетель не разглядел. Дальнейший путь подводы проследить не удалось, но направилась она в сторону Рыбинска. Розыск Самойлина продолжается. Нездоровый интерес к случившемуся в Иловне вызвала заметка В. Курзина “Труп в дворянском гнезде”, опубликованная в мологской газете. На редактора, допустившего утечку информации, не подлежащей разглашению, наложено взыскание, корреспондент Курзин отстранен от работы. Начальник участка № 7 Коркин, на территории которого находится усадьба Мусиных-Пушкиных, и прораб Зворыкин, обнаруживший тело оперуполномоченного Сырцова, предупреждены, что за разглашение информации о случившемся они

будут строго наказаны. Бригада, принимавшая участие в эвакуации усадьбы и ее уничтожении, расформирована...»

На этом копия документа обрывалась – видимо, у сотрудника бывшего КГБ, который сделал копию, были какие-то серьезные основания не приводить его полностью. Но даже в случае, если бы документ был перепечатан целиком, многое все равно осталось бы неясным. Почему оперуполномоченный НКВД, получив задание выявлять «антисоветские элементы», выслеживал обычного уголовника, для чего сменил фамилию и даже устроился на работу? Действительно ли в потайной комнате находились какие-то ценности и что конкретно? Кто был напарником Самойлина и куда они исчезли? Насколько обосновано предположение автора докладной, что из обычного уголовника Самойлин превратился в активного и убежденного врага советской власти? Действительно ли о существовании в усадьбе тайника он узнал, находясь в Волголаге?

Прежде чем проститься с Лидией Сергеевной, я опять вспомнил мужчину в черных очках и поинтересовался, не обращался ли к ней в ближайшие дни человек с такими приметами.

Женщина отрицательно покачала головой и спросила, кто это.

– Мне и самому хотелось бы выяснить. Он проявляет повышенный интерес к «Слову о полку Игореве», откуда-то знает имя и отчество Пташникова. Вот мне и подумалось: может, вы ему сказали...

Я был благодарен Лидии Сергеевне, что, выслушав меня, она не задала других вопросов, на которые трудно было бы ответить.

Пройдет еще несколько дней – и к загадкам, не дававшим мне покоя, добавятся новые, которые еще больше запутают ситуацию.

## Часть третья. Забытая версия

Статья называлась несколько претенциозно: «Книга жизни». Автор пытался доказать, как много может узнать человек, систематически и подробно наблюдая все, что происходит перед его глазами... По словам автора выходило, что человека, умеющего наблюдать и анализировать, обмануть просто невозможно. Его выводы будут безошибочны, как теоремы Эвклида...

– Что за дикая чушь! – воскликнул я, швыряя журнал на стол... – Не спорю, написано лихо, но меня все это просто злит. Хорошо ему, этому бездельнику, развалясь в мягком кресле в тиши своего кабинета, сочинять изящные парадоксы. Втиснуть бы его в вагон третьего класса подземки да заставить угадать профессии пассажиров! Ставлю тысячу против одного, что у него ничего не выйдет!

– И вы проиграете, – спокойно заметил Шерлок Холмс. – А статью написал я... У меня есть склонности к наблюдению и к анализу. Теория, которую я здесь изложил и которая кажется вам такой фантастической, на самом деле очень жизненна, настолько жизненна, что ей я обязан своим куском хлеба с маслом... Правила дедукции, изложенные мной в статье, о которой вы отозвались так презрительно, просто бесценны для моей практической работы. Наблюдательность – моя вторая натура...

*Артур Конан Дойл. Этюд в багровых тонах*

## Глава первая. Пропавшие письма

Рассматривая обстоятельства находки «Слова о полку Игореве», Пташников и Окладин неоднократно упоминали Ростов Великий, однако полностью его причастность к истории «Слова» мы так и не выяснили, а между тем я не мог избавиться от ощущения, что в судьбе древнего списка этот старинный город сыграл какую-то роль.

Когда по телефону я поделился этой мыслью с Окладиним, он сказал:

– Вы не одиноки в своем подозрении, точно так считает моя сестра Анна Николаевна, которая живет в Ростове. У нее есть весьма любопытная версия, как «Слово» очутилось в Ярославле. Если вас действительно интересует этот вопрос, навестите ее. Тем более, вы с ней давно знакомы, а главное – родственные души, она тоже любит всякие исторические загадки...

Несмотря на иронию в голосе историка, я понял, что даже на его скептический взгляд версия Анны Николаевны заслуживает внимания. В таком случае я был просто обязан навестить ее и выяснить все на месте. О чем, прощаясь, я и сообщил Окладину.

В тот день трудно было даже предположить, к каким неожиданным последствиям приведет моя поездка. Но прежде произошло еще одно событие.

Мне опять позвонила Лидия Сергеевна и, извинившись, что так часто в последнее время беспокоит меня, спросила, не желаю ли я ознакомиться еще с одним интересным документом, касающимся истории семьи Мусиных-Пушкиных.

Конечно, я тут же поехал в музей. Здесь, в знакомом кабинете, Лидия Сергеевна протянула мне старую синюю папку, прошитую по корешку толстой суровой ниткой:

– Вчера я ездила в командировку в Рыбинск, рассказала в музее о переданной вами акварели. Тогда один из сотрудников, занимающийся судьбой рыбинских дворянских усадеб, вспомнил, что у них в архиве хранится документ, происхождение которого тоже до сих пор не совсем ясно. В этой папке – обзор фамильных писем Мусиных-Пушкиных, которые приходили в Иловну больше двадцати лет. Но где эти письма находятся сейчас – неизвестно. Автор работы – Евгения Васильевна Подосинова – до войны работала в Рыбинском музее, добровольцем ушла на фронт и погибла, выполняя задание в тылу врага. Все это я узнала от ее дочери,

которая и сейчас живет в Рыбинске. Но и ей неизвестно, кто показал эти письма матери и куда они делись потом. Сама Евгения Васильевна написала об этом вскользь и очень туманно. Мне хотелось, чтобы вы ознакомились с содержимым этой папки. И знаете почему? Я не могу избавиться от ощущения, что неизвестный владелец этих пропавших писем как-то связан с человеком, который прислал вам акварель с видом усадьбы Мусиных-Пушкиных в Иловне...

Разумеется, я тут же забрал папку с собой, чтобы дома, в спокойной обстановке, ознакомиться с ней и на следующий день вернуть ее Лидии Сергеевне.

И вот я сижу за письменным столом, осторожно перелистываю пожелтевшие страницы с мелким машинописным текстом, тут же перепечатаваю наиболее интересные для меня куски. Из них и составлен прилагаемый ниже материал, в котором главное внимание уделено личности Алексея Ивановича Мусина-Пушкина. К сожалению, большая часть переписки пришлась на годы после смерти графа, но и в этих письмах близкие часто вспоминают его, в судьбах детей графа угадывается незаурядная натура их отца, ее же невольно отражают многие поступки и рассуждения Екатерины Алексеевны – супруги Мусина-Пушкина. Таким образом, этот материал – еще одна «информация к размышлению», дополняющая портрет самого важного свидетеля по делу о «Слове о полку Игореве».

На первой странице, в правом верхнем углу, был указан год написания работы – 1941-й. А ниже, под заголовком «Неизвестная переписка владельцев Иловны», шел текст, который я привожу ниже со значительными сокращениями.

«Прежде всего я должна предупредить, что не имею возможности назвать имя человека, на короткий срок вручившего мне рассматриваемые здесь письма, – таково было его главное условие, с которым я вынуждена согласиться, чтобы о их существовании, по крайней мере, стало известно общественности. Второе мое предупреждение состоит в том, что за неимением достаточного времени для более полного ознакомления с этими письмами предлагаемое мною сообщение надо рассматривать как подготовительный материал для серьезного научного исследования, которое, я надеюсь, обязательно состоится в будущем, когда исчезнут причины, заставившие обладателя писем обратиться ко мне за помощью в переводе, не раскрывая источника их приобретения.

Архив, попавший в мои руки таким необычным образом, представляет собой фамильные письма Мусиных-Пушкиных, полученные ими в семейной усадьбе Иловне за период с 1806 по 1829 год. Большинство писем написано на французском языке, причем таким красивым, изящным языком, что читать их доставило мне истинное удовольствие (французский язык я знаю в совершенстве, поскольку родилась в Париже, где мой отец был сотрудником российского посольства).

Не меньшее удовольствие доставило мне читать и немногие русские письма, написанные характерным языком того времени, языком Карамзина и Державина, еще испытывающим сильное влияние только что закончившегося восемнадцатого столетия.

По письмам из этого семейного архива видно, что к началу девятнадцатого века Мусины-Пушкины достигли, пожалуй, высшей точки своего расцвета и благополучия. Алексею Ивановичу принадлежали земли в Мологском, Рыбинском, Мышкинском, Нерехтском и Ярославском уездах, а также калужские, казенские и подмосковные имения, что делало его одним из крупных землевладельцев России. Но любимой его усадьбой была “родная”, как он неоднократно замечал в письмах, Иловна. Здесь вместе с семьей он проводит каждое лето, занимается строительством церкви, постоянно что-то переделывает в барском доме; всех, кто бы ни приехал к нему в гости, водит показывать “свою знаменитую мельницу”.

В письмах Мусин-Пушкин предстает рачительным и культурным хозяином, одним из самых образованных людей своего времени, знатоком отечественной истории и страстным коллекционером предметов искусства и старины, древних рукописей и книг. Несколько раз в письмах упоминается собрание каких-то очень ценных медалей. Из письма к нему великой

княжны Екатерины Павловны, которая обязана графу “в познании многих отечественных древних обрядов”, узнаем, что он дарил ей старинные книги, какие-то любопытные древности из своей коллекции.

Собственных писем Алексея Ивановича в этом собрании немного, и все они – на русском языке. Исключение составляют его указания архитектору, которые в письмах жене он дописывал по-французски. Непонятно, почему граф делал это исключение, речь в этих приписках шла о перестройке каких-то “маленьких комнат” в Иловне и в московском доме Мусина-Пушкина на Разгуляе.

Граф был убежденным противником, как он выражался, “вредной галломании”. Один из его сыновей пишет другому: “Отец очень обрадовался твоему письму, несмотря даже на то, что оно было на французском языке”.

Еще одна красноречивая деталь к портрету Мусина-Пушкина – его отношение к слугам и крепостным. При этом не следует забывать, что граф жил в эпоху Аракчеева и военных поселений, когда телесные наказания были не только обычны, но и узаконены, а жизнь крепостного ценилась порой дешевле охотничьей собаки. В этих условиях вся семья Мусина-Пушкина составляла редкое исключение. В 1808 году умер лакей графа Антон, и Алексей Иванович настолько огорчен этой смертью, что его не трогает даже пожар в одном из его имений, нанесший ему огромные убытки. В другой раз, когда заболел один из его дворовых, за ним ухаживала вся семья, за большие деньги в имение был приглашен знаменитый столичный врач. После смерти Мусина-Пушкина графиня Екатерина Алексеевна в письмах детям неоднократно ставит им в пример отца, который “за всю свою жизнь никогда не тронул пальцем ни одного из своих людей”. Когда младший сын Владимир – будущий декабрист – во время своего путешествия в Крым на какой-то станции побил станционного смотрителя – случай по тому времени заурадный – это вызвало в семье целую бурю: от матери, братьев и сестер к нему полетели возмущенные письма.

Доброта и гуманность Алексея Ивановича не мешали ему быть строгим и требовательным отцом. Можно представить себе, как бы отнесся он к поступку “декабриста”, будучи к тому времени жив.

Старший сын графа Иван, судя по переписке, был человеком добродушным, но несколько апатичным, слабовольным. Даже в зрелом возрасте он не выходит из подчинения отцу. Решив, что дипломатическая служба портит молодых людей, так как все в ней сводится к “хорошему обеду для желудка и к картам для ума”, отец заставляет его бросить это поприще и перейти на юридическое. “Пора заниматься серьезнее, а не все бостоном, лучше между гуляньем читать полезное, и при том завести порядок в делах”, – пишут старшему сыну родители. И тот, хотя мечтает о военной службе, не смеет ослушаться отца и подает прошение в сенат, “дабы в сем святилище правоправления возмог почерпнуть навык к делам”. Место он получил, но, увы, не в “святилище правоправления”, а в какой-то мелкой палате. Возмущенный и обиженный этим назначением, Иван, не решаясь обратиться к отцу, пишет раздраженное письмо матери и пеняет, что послушался родителей. Вряд ли Екатерина Алексеевна скрыла это письмо от мужа, и в результате Иван получает такой ответ: “Преодолевай всю неприятность твоего нового места. Благородно мыслящий человек с хорошим поведением не унижается местом. Послушание твое родительской воле, хотя и имеет следствием неприятное помещение, не останется без вознаграждения”.

И сын смиряется, хотя ему уже двадцать пять лет и он имеет камер-юнкерское звание.

К этому же времени относится письмо матери, в котором она (конечно, по наказу мужа) заставляет сына, получившего французское образование, осваивать родной язык: “Отбросьте Ваше самолюбие, что Вам 25 лет, здесь один молодой человек 30 лет как ребенок учится русскому языку”. Послушный родительской воле, Иван начинает выполнять и этот наказ, хотя имел в характере черты лениности, сибаритства.

Однако во время Отечественной войны этот мягкий, покладистый человек показал себя мужественным воином: был “употребляем в самых опасных случаях”, в битве при Лютенебурге “бросился сам собой, усмотрев, что неприятель опрокинул пехоту, и первый вошел в город”, участвовал в штурме Берлина и в победоносном вступлении в Париж, был награжден Георгием и золотой шпагой “за оказанную им храбрость и мужество противу французских войск”. И здесь, конечно, сказалось патриотическое воспитание, которое дал своим детям Алексей Иванович, для которого честь и достоинство России были превыше всего.

Но самой даровитой личностью из трех сыновей графа и пяти дочерей был, пожалуй, средний сын Александр. По его письмам видно, что он увлекался математикой и инженерными науками; путешествуя по Крыму, обмерял и исследовал знаменитый Тмутараканский камень; прекрасно зная древние языки, работал над переводами; был избран членом Общества истории и древностей российских.

Родители предназначали ему дипломатическую карьеру, которая, как писали они сыну, “гораздо была бы прочнее и выгоднее капитанского чина в армии”. Но это не Иван, вся его короткая жизнь была трудным поиском своего места в жизни, своего главного дела. “Прямо не видишь ни в чем своей пользы, по службе гонялся за разными предприятиями и ни одного не усовершенствовал”, – упрекает его мать за то, что вместо заботы о собственной карьере он кидается от одного занятия к другому. Его воспитатель – французский аббат Сюрюгм, бежавший в Россию от Наполеона, вторит Екатерине Алексеевне: “Вы истощили Ваши силы, желая скорей добежать до цели”.

Создается впечатление, что Александра понимает в семье только один человек – его отец, сам всю жизнь испытывающий жажду поисков и открытий. Намереваясь присоединить свое Собрание российских древностей к библиотеке Коллегии иностранных дел, Мусин-Пушкин пишет о том царю и просит допустить к пользованию этой библиотекой Александра, явно увидев в нем продолжателя того дела, которому ревностно и страстно служил сам. Но началась война с Наполеоном, и плану графа не суждено было сбыться.

Писем за двенадцатый год немного, но они дают яркое представление о том, как русская аристократия встретила войну с “узурпатором”. Графиня Екатерина Алексеевна, которая в это время находилась в Петербурге, пишет, как развлекается на островах высшее общество. От столицы не отстает и Москва, на Масленицу балы, спектакли, маскарады, концерты следуют непрерывной чередой. А на границе стоят одна перед другой две огромные армии. Тревожное затишье заканчивается переходом армии Наполеона Немана, положившим начало войне, которая затем будет названа Отечественной.

В Москву приезжает император Александр Первый, что вызывает в древней столице взрыв патриотизма. Купцы, аристократы, ремесленники экипируют и содержат за свой счет целые полки. Об этом каждую неделю пишет в письмах оставшийся в Москве аббат Сюрюгм. Тон писем спокойный, тревоги еще нет, и только после Смоленского сражения в них начинают звучать взволнованные ноты.

Наполеон продвигается все дальше в глубь России, все ближе к Москве. Богатые семьи начинают выезжать из Первопрестольной в Ярославль, Нижний Новгород, Рязань. За лошадей платят безумные деньги: пятнадцать лошадей до Казани – четыре тысячи рублей, две лошади до Рязани – пятьсот.

А в это время в Иловне Александр собирает из местных крестьян партизанский отряд и ведет его к Москве, где вступает в регулярную армию. В Иловну приходят его восторженные письма, из которых видно, что он сражается с французами, не ведая страха. Под пулями, которых, по его выражению, “можно набрать полные руки”, Александра огорчает только то, что ему так долго не высылают парадной формы.

Особенно хороши последние письма, когда русские войска без отдыха гонят Наполеона из России, когда Александру удалось отличиться при штурме Мариенвердера. Но это было уже

перед самой его смертью – 23 марта 1813 года при взятии Люнебурга, в который первым вошел старший брат Иван, Александр был убит.

“Лишась бесценного сокровища и приятнейшей сердцу моему надежды, чем начать и что сказать?!” – пишет о его гибели безутешный Алексей Иванович. “Необыкновенное свое желание служить отечеству он запечатлел своей кровью”, – сокрушается граф через месяц после гибели сына, которому исполнилось всего двадцать пять лет.

А первого февраля 1817 года, на семьдесят третьем году жизни, скончался и сам граф. Гроб с его телом крепостные крестьяне, в знак любви и уважения, безмолвно несли на руках от Москвы до “Иловны, где он и был погребен на семейном кладбище Мусиных-Пушкиных...”»

Всего в старой синей папке было тридцать страниц мелкого убогистого текста, но о самом Мусине-Пушкине я больше не нашел в ней никаких интересных сведений. Подробно рассказывалось о личной жизни его детей, о содержании писем к ним Екатерины Алексеевны, о ведении хозяйства в Иловне, о хороших и непутевых управляющих усадьбой. И только в самом конце автор обзора почему-то опять вернулся к событиям осени 1812 года и коротко сообщил еще об одном письме. В нем говорилось о ценностях, погибших в московском доме Мусиных-Пушкиных, и о том, как благодаря распорядительности старого слуги Ивана Петрова удалось переправить в Иловну картины, медали, гравюры и бриллианты.

Обзор заканчивала следующая фраза: «Из-за недостатка времени, которое было дано мне для ознакомления с этими письмами, я не могу подробно изложить их содержание, но и по сказанному здесь можно судить, насколько интересен и ценен этот архив; и тем обиднее, что его прошлое, настоящее и будущее покрыты мраком неизвестности».

С этим замечанием, внимательно ознакомившись с содержимым синей папки, трудно было не согласиться. Но это не все, что я вынес из знакомства с ней. В ходе нашего расследования по делу о «Слове о полку Игореве» я все время видел перед собой сиятельного графа Алексея Ивановича Мусина-Пушкина таким, каким он красовался на парадном портрете в музее, – энергичным и хитроватым баловнем судьбы. Сведения, извлеченные мною из синей папки, заставили меня иначе посмотреть на удачливого коллекционера. Я представил, какой трагедией была для него потеря Собрании российских древностей, которому он отдал всю свою жизнь. Как болезненно воспринимал граф слухи, сплетни, подозрения, окружавшие его имя и его Собрание. Каким ударом стала для Мусина-Пушкина гибель сына Александра, в котором он видел продолжателя своего дела. Возможно, собственная смерть была для графа как избавление от обрушившихся на него невзгод.

Представилось, как по заснеженной дороге, через древние русские города Сергиев Посад, Переславль-Залесский, Ростов Великий, Ярославль бородатые мужики в подпоясанных армяках несут на руках богато украшенный гроб своего барина, как на кладбище в Иловне тоскливо раздаются в морозном воздухе удары заступа и среди белых сугробов вырастает холмик черной земли.

И после смерти не повезло когда-то удачливому графу – найденное им «Слово о полку Игореве» сгорело в Московском пожаре, а над графской могилой, словно в насмешку, разлилось искусственное море, скрыв от людских глаз место погребения человека, посвятившего свою жизнь сохранению культурного наследия России, раскрытию тайн ее истории. Как часто судьба отворачивается от тех, кто этого не заслужил!

Возвращая Лидии Сергеевне синюю папку, я рассказал ей, как в корне изменилось мое отношение к Мусину-Пушкину. Выслушав меня, женщина довольно улыбнулась:

– По правде говоря, именно на это я и рассчитывала, когда давала вам папку... А что вы думаете об истории переписки? Как она очутилась у ее владельца и почему он поставил перед Подосиновой такое условие – не называть его имени?

– Что тут можно сказать, если она даже не намекнула, кто этот владелец?!

– Судя по всему, Евгения Васильевна была очень обязательной женщиной, потому и не нарушила данное ею обещание...

Лидия Сергеевна помедлила и, взглянув на меня, неуверенно спросила:

– У вас не возникает подозрения, что владелец этой переписки и человек, приславший вам акварель с видом усадьбы Мусина-Пушкина, – одно и то же лицо? И этот человек – уголовник Самойлин?

– Этого не может быть! – воскликнул я с такой горячностью, словно давно был знаком со Стариком и хорошо его знал.

– А по-моему, такой вариант вполне возможен, – рассудительно произнесла Лидия Сергеевна. – Я уже высказывала вам свое мнение, что акварель, вероятней всего, находилась в каком-то собрании или коллекции, которая была малодоступна. Таким местом вполне мог быть тайник в доме Мусина-Пушкина. После убийства оперуполномоченного НКВД Самойлин завладел хранившимися там ценностями, этой акварелью и перепиской.

– А зачем он прислал акварель мне?

– Ну, это уже другой разговор, тут остается только гадать. Может, перед смертью его начали мучить угрызения совести, вот он и выбрал вас – пишущего человека, – чтобы исповедаться перед вами, а потом, с вашей помощью, и перед другими?...

Предположение Лидии Сергеевны, сначала показавшееся мне фантастическим, теперь, когда она так логично его обосновала, не на шутку расстроило меня: не очень-то приятно будет узнать, что я затеял расследование по делу о «Слове о полку Игореве» по инициативе человека с уголовным прошлым, в придачу, вероятно, и сейчас скрывающегося под чужой фамилией. Но это было не самое страшное, меня пугало другое: с этим опасным человеком была хорошо знакома Наташа, ставшая его личным курьером.

Вернувшись из музея домой, я через справочное бюро узнал телефон общежития, где жила Наташа, и позвонил туда, но она еще не вернулась из института. Тогда я наказал дежурной, чтобы Наташа перезвонила мне сразу, как только появится.

Звонок, которого я ждал с таким нетерпением, прозвенел через три часа, когда я уже потерял надежду его услышать.

– Вы просили позвонить вам. Что случилось? – спросила Наташа, и от одного ее голоса у меня пропал собственный.

– Выслушайте меня внимательно, – с трудом взял я себя в руки. – Вы уверены, что Лев Семенович – человек, достойный доверия?

– Почему вы спрашиваете об этом?

– У меня есть основания сомневаться в его порядочности. Дай бог, если я ошибаюсь. А если нет? Я боюсь, он может обмануть вас, запутать в своих сетях, и вы окажетесь без вины виноватой.

– Не надо меня пугать. О каких основаниях вы говорите? Изложите их, иначе все это будет похоже на клевету.

– Вы можете назвать фамилию Льва Семеновича?

– Нет.

– Тогда по крайней мере ответьте: его фамилия не Самойлин?

– Нет, – повторила Наташа, но уже более резким тоном.

– Я не стал бы беспокоиться из-за пустяков. Пока мне самому еще не все известно как следует, но некоторые совпадения настораживают. Может, мы встретимся сегодня?

– Зачем?

– Хочется побольше узнать об этом человеке.

– Вон вы к чему клоните! – желчно произнесла девушка. – Зря стараетесь, я все равно ничего вам не скажу. И больше по этому поводу не звоните!..

– Не кладите трубку! – взмолился я, но в ответ услышал короткие гудки.

## Глава вторая. Преславный град Ростов

Несмотря на все случившееся, на следующий день после разговора с Наташей я отправился в Ростов, надеясь, что эта поездка отвлечет от тревожных мыслей.

Однако они не покидали меня всю дорогу. Опять и опять вспоминая телефонный разговор с девушкой, я то последними словами ругал себя, что затеял его, то возмущался Наташей, не пожелавшей прислушаться к моему предостережению. Вместе с тем меня не оставляла мысль, что, возможно, предположение Лидии Сергеевны насчет личности Старика ошибочно, построено на одном лишь стечении обстоятельств. В таком случае, если Наташа передаст мой разговор с ней Старика, он может тут же прервать наши отношения, и я никогда не узнаю, какими уникальными материалами о «Слове» он располагает. Или, кроме акварели и первого издания «Слова о полку Игореве», у него ничего больше нет и с самого начала меня вовлекли в какую-то мелкую, непонятную игру? Но тогда почему в ней участвует Наташа, которая с первой встречи показалась мне умной, уравновешенной девушкой?

Подозрения, одно фантастичнее другого, буквально роились у меня в голове и портили настроение. Больше того, когда автобус уже подъезжал к Ростову, я стал испытывать чувство, что кто-то, сидящий сзади меня, настойчиво смотрит мне в затылок. Несколько раз оглянулся, но никто из пассажиров не привлек моего особого внимания: одни дремали, другие равнодушно смотрели в окна.

Анна Николаевна жила в собственном домике неподалеку от вокзала, и, выйдя из автобуса, я отправился к ней пешком. И тут неожиданно ко мне вернулось неприятное ощущение, будто кто-то следит за мной. Чтобы избавиться от этого наваждения или, наоборот, – окончательно убедиться в обоснованности своей тревоги, я остановился и, закуривая, посмотрел назад, пристально вглядываясь в лица прохожих. Однако и на этот раз никто не вызвал моего подозрения.

Я уже хотел спокойно следовать дальше, как вдруг заметил на другой стороне улицы человека, показавшегося мне знакомым: высокого кудлатого мужчину в зеленой рубашке с закатанными рукавами. Не сразу вспомнил, что видел его в автобусе, среди пассажиров, вместе с которыми приехал в Ростов. Не его ли взгляд преследовал меня в дороге?

Но тут же я одернул себя – мало ли с кем из пассажиров автобуса мне могло быть по пути?

Однако для верности я решил все-таки понаблюдать за мужчиной: если он не остановится и пройдет мимо, значит, случайный прохожий.

Сначала мне показалось, подходя ко мне, мужчина замедлил шаги, словно вдруг сбился с дороги и не знал, куда идти дальше. Но тут же я убедился в своей ошибке: не глядя на меня, мужчина в зеленой рубашке энергично прошагал мимо и вскоре свернул за угол.

Я облегченно вздохнул – для полноты отрицательных ощущений не хватало только слежки. И направился к домику Анны Николаевны, не оглядываясь назад, уверенный, что все мои подозрения были ложными.

В повести «Секрет опричника» я уже рассказывал, при каких обстоятельствах познакомился с Анной Николаевной: как-то меня пригласили в Ростов на занятия литературной группы при районной газете, а потом, по дороге на вокзал, я проводил эту милую пожилую женщину до ее деревянного собственного домика с окнами, украшенными резными наличниками.

Наше знакомство продолжилось во время поисков новгородских сокровищ, когда след авантюриста Отто Бэра привел меня в Ростов Великий, где предприимчивый потомок иноземца-опричника был наконец-то арестован в одной из местных церквей.

О том, что Анна Николаевна – сестра Окладина, позднее я узнал от историка, сама же она об этом даже не обмолвилась. «Моя старшая сестра тоже любит иногда напустить таин-

ственности», – так объяснил Окладин ее поведение. Сейчас, подходя к знакомому дому, мне вспомнился разговор с ней о ростовском митрополите Ионе Сысоевиче, при котором был возведен здешний Кремль. Тогда я высказал предположение, что Иона Сысоевич, будучи активным сторонником низвергнутого патриарха Никона, потому и выстроил свой митрополичий двор в виде настоящей военной крепости, что хотел бросить здесь, в Ростове Великом, прямой вызов светской, царской власти. Хотя Анна Николаевна не оставила от моей версии камня на камне, но заметила, что мы с ней, судя по всему, родственные души, поскольку она тоже не любит, когда начинают утверждать, будто в отечественной истории все давным-давно известно и никаких загадок больше не существует. Именно это «родство душ» и усиливало мое желание поговорить с Анной Николаевной о «Слове о полку Игореве» – я надеялся услышать от нее сведения, которые, возможно, дополнят наше расследование.

Анна Николаевна встретила меня с таким радушием, что на время я забыл о тех неприятных мыслях, которые досаждали мне в дороге. Да и сама обстановка ее старомодной, уютной квартиры действовала на мои натянутые нервы успокаивающе: с пожелтевших от времени фотографий на стенах смотрели симпатичные лица многочисленных родственников и близких знакомых Анны Николаевны, тут же висели живописные и графические виды Ростова, образцы старинной ростовской финифти. А когда хозяйка подала на стол чай с вареньем, то я и вовсе почувствовал себя как дома у родителей.

С врачом беседуют о болезнях, с писателем – о творческих планах, с краеведом – о его родном городе. Даже без наводящих вопросов Анна Николаевна заговорила о Ростове, который любила самозабвенно и трогательно:

– В прошлом наш город называли Ростовом Великим, а теперь только и слышишь повсюду: Ростов Ярославский, Ростов Ярославский... Это несправедливо. Ведь Ростов гораздо старше Ярославля, который входил в Ростовское княжество, у нас богатейшая история, ростовцы внесли в русскую культуру огромный вклад. Разве теперь, когда Ростов стал районным городом Ярославской области, все это уже не в счет? Я понимаю. Ростов Ярославский звучит конкретнее – сразу ясно, о каком именно Ростове идет речь. Но такая конкретность нужна только тем, кто плохо знает отечественную историю. Зачем же ориентироваться на ленивых людей, не помнящих своего родства?

Мне вспомнилась стела при въезде в город с гордым оленем на гербе и торжественной надписью на камне: «Здесь светло красуется преславный град Ростов». Но собственно «преславный град» был дальше, возле Кремля, а сначала надо было миновать микрорайон новостроек, который ничем не напоминал о славном прошлом древнего города.

Анна Николаевна была права – как поэтично и величаво звучит Ростов Великий и сколько безвкусицы, канцеляризма в Ростове Ярославском, не говоря уже об исторической несправедливости.

Однако мы с Анной Николаевной оба оказались оптимистами и сошлись на том, что придет время, когда городу вернут его подлинное название.

Когда я, воспользовавшись случаем, объяснил хозяйке, что в Ростов Великий меня привело желание разобраться в истории «Слова о полку Игореве», она перебила меня:

– Можете ничего не объяснять – вчера мне позвонил Михаил Николаевич и уже сообщил о расследовании, которое вы затеяли. Меня только изумило, как вам удалось привлечь к нему моего брата? Ведь он такой рассудительный.

– А меня, Анна Николаевна, другое удивляет: обычно он защищает общепринятое, установившееся мнение, а в данном случае доказывает, что «Слово» – литературная мистификация. Ладно бы, это утверждал Пташников, но Михаил Николаевич...

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.